АЛЕКСАНДР ШИРВИНДТ
Опережая некролог
18+

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Я хочу, чтобы меня запомнили тем, кем я был, и настолько, насколько заслужил. (Александр Ширвиндт)Внимание! Содержит ненормативную лексику!

- Александр Ширвиндт
  -
  -
  - Я о себе
  - Они обо мне, а я о них
    -
    - Евгений Евтушенко
    - Эльдар Рязанов
    - Михаил Козаков
    - Давид Самойлов
    - Аркадий Арканов
    - Григорий Горин
    - Михаил Шемякин
    - Булат Окуджава
    - Татьяна Правдина-Гердт
    - Геннадий Хазанов
    - Илья Олейников и Юрий Стоянов
    - Владимир Зельдин
    - Мария Миронова и Александр Менакер
    - Кирилл Ласкари
    - Андрей Миронов
    - Юрий Энтин
    - Михаил Державин
    - Валентин Гафт
    - Виктор Шендерович
    - Фазиль Искандер
    - Александр Гельман
    - Михаил Жванецкий
    - Роман Карцев
    - Александр Иванов
    - Виктория Токарева
    - Анастасия Цветаева
    - Белла Ахмадулина
    - Екатерина Рождественская
    - Юрий Норштейн
    - Сергей Юрский
    - Юз Алешковский

- Игорь Губерман
- Михаил Мишин
- Семен Альтов
- Эдвард Радзинский
- Олег Табаков
- Анатолий Смелянский
- Марк Захаров
- Анатолий Приставкин
- Владимир Войнович
- Марк Розовский
- Елена Чайковская
- Аркадий Инин
- Георгий Менглет
- Юрий Рост
- Вадим Жук
- Наина Ельцина
- Юлий Ким
- Андрей Максимов
- Михаил Ардов
- Валерий Плотников
- Аркадий Ваксберг
- Новелла Матвеева
- Юнна Мориц
- Владимир Любаров
- Игорь Кваша

○ Заключение

Александр Ширвиндт
Опережая некролог

© Ширвиндт А.А., текст, 2020
© Трифонов А.Ю., дизайн, 2020
© ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2020
КоЛибри®

* * *

На 86-м году жизни после тяжелого и продолжительного раздумья принял решение уйти с поста художественного руководителя Московского академического театра сатиры Александр Анатольевич Ширвиндт. Он родился в Москве 19 июля 1934 года. Проведя 10 лет в борьбе со средним образованием, он, несмотря на сопротивление родителей, проник в Театральное училище имени Щукина, которое окончил в 1956 году, как ни странно, с красным дипломом. После этого, вы будете смеяться, 11 лет Ширвиндт проработал в Театре имени Ленинского комсомола, где сыграл три десятка ролей, в том числе, по мнению спохватившихся критиков, несколько удачных. Были даже случаи счастливой творческой жизни с 1963 по 1967 год под руководством Анатолия Эфроса. Этого не могли пережить начальники из ЦК комсомола, потому что это счастье не совпадало с представлениями о комсомольском счастье. И тогда бывшие счастливцы недлинной вереницей пошли за Синей птицей в Театр на Малой Бронной. Вереница была действительно недлинной, а птица в лице Анатолия Эфроса была на самом деле посиневшей от переживаний. Потом возник Театр сатиры. Транзит «Театр имени Ленинского комсомола – Театр сатиры» был недолгим, и в 1970 году Ширвиндт обосновался на площади Маяковского. Он работал актером, режиссером, автором и 20 лет назад заступил на пост художественного руководителя театра. Единственное, от чего он, пожалуй, в эти 50 лет увернулся, – от руководства пожарной охраной.

Трудно переоценить тот вклад, который Ширвиндт внес в историю…

Это было вступление или, скорее, предисловие. Нет, все-таки вступление. Возникает естественный вопрос: а зачем оно вообще? Ну, наверное, без вступления нельзя. А раз так, то читатель

должен знать, во что он вступает. Поэтому прежде всего необходима яркая картина значимости автора.

Но, честно говоря, вступление-предисловие – «жанр» подозрительный. В нем либо архизнаменитая личность, рекламируя автора, снисходительно поглаживает его по головке, либо какой-нибудь незыблемый авторитет популярно объясняет недалекому читателю содержание произведения.

Саму книгу просто так, например, со слов: «Как-то, помню, я ехал домой…» – мне кажется, начинать не стоит. Обязательно должен быть эпиграф. Допустим, автором придумывается фраза: «Быть, чтобы не забыли». И подписывается: «Ранний Гельвеций». Очевидно, сочинителю ближе ранний Гельвеций, поздний его раздражает. А без эпиграфа из Монтеня вообще стыдно появляться в литературе.

Очень завидую людям, у которых биография соткана из того, что помнишь. Тогда получается внятная картина: зачем и как жил. А если нет, то либо документально сдобренная фантазия, либо никому не нужная якобы правда. Спросить не у кого, поскольку оставшиеся старожиды ничего не помнят. Приходится врать самому. Соврал – ощущение, что вспомнил. Другой врун «вспомнил» противоположное – возникает диспут. Этакий круглый стол с острыми углами. «Ваш покорный слуга» – как я люблю это выражение – отдает рыцарством и дуэлями. Или «пишущий эти строки» – тоже красиво, правда, попахивает анонимкой.

Когда мне стукнуло 85, я подумал, что это вполне серьезная цифра, чтобы себя сформулировать. Не получается. Мешают трусость и инфантильность. Трусость закрывает глаза на количество вин (не выпитых вин, что тоже можно инкриминировать, а совершенных за этот немалый срок проступков), а инфантильность бросает в слезливое оправдание моральных и физических преступлений, совершенных в борьбе с действительностью.

На очередной диспансеризации у меня обнаружили синусовую брадикардию. В переводе на общедоступный – перебои. Вероятно, от сердца эти симптомы поползли по организму, и возникла мерцающая аритмия мысли.

Раньше я, бросаясь в графоманию, считал: не надо

замахиваться на монументальные мемуары со скромнейшими разделами «Я о себе» и «Они обо мне, а я о них». Теперь подумал: а почему бы и нет? Пусть еще одна книжонка рухнет в залежи литературных запасников.

Да, еще. Сноски. Наступает такой период биографии, когда сноски становятся значимее содержания. Поэтому в этой книжке я передвигаю их из-за черты оседлости внизу страницы наверх, к полноправному тексту.

Вот, пожалуй, и все. Нет, не все. Чуть не забыл: мнение автора может не совпадать с мнением редакции, или мнение редакции может не совпадать с мнением автора. Это стыдливо-трусливо-цензурная уловка. Конечно, нужны варианты: мнение автора может и совпадать с мнением редакции, мнение автора не может не совпадать с мнением редакции и мнение автора не может совпадать с мнением редакции.

Я о себе

Сейчас постановили, что нужно очень внимательно относиться к людям предпенсионного возраста. Это прекрасная

находка. Можно, например, при достижении предпенсионного возраста начать переучиваться на другую профессию. И государство в этом поможет. Предположим, если ты всю жизнь занимался макраме, то в 60 лет логично осваивать лесоповал, чтобы к 85-ти где-то в районе Иркутска стать успешным китайским лесопромышленником. Такая неожиданная забота о стариках – или следствие полной неуверенности в молодежи, или хитрый ход для убыстрения вымирания, так как обычно, если мы что-то начинаем беречь, то это накрывается быстрее всего.

Мой ребенок Миша возил меня как-то к одному врачу в Германию. Доктор отказался смотреть московские бумажки, только спросил меня: «На что вы жалуетесь?» Я честно признался, что жалуюсь на 19 июля 1934 года.

85 лет – дата, конечно, внушительная, но возраст – это не величина цифры, а состояние духа. У Бунина в повести «Деревня» есть щемящее определение: «это был старозаветный мужик, ошалевший от долголетия».

Не стареют душой ветераны. А тело? Может, кто-то помнит, что в наших аэропортах раньше были жуткие накопители: минут за сорок до отлета самолета пассажиров накопляли в каком-то предбаннике, в тесноте и духоте. Дома ветеранов сцены – как накопители перед выходом на небеса.

Александр Кушнер когда-то заметил: «Времена не выбирают, / В них живут и умирают». Умирать стали очень дисциплинированно, с жизнью сложнее.

Лет двадцать подряд я отдыхаю на Валдае – тупо сижу с удочкой. Саша Абдулов и Андрюша Макаревич на окраине Валдая построили дома. Когда Абдулов при всей своей занятости вырывался туда, там стоял дым столбом. Как-то звонит он мне полпервого ночи: «Дядя Шур, Андрюшка приехал, ребята собрались, давайте к нам». Я начинаю кобениться: «Саша, уже ночь, я старый. В следующий раз обязательно». И не оторвал задницу, не поехал. Сашку я больше не видел. Когда куда-то зовут, надо сразу лететь, а то есть риск больше никогда не увидеться.

Устраивали как-то вечер памяти Элика Рязанова в Концертном зале имени Чайковского. Через три дня там же – вечер памяти Булата Окуджавы. Не прошло и недели –

презентация книги о Михаиле Козакове. В Доме актера – вечер воспоминаний о Сереже Юрском. И я везде выхожу на сцену – становлюсь единственным случайно дожившим и превращаюсь в атрибут ритуальных услуг.

Телеканалы, газеты, журналы бешеной скороговоркой соболезнуют родным, коллективу и Родине в связи с очередной значимой потерей. Некогда пролить искреннюю слезу, слишком много действительно важных событий в мире, чтобы остановиться на единичной утрате. Даже минута молчания сегодня – условно-протокольный пункт вынужденной задержки бытия. Погрустили коротко и побежали дальше. Сейчас вынос тела совмещен с назначением на должность этого тела. Но, если взглянуть на эту проблему без лишнего максимализма, думаю, что некоторая «недовариваемость» скорби оправдывается сегодняшним затовариванием погоста.

Несколько лет назад 13 – я посчитал – художественных руководителей московских театров находились в возрасте от 80 до 90 лет. Великая дама советского и постсоветского времяпрепровождения на этой Земле (пишу это с полной ответственностью) Галина Борисовна Волчек сказала как-то на встрече с артистами, что необходимо в силу возраста подыскать для наших кабинетов сиделок. Тем самым даже она признала наличие заболевания.

У меня когда-то была «Победа», которая за 22 года прошла, наверное, 850 тысяч километров. Живого места на ней не оставалось. Но она продолжала верно служить. А когда она, извиняясь, отказала в езде и я понял, что пришло время ее продавать, я призвал опытного друга-гаишника, который тогда руководил конторой по скручиванию километража со спидометров старых автомобилей. Он без анестезии скрутил с моей ржавой подруги почти весь километраж, и я нахально продал ее как девственницу другому инспектору ГАИ, который выложил за нее какие-то символические деньги из сострадания и любви ко мне, даже не взглянув на спидометр, а лишь походя сказав, что подпольная контора по сматыванию километража – его дочернее предприятие. Это автомобильное воспоминание возникло в связи со старостью худрукского корпуса. Но, к сожалению, у худруков года не скрутишь.

Возможно, скоро сбудется зыбкая мечта театральных директоров, и атавизм «художественный руководитель» отпадет

от тела театра. Будет идеально совмещенная в одном лице фигура «худрук-директор» – чтобы не ревновать друг друга к полномочиям, а редко ссориться с самим собой. И на пепелище русско-советского репертуарного театра возникнут огромные монстры-кластеры – дискотека-фитнес-боулинг-кабак-бардак, а для обозначения театральных традиций посреди всего этого – подвешенная за жопу Васса Железнова. Но тогда новым хозяевам театров кроме рекламы «Виагры» придется прочесть, как минимум, «Грозу» или, что логичнее в данной ситуации, «Вишневый сад».

Что делать? Мудрый Володя Андреев решился и ушел от художественного руководства Театром имени Ермоловой, порекомендовав на эту должность Олега Меньшикова. Но Меньшиков – его ученик и театральный актер. Таких – по пальцам пересчитать. Володю сразу же сделали президентом театра. Потом появился еще один президент – президент в изгнании – Татьяна Доронина. Это антиконституционно! Президент – должность выборная, его нельзя назначать. Если я в списке, так сказать, очередник, то я категорически отказываюсь баллотироваться на этот пост. Я могу предложить себя, например, на пост председателя совета сада «Аквариум» или премьер-министра подземного перехода под Триумфальной площадью. Возможны варианты.

В театральном мире нет скамейки запасных. Я радуюсь, когда появляются яркие ребята типа Жени Писарева или Володи Машкова. Но это скорее исключение из правил. В том же МХАТе имени Горького худруком назначили человека с апробировано-скандальной биографией. Подмена лидера кадровой необходимостью… А в эпоху карьерно-кадрового беспредела общественное мнение бессмысленно.

Потрясающая по эпатажу, смелости и таланту пара проводит первую брачную ночь внутри катафалка и на нем же въезжает руководить многострадальным Театром на Малой Бронной. Символично и перспективно. Все время ловлю себя на том, что произвожу брюзжание. А потом успокаиваюсь – это старческое.

В Спарте со слезами и воплями сбрасывали пятидесятилетних стариков со скалы, чтобы не болтались под ногами грядущих граждан. В советское время сбрасывание со скалы гуманно заменяли торжественно-коллективными проводами на пенсию. Уходящим говорили сладкие слова, дарили помесь букета с

венком, хрустальную вазочку или жостовский поднос и худенький конвертик с неконвертируемой валютой. Так же торжественно вручали пожизненный пропуск на родное производство, который охранник отнимал у виновника торжества при выходе с собрания.

Сегодня законодательно пуганули работодателей штрафами до 200 000 рублей за попытку травли предпенсионного гражданина. Правда, не расшифровали, кому пойдут эти деньги – жертве гонений или, как обычно, государству.

Как метко заметил Грибоедов (он вообще многое заметил метко), «минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь».

4 декабря 2012 года я получил предупреждение об увольнении.*

* Правительство Москвы
Департамент культуры города Москвы

Художественному руководителю Государственного бюджетного учреждения культуры города Москвы «Московский академический театр сатиры» А.А. Ширвиндту

Предупреждение
об увольнении с должности художественного руководителя Государственного бюджетного учреждения культуры города Москвы «Московский академический театр сатиры» в связи с истечением срока трудового договора.

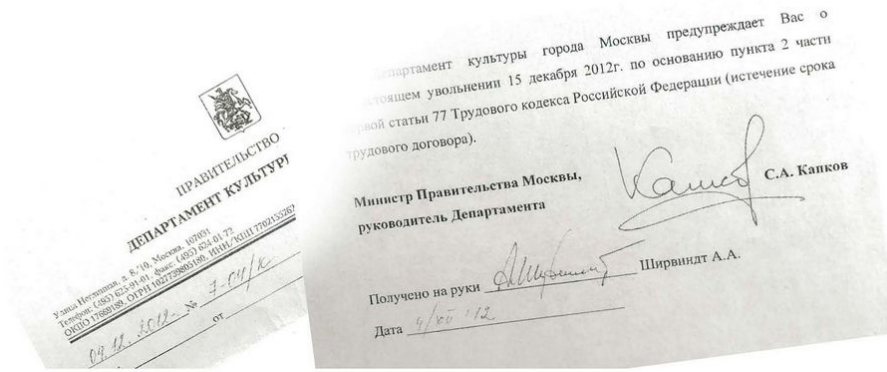
Департамент культуры города Москвы предупреждает Вас о предстоящем увольнении 15 декабря 2012 г. по основанию пункта 2 части первой статьи 77 Трудового кодекса Российской Федерации (истечение срока трудового договора).

Министр Правительства Москвы,
руководитель департамента С.А. Капков

Архив Театра сатиры

Ни спасибо, ни до свидания. Уволить «в связи с истечением срока…». Мне говорят: такая форма уведомления. Не знаю, какую

форму носил наш молодой начальник москультуры, я видел его в штатском.


ПРАВИТЕЛЬСТВО
ДЕПАРТАМЕНТ КУЛЬТУРЫ

партамент культуры города Москвы предупреждает Вас о
стоящем увольнении 15 декабря 2012г. по основанию пункта 2 части
вой статьи 77 Трудового кодекса Российской Федерации (истечение срока
трудового договора).

Министр Правительства Москвы,
руководитель Департамента С.А. Капков

Получено на руки Ширвиндт А.А.

Дата

Брызжа слюной и хамством, различные ораторы с высоких трибун призывают друг друга к корректности (вежливость, учтивость – см. словарь). «…По основанию пункта 2 части первой статьи 77…» Попахивает приговором. «Истечение срока» – да, сроки проживания худруков московских театров критические.

Патриотизм – дело суммарное. Многовековая русская театральная культура – значительная часть его. Робкие ростки патриотизма пробиваются иногда в нашу действительность, когда, например, некоторые начальники предлагают пересесть с иномарок на отечественные «бронетранспортеры». Но это крохи. Мы строим гражданское общество. Этот долгострой будет длиться вечно, пока в фундамент сооружения будет заливаться жидкий поток болтовни.

Прошло семь лет. Во время «истечения срока» этого договора сменились начальники. Видимо, очередной раз изменилась концепция, и я, несмотря на предупреждение об увольнении, продолжал занимать свой пост. И правильно. Я еще очень свежий. Я на 10 лет моложе Театра сатиры, которому исполнилось 95.

Когда Валентин Николаевич Плучек сделался физически слаб (я это сейчас понимаю как никто), то остро встал вопрос о кандидатуре худрука. Мои коллеги, так называемый худсовет – они же друзья, в сговоре с тогдашними московскими вице-мэром Людмилой Швецовой и председателем Комитета по культуре

Игорем Бугаевым уговорили меня ненадолго, пока не подберут что-нибудь настоящее, занять эту должность. Потом стопроцентный худрук Римас Туминас неоднократно при встречах напоминал мне мою фразу, что я согласился ненадолго, «а то, не дай бог, пришлют что-нибудь из Прибалтики». Действительно в театральной жизни Москвы – огромный урожай прибалтийской режиссуры. Туминас был назначен в Театр имени Вахтангова, который под его началом вновь приобрел событийные премьеры.

Это «ненадолго» длится два десятка лет. В конце каждого сезона я порывался уйти на вольные хлеба. Но меня останавливали пресловутая щепетильность, привязанность к долголетнему месту службы и уговоры коллег-друзей. Иногда зашкаливало, и думал: «Ну всё! Завтра же». В один из таких моментов зашкаливания я зашел после спектакля «Как пришить старушку» в гримерную Оли Аросевой, где она по традиции поила состав исполнителей своей клюковкой со своей же капустой. Войдя не в лучшем настроении и выпив клюковки, я сказал: «Ребята, всё! Олечка, дорогая, извини, я кончаю с худрукством». Аросева согласилась: «Договорились. Но после моей смерти». На что я искрометно ответил: «Хорошо, только ты с этим не тяни». Оли не стало, а я продолжал тянуть.

Врешь самому себе, что пора завязать со всем и всеми и – в родной очаг: огород, внуки, слезы умиления, благодать. Два-три дня – сроки этой вынужденной идиллии. Потом опять тянет на «место преступления».

Все в жизни – случай. В лучшем случае – случай, помноженный на упертость. В моем случае моя упертость началась в 1952 году, когда я поступил в Театральное училище имени Щукина.

Среди сокурсников еще были фронтовики, которых принимали почти без экзаменов. В их числе – Мишка Шайфутдинов. Он как пришел в гимнастерке, так в ней и выпускался. Он был прекрасный артист, но общеобразовательные предметы давались ему нелегко. Легендарному Борису Симолину он сдавал историю изобразительного искусства. Тот спросил его: «Что вам досталось?» Он ответил: «Джорджопе». «Кто?» – осторожно переспросил Симолин. «Джорджопе», – уверенно повторил Мишка. Он видит, что Симолин ему не верит, и тогда достает из кармана гимнастерки шпаргалку, в которой буква «н» смахивает на «п». Борис Николаевич соглашается: «Да,

действительно». И ставит зачет. С этой «Джорджопой» Мишка окончил театральное училище, что не помешало ему в дальнейшем играть Ленина.

Руководителем нашего курса была Вера Константиновна Львова, которая все время находилась в состоянии максимальной эмоции. После окончания училища, когда мы стали уже коллегами и друзьями, я спросил ее, как она выдерживает такой накал страсти. На что она ответила: «Шурочка, ты молодой педагог. Запомни на будущее: никогда не опускай эмоции ниже подбородка». Она просто не затрачивалась. Это была чистая техника. Она не затрачивалась, но занималась нами круглосуточно.

Таким же уникальным педагогом был и Юрий Васильевич Катин-Ярцев. Как-то я пришел к Юре домой. На полу его маленькой квартирки лежали листы ватмана, на которых, как генеалогическое древо, был нарисован его курс и от каждой физиономии шли стрелки – графики передвижения студентов от этюда к этюду, от образа к образу, от роли к роли. И он пытался понять, что из этой шпаны получится сделать.

Учитывая размеры окладов в наших вузах, можно заниматься педагогикой, только если это страсть. Во мне она – 64 года. В институте иногда вывешивают на стене какие-то вехи. Недавно вспоминали, что больше полувека назад я поставил дипломный спектакль – водевиль Лабиша «Фризетт» с Аллой Демидовой и Алексеем Кузнецовым. Всегда горжусь своим преподавательским новаторством: этот французский водевиль они играли на русском языке, а когда становились естественными и заводились, то переходили на родной французский.

Во все времена театральные институты стояли с протянутой рукой. История со спонсоризацией искусства дошла до абсурда. Когда это только начиналось, была какая-то милая честность: я тебе деньги, а ты мне при помощи своего лица освобождение от акцизов на портвейн. Так возникло много содружеств искусства и труда. Фамилии называть не хочется, но это было почти откровенно. Потом настал кризис, ввели санкции. У всех олигархов, спонсоров и псевдомеценатов появилась отговорка. Когда к ним приходят и просят на фильм, спектакль или каток, они говорят: «Господи, ну конечно, но не сейчас. Сейчас просто какой-то ужас. У меня было семь миллиардов, а после всех этих событий еле-еле набирается четыре с половиной». И просящий,

живущий на зарплату, должен делать скорбное лицо и сочувственно кивать.

Всякие сердечные телодвижения без карьерно-денежной перспективы воспринимаются как слабоумие. Но некоторое возрождение традиций российского меценатства все-таки случается. У меня долгая, 25-летняя, история взаимоотношений с моим теперь уже другом Игорем Лысенко, руководителем большого концерна «Роза мира». Эти ребята появились из глубокой Сибири, им было под 30. Игорь когда-то случайно забрел в Театральное училище имени Щукина, где мы и познакомились. Я как раз набирал коммерческий курс. Система была наивно-простой: ребенок поступает на бюджетное отделение и доходит, предположим, до 3-го тура, но до конкурса не дотягивает. После чего родителям предлагают поступить, но за деньги. Так вот, Игорь Борисович решил опекать мой курс. Оформление дипломных спектаклей – костюмы, приглашенные музыканты и художники – хоть и на минимальном уровне училища, все равно это деньги. И все равно их никогда нет. Счета отдавали Игорю. Типа: «Колготки женские – 2 штуки, водолазка мужская – 5 штук, сервиз глиняный на шесть персон – 1 штука». А сегодня Лысенко регулярно и традиционно вручает личную премию ведущим артистам Театра сатиры и при этом ни разу не попросил в ответ ни рекламы, ни своих портретов на обложках буклетов и на афишах. 25-летие этих взаимоотношений мы обязательно отметим. Мечтаю сделать это за свой счет.

В детстве я был влюблен в актрису Лидию Смирнову. Вместо школы ходил утром к Театру-студии киноактера и ждал, когда она пройдет мимо. На цветы денег не было, я ждал ее с открытками. Тогда карточки с изображением известных актеров продавали пучками, как укроп. Года через два моих мучений я рискнул и подошел к ней. И она подписала мне открыточку. Много позже, когда я сам стал вроде артистом, она была уже старенькая, мы жили в одном доме на Котельнической набережной, даже наши машины стояли рядом в гараже. И я уже не подписывал открыточки у Лидии Николаевны. Когда в Доме кино устраивали какие-то посиделки, в фойе стояли столики, и актриса Марина Ладынина, которая тоже жила в нашем доме, через весь зал кричала: «Лида, не упусти Шуру!» То есть чтобы я отвез их домой.

Что-то перестали делать индивидуальностей, их больше не производят. А те, что были, уходят. Ушла Галя Волчек. Кем была

Галочка? Триптих ее существа: талант, мудрость и смелость. Причем все это не теория, а поступки. Я помню ее в спектакле «Кто боится Вирджинии Вульф?». По филигранности актерского мастерства, по мощи, разнообразию приспособлений я могу сравнить эту работу только с игрой Фаины Раневской в спектакле «Дальше – тишина». Но она порушила свою актерскую биографию ради строительства «Современника». Она вообще была антитусовщица, хотя отнюдь не была затворницей. Модная, веселая, компанейская. Она знала про эту страну все. Тонко сопротивляясь и где-то мудро приспосабливаясь, всегда добивалась своего. Однажды даже посидела в Думе, но сразу поняла, что ее думы о другом, и с этой Думой завязала. «Невосполнимая утрата», «всегда будем помнить»… Слова, слова, слова… А утрата действительно невосполнимая. Кончается эпоха. Уходит поколение, отборочно классифицируемое как легенды, и винить здесь некого, кроме Боженьки.

Любимая Галочка

В связи со старостью и спонтанной бессонницей иногда в районе двух часов ночи включаю телевизор. И там, как оказалось, с двух часов до без четверти пять идут нормальные передачи, в основном ретро. Я наткнулся на повторение цикла передач, которые мы с Львом Лосевым делали в гостиной Центрального дома актера. Назывались они «Театральные встречи. В гостях у…» и были очень мощными по составу. Когда сейчас я посмотрел одну из них – «Ленинградцы в гостях у москвичей», то обнаружил, что, кроме меня, Олега Басилашвили и Алисы Фрейндлих, нет ни

одного ныне живущего человека. Это довольно страшная экспозиция. Особенно в три часа ночи. Ощущение полусклепа, полубессмертия. Я смотрел и думал о том, что все разговоры о театральной реформе – лабуда. Ведь дело не в том, что ставить или какие возникают молодежные тенденции режиссуры. Просто была совсем другая система пребывания в профессии. Почему я об этом вспоминаю в связи со своим ночным телепросмотром? Сидят Юрий Толубеев и Василий Меркурьев на стульях и играют в своих скромненьких костюмчиках отрывок из гоголевской «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Иван Иванович (Меркурьев) вынимает условный кисет и гениально-реалистично в течение трех-четырех минут пытается сначала внедрить табак в ноздрю, а потом чихнуть. И ему это не удается. Во время этой замечательной процедуры на него любовно смотрит Иван Никифорович (Толубеев) и ему сострадает. Актерское сливочное масло! Какие были глыбы и куда все прикатилось – к мышцам, полуголым бабам и мужикам и к режиссуре, которая берет любое произведение классики только для того, чтобы от автора не осталось и следа. И чем дальше и нахальнее от него, тем победоноснее результат. Вот какие грустные ночные мысли меня посетили.

Кстати, о Доме актера. Так называемая клубная жизнь Москвы середины прошлого века, как и сама Москва, может быть сегодня только в воспоминаниях. Дом актера, Дом архитектора, Дом кино, Дом журналиста, Дом литераторов, Центральный дом работников искусств были форпостами досуга интеллигенции. Вся московская «богема» каждый вечер после основной работы мчалась в свои ведомственные дома, мечтая получить уютный прием, веселые капустники, дружеское застолье. И получала. Все это благополучно погибло. Например, в Доме актера – со смертью его директора Маргариты Эскиной и под напором селфизации всей страны. Но, правда, какая-то надежда появилась в связи с открытием в декабре 2019 года отреставрированного большого зала Дома актера. По этому поводу даже сняли видеоприветствие с Красной площади, в котором вместо, очевидно, занятого президента России к собравшимся в Доме актера обратился я: «Дорогие россияне и примкнувшие к ним члены СТД! Кончился год Свиньи, логично провозглашенный Годом театра. Информационный стриптиз наших СМИ и оголтелость пошлости достигли апогея. Телевизионная секс-дискуссия старых актрис, соревнующихся между собой за места в ретрорейтинге половых связей с умершими знаменитостями, приобретает оттенок

стихийного бедствия. Наступает год Крысы, он же Год памяти и славы. С памятью у всех что-то стало. У меня лично – стойкий склероз, рассеянный по жизни. Что касается славы, кроме Славы Зайцева ничего не могу вспомнить путного. Кстати, о Путине. Владимир Владимирович на большой пресс-конференции намекнул, что метеокатаклизмы в мире, возможно, вызваны наклоном оси Земли. Ось актерской жизни всегда проходила через Дом актера, через этот прекрасно возрожденный зал. Пусть эта ось не станет шампуром для шашлыков, а на нее будет нанизана только любовь и еще что-нибудь духовное. Как крупный советский художник я привык кончать лозунгами. Разрешите кончить ими и сегодня. “Нынешнее поколение артистов будет жить… (с кем, когда и зачем, впишем потом)”, “Пусть иногда будет солнце!”, “Пусть конец Года театра не совпадет с концом света!”, “Под знаменем Маргоши, под водительством Золотовицкого и Жигалкина, при режиссуре тезки президента Владимира Владимировича Иванова – вперед, к новым победам бессменной Люсеньки Черновской!”»

Лиля Брик, Андрей Миронов, я, Валентин Плучек, Спартак Мишулин, муж Лили Брик Василий Катанян и моя супруга Наталия Николаевна в 1977 году в Центральном доме работников искусств

Но это местечково-местные радости. Дом актера – это актерский бункер. А существовать надо для зрителя, а не для

коллег. Вообще «зрители» – понятие емкое. Истинных театралов среди них – единицы. При этом, когда смотришь на сгусток театралов, думаешь, нет уж, лучше с улицы. Рядовой зритель непосредственный, он идет в театр с надеждой. С надеждой на автора, режиссера, любимых актеров.

По старинному театральному регламенту, если в зале 15 зрителей, надо играть спектакль. Если 14, можно не играть. Помню гастроли в Кисловодске тысячу лет назад. Жара, курортный театр. Видим: в зале – 13 человек. Думаем: ой, отмена спектакля, можно по кабакам. Вдруг входит семья – три человека. И мы начинаем играть.

Артисты на 95 процентов состоят из эмоций, остальное – мозги и знания. И когда эти 95 процентов помножены на 90 человек, можно сойти с ума. Как держать в страхе банду из 90 актеров, не говоря уже о цехах? У меня в кабинете висит секира, чтобы боялись. Но она маленькая, могу отсечь только крайнюю плоть. Очень крайнюю. Как-то меня спросили, строгий ли я руководитель, я ответил: «Очень строгий, резкий и сонливый».

Когда я просыпаюсь, то понимаю, что театр – учреждение трагическое. Масса цехов. Их надо обойти, знать, как там кого зовут, и походя обласкать. Например, реквизиторский цех. Здесь работают мастера, которые превращают кусок хлеба в индейку, а газировку во французское шампанское, стреляющее пробкой в потолок. Их задача – сохранить для следующей постановки продукт, съеденный на предыдущем спектакле. В костюмерном цехе одевальщицы всегда в запарке: у одного артиста нет шнурка, у другого порвалась рубашка, у третьего пропали брюки. Они должны иметь высокий интеллектуальный уровень, чтобы не надеть камзол Фигаро на Карлсона. Такое в нашей практике случалось. Но все-таки основная задача костюмеров – не в том, чтобы правильно одеть артиста. Главное – проследить, чтобы он не ушел домой в служебных носках.

В Театре сатиры: я, Михаил Державин, Валентин Плучек, Мамед Агаев, Вера Васильева, Ольга Аросева, Спартак Мишулин

Когда я работал в Театре имени Ленинского комсомола, у нас один спектакль был выездной – во МХАТе. Нам сказали: «Вам так повезло – там служебный буфет, какого нет нигде. Обязательно посетите». Моя любимая костюмерша Анечка спрашивает: «Александр Анатольевич, а про буфет верно говорят?» Я заверил ее, что все правда. «Хорошо, – сказала она, – тогда я после переодевания сразу туда пойду». Отыграли мы спектакль во МХАТе, снова работаем на стационаре, ее нет. Спрашиваю, где Анечка. «Приболела», – говорят. Через некоторое время появляется – белого цвета. Проходит ко мне в гримерную, закрывает за собой дверь. «Александр Анатольевич, вы в мхатовском буфете были?» «Нет», – отвечаю. «Там лежал винегрет (у нас лучше) и селедка (я селедку люблю) – такая, знаете, с поднятыми концами. Я говорю: “У вас же винегрет с селедкой несвежие”. Буфетчица отвечает: “Ну, несвежие”. Я возмутилась: “Как же вы продаете несвежие?!” Она: “Так и продаем”. “Ну дайте”, – говорю. Александр Анатольевич, меня так р-р-р-рвало! Вы даже не представляете, как меня р-р-р-рвало. Мхатовский буфет!»

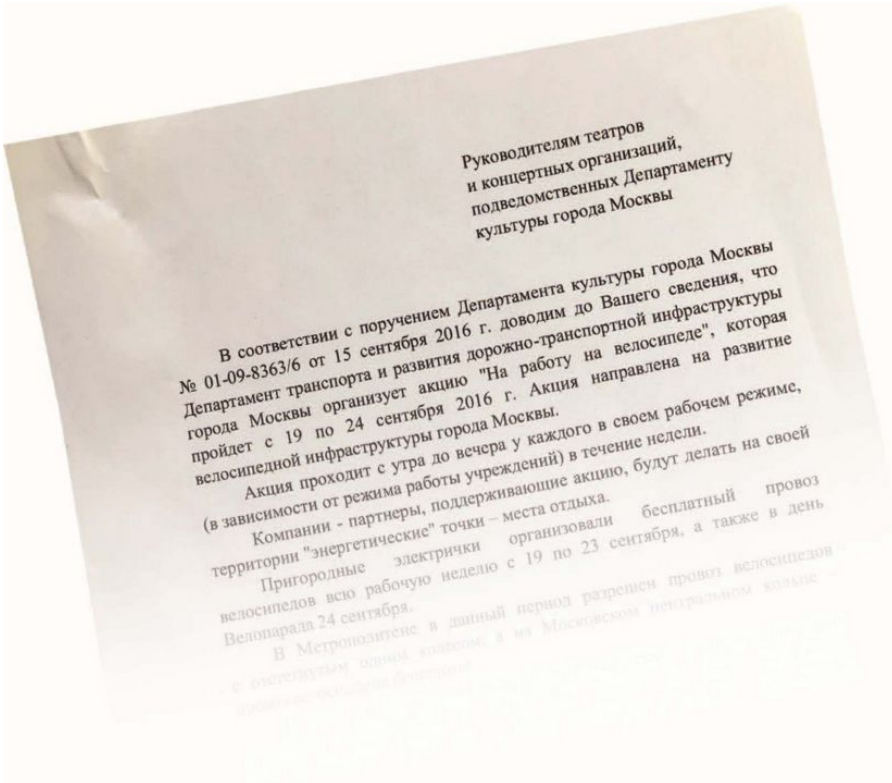
Буфет в Театре сатиры некоторое время назад обновился и преобразился. Мы с моим любимым директором театра Мамедом Агаевым ожесточенно спорили о названии заведения. Дебатировались варианты: «Лигнин» (это мягкая бумага для снятия грима), «Уже без грима», «Послевкусие», «Закулисье»… Победило название – «Застольный период». Есть такое понятие в

театре – когда артисты, сидя за столом, разбирают пьесу. Меню тоже модернизировано. Незыблемыми остались сырники – вечный питательный монумент общепитовской изжоге.

На сбор труппы, открытие 96-го сезона, я принес огромную тыкву и сказал: «У меня в огороде – один укроп и вот это. Ничего больше не выросло. Передаю тыкву в служебный буфет: любите меня под пшенку, главное – не обосритесь в новом сезоне».

63 раза я участвовал в сборе труппы. Человек покорил космос, появились смартфоны, все меняется, и лишь сбор труппы со времен Нерона и Щепкина – один в один. Как-то смотрел при выключенном звуке репортаж со сбора труппы какого-то театра. Мизансцена – вековая. Перед труппой – новый худрук, глаза горят, очки либо на лбу, либо на подбородке (это подчеркивает индивидуальность), и – пламенная речь. Потом показывают труппу. Молодежь и еще надеющиеся на что-то артисты вожделенно смотрят на нового худрука, всем своим видом показывая готовность к экспериментам. Мрачное среднее поколение понимает, что это – очередная ерунда. И есть еще в мизансцене несколько вкраплений – звезды или медийные лица, которые забежали в перерыве между съемками сериалов, посматривают на часы, но вынуждены сидеть и слушать эту бодягу. Завершается все одинаково: грамоты и цветочки для тех, кто родился, скорбь по тем, кто ушел, представление новых артистов и – свежие распоряжения вышестоящего начальства. Приведу пример такого распоряжения.*

> * Руководителям театров и концертных организаций, подведомственных Департаменту культуры города Москвы
>
> В соответствии с поручением Департамента культуры города Москвы № 01-09-8363/6 от 15 сентября 2016 г. доводим до Вашего сведения, что Департамент транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры города Москвы организует акцию «На работу на велосипеде», которая пройдет с 19 по 24 сентября 2016 г. Акция направлена на развитие велосипедной инфраструктуры города Москвы.
>
> Акция проходит с утра до вечера у каждого в своем рабочем режиме (в зависимости от режима работы учреждений) в течение недели…



Руководителям театров
и концертных организаций,
подведомственных Департаменту
культуры города Москвы

В соответствии с поручением Департамента культуры города Москвы № 01-09-8363/6 от 15 сентября 2016 г. доводим до Вашего сведения, что Департамент транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры города Москвы организует акцию "На работу на велосипеде", которая пройдет с 19 по 24 сентября 2016 г. Акция направлена на развитие велосипедной инфраструктуры города Москвы.

Акция проходит с утра до вечера у каждого в своем рабочем режиме, (в зависимости от режима работы учреждений) в течение недели.

Компании - партнеры, поддерживающие акцию, будут делать на своей территории "энергетические" точки – места отдыха.

Пригородные электрички организовали бесплатный провоз велосипедов всю рабочую неделю с 19 по 23 сентября, а также в день Велопарада 24 сентября.

В Метрополитене в данный период разрешен провоз велосипедов с отстегнутым одним колесом, а на Московском центральном кольце – провоз велосипедов бесплатно.

В связи с изложенным прошу оказать содействие в проведении акции, разместив информацию о проведении акции на всех возможных информационных площадках, а также привлечь к участию сотрудников учреждения с учетом погодных условий, состояния здоровья и спортивной подготовки…

Начальник Управления театров и концертных организаций…

Архив Театра сатиры

Кто мог, пересел на велосипеды, а кто уже не может, ждут приказа об акции «На работу на самокате», а лучше сразу «На

работу на моноколесе» – больше гарантии получить сотрясение мозга и тем самым разрешить кадровые театральные проблемы.

Театр – организация очень смутная, потому что эмоции всегда неадекватны происходящему. Умер человек или неожиданно пролетел комар на сцене – степень накала одинаковая. То же самое со взаимоотношениями. Пошло-хрестоматийные виды взаимоотношений – любовь, дружба, сотрудничество – в театре наперекосяк. У меня очень много учеников вообще и в театре – человек двадцать, а то и больше. Все меня страстно любят, но я-то понимаю, что это до поры до времени, потому что актерская профессия предполагает преданность работодателю, откуда бы он ни появился и кем бы он ни был. Сострадание, пусть самое искреннее, в театре все равно актерски преувеличено. А неприязнь и даже ненависть возникают неизвестно отчего. Насчет сострадания. Сижу я как-то на репетиции, где человек семнадцать молодых артистов и несколько ведущих мастеров показывают мне кусок из предполагаемого мюзикла. Внезапно подо мной разваливается стул, я падаю навзничь, ударяюсь головой о стоящий за стулом осветительный прибор и рассекаю затылок. Хлещет кровь, суматоха, визги, прикладывание к затылку носовых платков, тряпок и репетиционных костюмов. Приезжает скорая, заклеивает рану. Я говорю, что надо продолжать репетицию. Судорожно собирают окровавленные тряпки, намереваясь их выбросить. На что Гоша Лагутин, тоже, кстати, из любимых учеников, протестуя, кричит: «Вы с ума сошли! За вас пролил кровь наш учитель. Немедленно в Бахрушинский музей!»

В театре приходится постоянно выпускать премьеры. Это очень надоедает, но ничего не поделаешь. Был однажды на каком-то заседании. Там одни театральные деятели, как в былые времена, заявляли: «Обязуемся в Год театра выпустить 9 премьер!» – другие: «А мы – 12 премьер!» Шла гонка за количеством. Я вспомнил старый анекдот, когда металлург, угрюмый и уставший, возвращается после смены домой. Жена ставит перед ним стакан самогона, щи и начинает причитать: «Вот ты приходишь, молчишь, выпиваешь, идешь спать. А я по радио слышала про встречный план. Рассказал бы, что это такое». «Ну, как тебе сказать? – начинает объяснять он. – Вот, например, ты мне говоришь, что сейчас мы поужинаем, ляжем спать и у нас будет секс три раза. А я говорю, что будет пять раз. Хотя оба мы знаем, что половой жизни у нас нет». Вот так и с некоторыми театрами – берут встречными планами.

Цензуры сегодня нет – в том смысле, что можно ставить все, что хочешь. Но сохранился советский пережиток – внутренний поджатый хвост. Начинают что-то делать и пугаются: «А вдруг не пройдет».

Но вообще настоящая паника возникает, только когда неожиданно появляется театральная идея. Я помню, как в Театре имени Станиславского Анатолий Васильев поставил спектакль «Взрослая дочь молодого человека» по пьесе Виктора Славкина. Я был не на премьере. В зале – Товстоногов, Ефремов, Петя Фоменко, Эфрос. Почему пришли? Запаниковали. Запахло театральной идеей. Сегодня театральной идеи нет, паники не возникает. Тихо и сытно.

Иногда ночные кошмары снятся в стихах:

Неожиданный прорыв тестостерона
В андропаузе потухших лет.
Вожделение финального поклона –
Не гарантия неслыханных побед.

Чем сильнее развиваются, условно говоря, айпады, тем больше людей тянется к естеству. Всякая синтетика, как бы она ни была хорошо завальцована, все равно проигрывает натуральному продукту. Поэтому театр не может погибнуть, как это обещали. Он какой-никакой, но живой, а не электронно зафиксированный (а когда что-то зафиксировано, оно сразу становится подозрительным). То же самое – спорт. Всегда надеешься на чудо. А чудо может быть только сиюсекундное, импровизационное, неожиданное.

Когда-то играли в преферанс, лото, крокет – в тихие медленные игры. Сейчас играют только в букмекерских конторах. В СССР букмекерство было подсудным делом. Я как беговик, который провел молодость на ипподроме, хорошо это знаю. За букмекерство был арестован страстный беговик Михаил Иванович Царев, будущий народный артист СССР. Его спас Сталин. А сейчас букмекерские конторы – в каждой подворотне.

Раньше общество, литература, кинематограф и умы четко разделялись на два лагеря: физики и лирики. Это были и борьба, и надежды, и дискуссии, и, конечно, любовь. Никак не могли решить, кто должен победить: физики или лирики? В «жуткое»

советское время, как во всем и всегда, побеждала дружба. Даже в любви. Прошло полвека. Что такое лирика, никто не знает, а все физики в основном уехали на Запад. Поэтому сейчас общество состоит из двух других категорий: спортсмены и болельщики. Советский лозунг «О спорт, ты – мир!» перестал быть ориентиром, ибо наш менталитет – в том, чтобы глобально обсираться, а потом долго и гениально выкручиваться. Мы дойдем до того, что начнем гордиться свежим допингом и займем в этом соревновании первое место.

Я болельщик с огромным стажем. В конце 1940-х – страшно представить – мой двоюродный брат Бобка повел меня на матч «Динамо» – «Торпедо». С тех пор я болею за «Торпедо». Оно было совсем уже накрылось, а сейчас с трудом возрождается. Для меня «Торпедо» – это мои друзья: Козьмич – Валя Иванов, Стрелец – Эдуард Стрельцов, Валерий Воронин, Геннадий Гусаров, Виктор Шустиков…

По случаю 95-летия «Торпедо» в Москве состоялся товарищеский матч команды со старейшим клубом мира «Шеффилдом», основанным в 1857 году. Я не пошел, потому что боялся выглядеть старше английского клуба.

Спорт – лошадиный труд. Например, лыжные гонки. Рядом со спортсменами всю дистанцию бегут тренеры с запасными палками и кричат: «Давай! Давай!» Как они 50 километров пилят по бездорожью, по слякоти, без лыж, только с палками и секундомером – остается за кадром, а в кадре лишь: «Давай, давай!» И зрители тоже: «Давай, давай!» Так орут речовки на футбольных стадионах. Я был как-то на матче «Торпедо» с «Шинником». 90 минут огромная трибуна кричала: «“Торпедо”, мы с тобой!», а противникам: «“Шинник” на…! “Шинник” на…!» Это же нужно уметь – полтора часа не сбиться с матерного ритма! Похабные кричалки – признак того, что профессиональные болельщики еще живы.

На этом матче я достиг пика популярности. Вообще есть какие- то неизвестно кем определенные признаки начинающейся популярности. Мой друг Вилий Горемыкин, человек дико рукастый, из упрямства и умения все строил сам – в перерывах между своей основной деятельностью, которая заключалась в попытках снять на камеру язвы капитализма, так как он был ведущим оператором программы «Время». Однажды мы торчали с ним на его даче, где он, воздвигая очередную мансарду, оклеивал старыми газетами стены, чтобы потом закрыть советскую печать обоями. И вдруг он радостно закричал: «Все, ты состоялся!» Оказывается, ему попался кусок газеты «Водный транспорт» с кроссвордом, и в момент перекура он заглянул в этот кроссворд, где было написано: «Молодой артист Театра имени Ленинского комсомола». Видимо, составитель, не сумев вставить по горизонтали что-либо значимое из восьми букв, начинающееся на «ш» и заканчивающееся на «т», вынужден был от безвыходности вспомнить мою фамилию. Не прошло и каких-нибудь 60 лет, Вилия давно нет, никто уже не клеит обои на «Водный

транспорт», а моя популярность выросла неслыханно, и я появляюсь уже в сборниках кроссвордов, сканвордов и судоку даже с портретом. Более того, на том матче «Торпедо» с «Шинником» в перерывах матерного скандежа стадион орал: «Шура, ура!»*

> * …Тут всё сходится: отличная погода, важный матч, удобное время и относительно доступная цена на билеты… Так что все ждали этого матча с особыми чувствами. Включая великого русского артиста Александра Ширвиндта, который очень тепло приветствовал поклонников чёрно-белой команды из VIP-ложи.
>
> *Буялов А. «Торпедо» по-прежнему побеждает и не пропускает! // Газета «О спорте». 23.08.2018.*

> На стадионе имени Стрельцова своя, особая атмосфера. Здесь словно погружаешься во времена СССР. Это касается не только старой архитектуры стадиона, но и стиля общения пожилых болельщиков – все эти трогательные: «Передай газетку, сесть хочу». А как диктор приветствует на стадионе актера Ширвиндта – с трудом представляю себе такое на «ВЭБ Арене» или «Открытии».
>
> *Телингатер Г. Футболист «Торпедо» забил шикарный гол. Это надо видеть! // Championat.com. 22.08.2018.*

Комментаторы и рецензенты составляют сегодня основную часть жителей Земли. На одну запыхавшуюся биатлонистку, занявшую почетное 12-е место, набегает свора плотных парней во главе с моим любимым Димочкой Губерниевым. Они начинают пытать ее, как ей удалось не занять 3-е место. Умирающая от усталости биатлонистка что-то пищит о плохой смазке и обещает исправиться. Лексика комментаторов разнообразна и неравноценна. Словарный запас огромен, но однозначен. Даже Димочка, изнемогая от патриотизма, иногда оговаривается. В очередной биатлонной эстафете, очередной раз передав мне из эфира пламенный привет, он произнес сакраментальную фразу: «А вот мимо меня пробежал тренер бывших украинских женщин». Получился острополитизированный комментарий.

Недавно, когда я, как всегда, тупо наблюдал по телевизору

футбольный матч какого-то незначительного международного уровня, меня осенило. Всю жизнь я слышу комментарии с экрана: «хорошо защищаются французы», «динамичны в обводке шведы», «англичане традиционно монолитны в полузащите» и так далее. И ни разу я не слышал: «Немцы нападают активно, но евреи очень плотно заняли оборону в штрафной площадке». Евреев стыдливо заменяют израильтянами.

Поймал себя на том, что листаю газеты и журналы от последней страницы к первой. Подумал: «Господи боже мой, может, я еврей?» Но потом вздохнул с облегчением, поняв, что не столько это, сколько страсть к анекдотам и гороскопам толкает меня к последней странице.

Недавно, в 5778 году, меня назвали «Человеком-легендой». Это не опечатка и не мой маразм, а еврейское летоисчисление, по которому 2018 год совпадает с 5778-м, потому что евреи считают годы не от Рождества Христова, а от Сотворения мира, очевидно, как всегда, самоуверенно полагая, что этот мир они на свою голову и сотворили. Церемония проходила в Государственном Кремлевском дворце, где Федерация еврейских общин России вручала премию «Скрипач на крыше». Я получил статуэтку скульптора Франка Майслера за вклад в развитие театрального искусства. Казалось бы, почему я? Возможно, потому, что более 70 лет живу в Иерусалиме. Нет, я не эмигрировал, просто наша дача находится в Иерусалиме. Но не в том Иерусалиме, который Иерусалим, а в том Иерусалиме, который Новый Иерусалим, и он под Истрой.

Никогда я не считал себя инородцем. Национальные признаки как прицел для дискриминации – истоки антисемитизма. Ярко выраженные национальные признаки – это Ильф и Горин, Володин и Черный, Гердт и Райкин, Бабель и Жванецкий, Утесов и Дунаевский. Список можно продолжать бесконечно. Русские евреи – это не национальность, а скорее порода. С острыми, пусть специфическими особенностями. Без еврейского юмора и иронии не бывает ни русской литературы, ни русской эстрады, ни русского театра, ни русской революции.

Юморина в Юрмале. Мы ездили туда, потом перестали. И вдруг мне звонят и с ярким латышским акцентом говорят: «Вас беспокоят из Риги. Знаете, я большой поклонник юморины, но с каждым годом она становится все пошлее и пошлее. Я обеспеченный человек, хочу внутри юморины сделать

интеллигентный юмористический отсек. Прошу вас собрать людей. Я все оплачу». Он все организовал, и действительно внутри этой всей юмориновщины вдруг возникли Жванецкий, Арканов, Альтов, Хазанов, я. Потом, во время банкета, он произнес: «Спасибо вам, совсем другое дело. Это просто глоток воздуха. Только… Как бы это сказать… Немножко много евреев».

Обывательское ощущение, что евреев много, возникает оттого, что, во-первых, иногда и одного очень много, а во-вторых, они разбросаны по стране. Например, в Саратове жил популярный сатирик Лёвочка Горелик. Если кто не помнит (точнее, если кто помнит), у него была известная миниатюра «Рыболов». Он сидел скрюченный, на полусогнутых ногах на сцене и читал монолог рыбака. Лёва был фанатичным коллекционером – с огромным собранием картин в Саратове. Все родственники и друзья постепенно отчалили в Израиль, а он все сидел раком на сцене и читал монолог рыбака. Потом наконец и он решил уехать, но его не пускали. Вернее, его-то пускали, а коллекцию нет. Так он и не смог от нее оторваться и умер в Саратове вместе с коллекцией. Как-то эстрадный автор Левицкий летел через Саратов отдыхать на юг. Это было как раз в тот кошмарный период, когда Лёву не выпускали и он сидел на картинах. Левицкий из аэропорта послал Лёвке телеграмму: «Пролетая над Вашим городом, шлю горячий привет Вам и всему Вашему народу».

Евреи передвигаются не только авиатранспортом. Иногда они случайно оказываются и в наземном транспорте, вплоть до троллейбуса. В Харькове во время гастролей мы – Ленька Каневский, Лёвка Дуров и я – ехали со спектакля в троллейбусе. Кроме нас в нем была лишь одна очаровательная украинская девушка. И Ленька всю дорогу активно флиртовал. А она сидела с каменным лицом, видимо, не узнавая его, а может быть, просто уже тогда мечтая о санкциях. И вдруг в разгар его танцев вокруг красавицы раздался страшный шип в салоне троллейбуса и громкий хриплый голос: «Развязно себя ведете, Соломон!» Так как в то время озвучивание водителем происходящего было совершенным новшеством, мы обалдели, решив, что это сигнал Всевышнего в ответ на Ленькины домогательства.

С момента моего бракосочетания с Наталией Николаевной Белоусовой, потомственной дворянкой, и с появлением детей и внуков, не говоря уже о собаках, в нашей семье образовалось много русской крови. В общем, по правнукам я уже почти русский.

Приходят правнучки. Все мило, потом они расходятся по домам, а я думаю: они вырастут и не смогут меня вспомнить, как и я не помню своих прабабушек и прадедушек. С бабушками чуть легче. Но и то я хорошо знал только одну. Мамина мама, Эмилия Наумовна, жила с нами в коммуналке в Москве. Дедушку я не застал, он умер, когда семья жила еще в Одессе.

К сожалению, я очень боюсь, что в связи с вялотекущим процессом, не знаю, как точно назвать, перемирия, или сближения, или прощения, или, наконец, трезвого осмысления всего этого российско-украинского безумия, я не успею посетить Одессу, пройтись мимо маминого дома, ибо я в черных списках и стал невъездным, поскольку побывал в Севастополе по приглашению местного Общества книголюбов. Тем самым я приобщен к острым политическим событиям, что вообще свойственно нашей семье. Так, моя мама и ее брат Аркадий в 1915 году в Одессе считались политически неблагонадежными и обвинялись в том, что участвовали в собраниях членов сионистской организации. Вот некоторые пункты ее программы.*

> * 1. Демократизация государственного устройства на началах строгого парламентаризма, широкой политической свободы, автономии национальных областей.
>
> 2. Полная и безусловная равноправность еврейского населения.
>
> 3. Обеспечение представительства меньшинства при всеобщем равном, прямом и тайном голосовании, без различая пола, для всех выборов – государственных, областных и местных.

Домашний архив

В общем, члены организации требовали всего того, что киевские и севастопольские книголюбы имели бы сегодня, если бы не то, что мы имеем сегодня. Аркадий, в то время студент-медик, был арестован и чуть было не сослан в Восточную Сибирь. В итоге он получил три месяца тюрьмы и штраф 3000 рублей, а мама штраф 1000 рублей. Потом Аркадию зачли трехмесячное пребывание в тюрьме во время следствия, а маме сократили штраф до 100 рублей. Неуплата грозила арестом. В общем, они получили все то, что получают до сих пор те, кто требует того же. Даже не состоя в сионистских организациях. Правда, за сто лет в связи с инфляцией сроки посадки увеличились и размеры

штрафов возросли.

Из-за этих репрессий дядя вынужден был эмигрировать в Великобританию, где продолжил революционную борьбу, создав гинекологическую клинику в Кенте. Мама тоже завязала с сионизмом, переехала в Москву, в 1921 году поступила во II Студию Московского художественного академического театра, училась у Станиславского и сыграла, в частности, Сюзанну в «Женитьбе Фигаро», но, заболев туберкулезом, бросила сцену и всю оставшуюся жизнь посвятила административно-редакторской работе в Московской государственной филармонии и Московской государственной эстраде.

Нынешнее поколение, как правило, не затрудняет себя изучением предыдущего. Но, может быть, читатель захочет взглянуть на имена великих мхатовцев, проводивших мою матушку на пенсию своим посланием. Фамилии под письмом: Ливанов, Зуева, Свободин, Блинников, Прудкин, Яншин, Петкер, Станицын, Кольцов, Попова, Кторов, Еланская, Леонидов, Андровская.*

* Дорогая Раиса Самойловна!

Многие годы нас, артистов МХАТа, связывала с Вами настоящая творческая дружба, которая всегда – и в дни Вашей работы в филармонии, в Мосэстраде, и ныне в ВГКО (Всероссийское гастрольно-концертное объединение. – **Прим. ред.**) – была для нас в большой мере не только приятностью, но и тем критерием, который так необходим каждому, кто любит искусство. Мы не можем перечислить количество «премьер», выпущенных нами на концертной эстраде, которые при Вашем тактичном и всегда дружеском вмешательстве попадали на щит или справедливо оказывались под щитом, если не были на достойном уровне.

Поверьте, не только мы, артисты, но и Вы, тонкий «дегустатор», были проводником хорошего и прекрасного, что оказывалось достойным советского зрителя.

Вы своим честным трудом заслужили почетный отдых, но мы верим, что Вы всегда останетесь нашим подлинным другом.

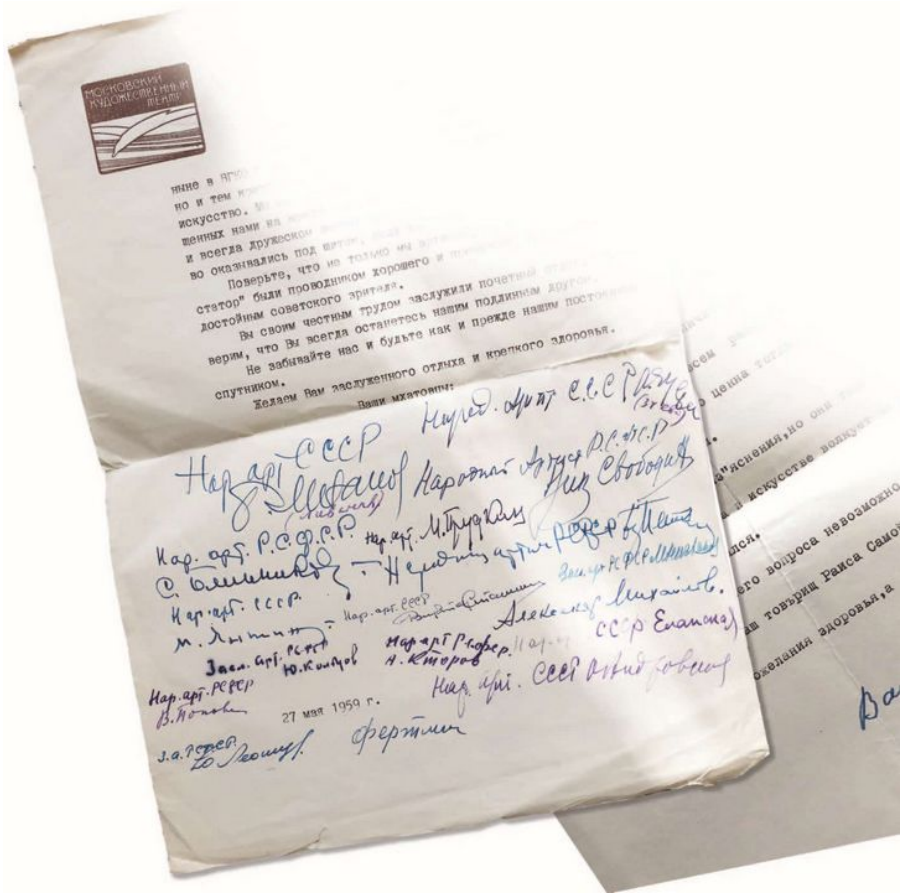
Не забывайте нас и будьте, как и прежде, нашим постоянным спутником.

Желаем вам заслуженного отдыха и крепкого здоровья.

Ваши мхатовцы

27 мая 1959

Домашний архив



Маме тогда исполнилось 60 лет. А чехарда со сроками выхода на пенсию разнополых граждан началась значительно позже. И хотя во все времена выход на пенсию ассоциировался с окончанием чего-то, реагировали на это по-разному. Великий Иван Семенович Козловский тут же написал маме письмо.*

* Дорогая Раиса Самойловна!

Ну что Вам сказать, дорогой наш товарищ и друг, когда Вы хотите наблюдать жизнь искусства, уйти на пенсию и мысленно как бы распроститься со всеми волнениями – приятными и неприятными?

Волнения артиста Вам понятны, но уверен, что сегодня Вы будете волноваться и, придя домой, воскликнете: «До чего же это волнующе! А как же те артисты, которые десятки лет должны быть в таком взволнованном состоянии?!»

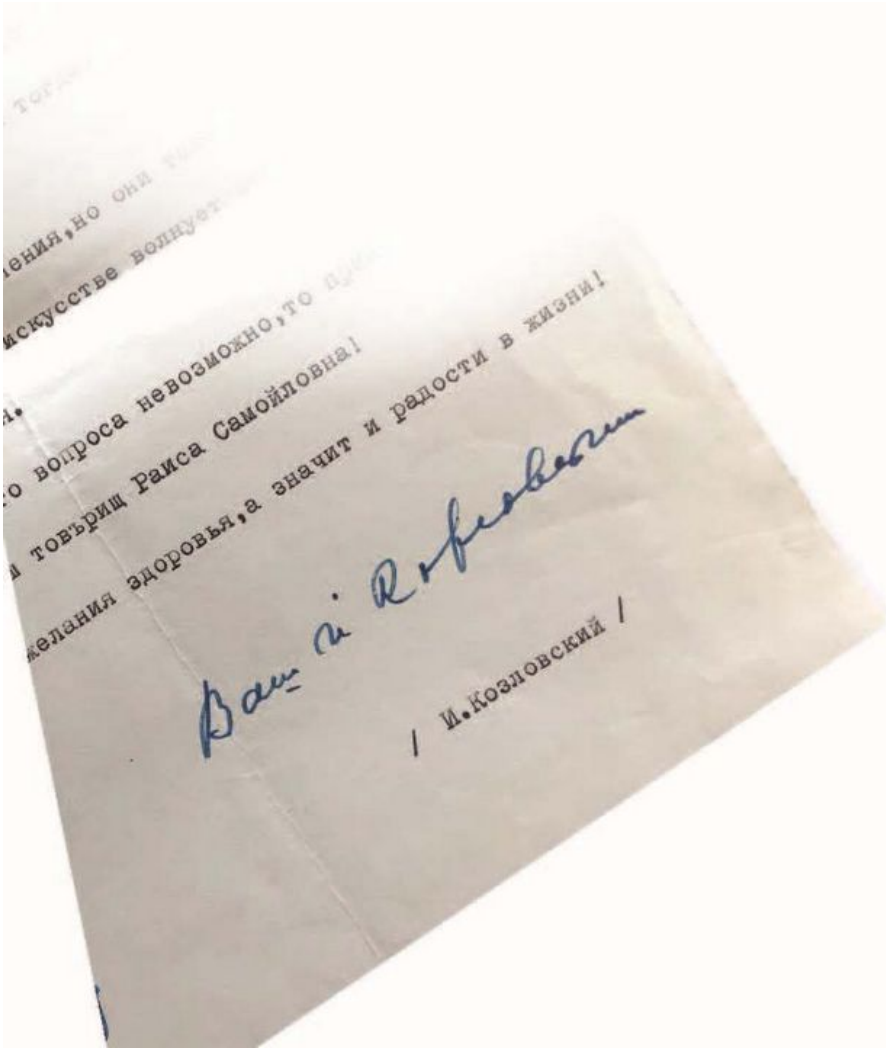
Мне лично известие о Вашем уходе на «покой» приносит грусть. Ваш труд – не профессия, а призвание.

И как бы некоторые «работники» в искусстве ни стремились создавать стиль работы, схожей с фабрикой, Вы и Ваши товарищи, в отличие от них, многолетним трудом доказываете, что это творчество, а оно требует совершенно иных условий для эффективного труда в искусстве.

И вот эти-то качества у Вас наличествуют, хотя и Вы не без греха – одного любите больше, другого – меньше, любите выпустить одного раньше, другого – позже, любите посудачить, посочувствовать, знаете жизнь того артиста, которого планируете в концертах.

Как правило, артисты платят Вам любовью, признанием и уважением. Даже когда артист отказывается от концерта, на телефонный звонок Раисы Самойловны обязательно подойдет, а если не подойдет в силу певческого режима, то будет абсолютно уверен, что Раиса Самойловна поймет правильно. Обидам тут места нет.

А с какими именами связан Ваш труд! Борисов, Радин, Корф и Рудин, Хенкин, Менделевич, Смирнов-Сокольский, Алексеев, Русланова, Голованов, Нежданова, Гельцер… Какие значительные явления в искусстве, и каждый имеет свой характер, а ведь Вам доводилось беседовать с ними, и не раз!


искусстве волнует
о вопроса невозможно,то
товарищ Раиса Самойловна!
желания здоровья,а значит и радости в жизни!
И.Козловский

Перечень славных имен можно увеличить, но суть сейчас в том, как же так – вдруг, одним махом со всем расстаться?! Ведь Ваша специальность особенно ценна тогда, когда есть опыт и знания, а они приобретаются годами.

Извините за пространные изъяснения, но они также свидетельствуют о том, что Ваш уход из труда в искусстве волнует всех тех, кто с Вами больше или меньше встречался.

Если перерешение Вашего вопроса невозможно, то примите наши добрые чувства, дорогой наш товарищ Раиса Самойловна!

Примите пожелания здоровья, а значит, и радости в жизни!

Ваш И. Козловский

27/V 1959

Домашний архив

Мама плотно общалась с действительно великими людьми того времени. Я сейчас тоже плотно общаюсь с великими людьми своего времени. Не будем сравнивать ни времена, ни великость людей. Знаю только, что все великое, к сожалению, забывается, времянки становятся временно великими. Единственная успокоительная надежда, что великие следующего поколения так же канут в Лету, как все, что кануло на протяжении истории.

Думаю, что миссия всего сегодняшнего – пытаться по возможности всеми силами закрепить великое вчерашнее в сознании нынешних. Формулирую витиевато, но по мысли для меня необыкновенно точно. В этой связи обращаюсь к матушкиным воспоминаниям о великом артисте-чтеце Владимире Яхонтове – друге мамы, которая для него была редактором и первым слушателем программ.*

> * …О нем говорили, что Яхонтов может прочитать табель-календарь, как лирическое стихотворение, и телефонную книжку, как захватывающую драму.
>
> …Я знала его с первых его дерзаний на поприще нового, им рожденного искусства, позволявшего одному-единственному исполнителю создавать емкое и многоплановое действие…
>
> …Получив в конце войны небольшую квартирку на Никитском бульваре, он не дождался, пока ему поставят телефон, нужный ему до зарезу. Теперь мы жили почти что рядом, и он стал по утрам приходить ко мне, говорить по телефону.

Эти утренние посещения сблизили Владимира Николаевича с моей семьей. Человек, внимательный к людям, крайне обязательный и привлекательный, Яхонтов стал любимцем всех моих домашних. Он подолгу беседовал с моей матерью о всяких житейских делах, с моим мужем-скрипачом о музыке, проявляя тонкий вкус и понимание в этом вопросе. Необыкновенно мил был он с моим 10-летним сыном Шуриком. Он его называл на «вы». Разговаривал всегда серьезно, как со взрослым.

– А как вы, Шурик, думаете?

– А вам, Шурик, нравится, как я читал?

Вообще проявились его заботливость, его нежность к детям. Он их любил. И всех называл на «вы».

…Душевная щедрость Яхонтова проявлялась и в страсти делать подарки. Тем людям, которых он любил, со стороны которых ощущал ответное чувство, он дарил много и всегда тщательно и изобретательно выбирал, что подарить, чем порадовать одариваемого. Однажды, к ноябрьским праздникам, он принес всей моей семье по бонбоньерке с конфетами. Причем каждая бонбоньерка и ее содержимое соответствовали тому лицу, которому они преподносились. Уж где он раскопал эти нарядные и изящные безделушки? Может быть, даже заказал

специально.

Мой муж, А.Г. Ширвиндт, как-то после посещения яхонтовской программы «Петербург», высказал Яхонтову свое восхищение этой работой и в разговоре несколько раз упомянул о замечательно удачном использовании маленьких разноцветных зонтиков. Через некоторое время Владимир Николаевич явился к нам и преподнес моему мужу прелестную безделушку – два крошечных зонтика, вырезанных из слоновой кости…

Ширвиндт Р.С. Воспоминания о Яхонтове / Лит. обработка Н.А. Голубенцева. РГАЛИ. Ф. 2984. Оп. 1. Ед. хр. 29.

Революционная молодость моей мамы – это семечки по сравнению со вкладом папы в победу Октября, ибо папа помимо музыкального образования имел еще и юридическое – окончил юрфак Московского университета. Вот что он писал в своих воспоминаниях.*

* …Мой старший брат Е.Г. Ширвиндт, молодой, только что окончивший университет юрист, в дальнейшем один из видных работников советской юстиции, сразу определил свое отношение к совершающимся событиям и во многом ускорил ту переоценку ценностей, которая происходила тогда в нашей семье…

…В первые дни Октябрьского переворота мне посчастливилось благодаря моему старшему брату присутствовать на тех исторических заседаниях II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов в Смольном 25-го и 26 октября, где были приняты первые декреты – о земле, о мире, о переходе власти к Советам. Я до сего дня не могу забыть момент, когда впервые увидел Ленина. Я стоял в зале Смольного среди солдат, матросов, вооруженных рабочих. Вдруг возник какой-то неясный гул, сотни людей повернули головы в одну сторону. Я оглянулся и увидел, как вдоль стены быстро идет, почти бежит Ленин. Он взошел на помост и, заранее прекращая жестом приветствия, сразу заговорил необыкновенно уверенно, просто и деловито о задачах момента, о первых основных мероприятиях советской власти…

…Дни шли за днями, насыщенные борьбой за становление и укрепление молодой советской власти.

Пришел январь 1918 года. 5 января по старому стилю рано утром примчался домой на пароконном экипаже (бывшем выезде царской фамилии) мой брат. Он был взволнован и куда-то очень торопился. «Я, – сказал он, – от товарища Гусева». Гусев был секретарем Петроградского военно-революционного комитета. «Мне поручено срочно составить секретариат для сегодняшнего заседания Учредительного собрания в Таврическом дворце. Я беру для этого вас, троих моих братьев, и еще одну студентку консерватории. Ваша основная функция – за отсутствием стенографиста записать как можно больше». На этом инструктаж закончился.

И вот вскоре начальник охраны Таврического дворца товарищ Железняков пропускает нас в зал. Мы сидим на этом историческом заседании за длинным, покрытым красным сукном столом, рядом с трибуной для ораторов. (На следующее утро нам показали номер газеты «Грядущий день», где автор в отчете о заседании

Учредительного собрания иронически пишет о посаженных за стол безусых юнцах, которые должны были «изображать» секретариат.)

В зале очень шумно. Шум временами заглушает выступающих, слышно пение «Интернационала».

Представители правого крыла подчеркнуто торжественны. У многих, как, например, у эсера Гоца, – красные ленточки в лацканах пиджаков. На трибуну один за другим поднимаются медлительно-важный Чернов, Церетели, Либер, Дан и другие меньшевики, эсеры и кадеты. Постепенно страсти разгораются. В особенном раже левые эсеры: Мария Спиридонова безостановочно стучит кулаком по пюпитру, стараясь заглушить неугодных ей ораторов, громко кричит: «Долой!»

Обводя глазами зал заседаний, я вижу в ложе прямо перед собой Ленина. Среди этого бурного океана страстей он кажется абсолютно спокойным. Выразительно жестикулируя, он просто и деловито с кем-то беседует. Окончив разговор, он выходит из ложи и направляется в президиум. Проходя мимо нашего мальчишеского секретариата, он лукаво улыбается. Ленин садится неподалеку от нас, рядом с Урицким и Розмирович. Он разговаривает с ними, даже не глядя в зал и не прислушиваясь к речам, как будто происходящее в зале его совершенно не касается. Чувствуется, что ему невыносимо скучно, как на плохом театральном представлении.

Глядя на наши старания, старший брат улыбается и тихо говорит: «Се-Фи-То-Бо». Мы все дружно смеемся.

Чтобы пояснить его слова, надо рассказать о наших детских годах в городе Одессе, где мы, четыре мальчика, обладавшие хорошими музыкальными способностями, обучались игре на скрипке у начинавшего свою педагогическую работу П.С. Столярского и М.Т. Хаита. Наши педагоги, чтобы привить нам любовь к ансамблевой игре, усердно снабжали нас обработками для квартета скрипачей в изданиях Петерса, Литольфа и Гутхейля. Когда накопилось большое количество этих транскрипций, их переплели в четыре толстые книги, сделав на них тисненные золотом надписи: «Се-Фи-То-Бо» – по первым слогам наших имен: Сеня, Филя, Толя, Боря. Детский квартет скрипачей «Се-Фи-То-Бо» стал вскоре популярным среди многочисленных

«вундеркиндов» Одессы. Теперь, услышав шутливую реплику старшего брата, я подумал: «Чего только не делает человеческая судьба! Кто бы мог предположить, что четыре маленьких мальчика, мирно разыгрывающие на своих детских скрипочках музыку Боккерини, Гайдна и Моцарта, в будущем составят секретариат самого бурного в истории России собрания?»

Вспышка магния. Кто-то нас снимает. Мы добросовестно стараемся фиксировать речи, записываем с лихорадочной быстротой то, что доносится с трибуны, а также выкрики с мест. Заседание идет невыносимо долго. Учредительное собрание отклоняет «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и основные декреты советской власти. Фракции большевиков и левых эсеров покидают зал заседания, заявив, что Учредительное собрание и по составу, и по системе выборов выражает «вчерашний день революции».

Уже поздно ночью вооруженные матросы-балтийцы во главе с Анатолием Железняковым прекращают заседание, предлагая всем немедленно разойтись. Некоторые депутаты пытаются протестовать и оставаться на местах, но матросы решительно их выпроваживают.

Мы первыми пришли в Таврический дворец и последними его покидаем. Ночной Петроград неспокоен: когда мы проезжаем по Троицкому мосту, кто-то пытается обстрелять экипаж, в котором мы едем…

Анатолий Ширвиндт

Домашний архив

После разгона Учредительного собрания папа и мой дядя, его брат-близнец Филипп, закончили с революционной деятельностью, вспомнили, что они юристы, и захотели поступить на службу в Народный комиссариат государственного контроля. Несмотря на революционное прошлое и приближенность к Ленину, устроиться туда на работу было непросто. Вот анкета Филиппа.*

* **Анкетный лист**

Имя, отчество и фамилия: *Филипп Густавович Ширвиндт*

Возраст: *25 лет*

Место службы до Февральской революции и должность:

частная педагогическая деятельность

Место службы до Октябрьской революции и должность: *то же*

Время поступления на службу в Государственный к-ль: *23/VIII 1920*

Занимаемая ныне должность: *помощник контролера*

Получаемое содержание: *3700 р.*

Получал ли нормированные продукты из какого-либо учреждения без карточек, где, когда и сколько: *не получал*

Получал ли ненормированные продукты, где, когда и сколько: *не получал*

Провозил ли с собой ненормированные или нормированные продукты из командировки, когда и сколько: *нет*

Размер расхода за октябрь, ноябрь и декабрь 1919 г. и январь 1920 г. на одежду, квартиру, питание и продукты: *5000 р. в месяц*

Партийная принадлежность, время вступления в партию и № билета: *беспартийный…*

ГА РФ. Ф. А406. Оп. 24а. Д. 13895. Л. 16.

Сегодняшние противники всяческих бюрократических бумаг могут увидеть истоки этого чисто советского явления. Когда братья поняли, что контролировать еще опаснее, чем конспектировать Ленина, то вспомнили, что они еще и музыканты. Вот документальное подтверждение этого перевоплощения моего папы, подписанное лично Луначарским.*

* 27 марта 1920

В Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции

Тов. Ширвиндт находился на службе в б. Наркомгосконе в качестве контролера и вместе с тем состоял артистом оркестра Большого государственного театра. Ввиду того, что т. Ширвиндт желал бы посвятить себя исключительно художественной работе и таковая работа может быть продуктивной только в случае, если т. Ширвиндт всецело отдастся ей, Управление государственными театрами ходатайствует об откомандировании его в распоряжение дирекции

Большого государственного театра.
Малиновская

Поддерживаю это ходатайство, нарком А. Луначарский

ГА РФ. Ф. А406. Оп. 24а. Д. 13894. Л. 16.

Дядя Филя, чтобы быть не абсолютно похожим на папу, вместо скрипки взял виолончель. Но и в музыку спрятаться от революции и репрессий тоже не всегда удавалось. В справочнике «Театральная Москва» за 1947 год написано, что Ширвиндт Ф.Г. работает в оркестре Московского государственного еврейского театра на Малой Бронной. Казалось бы, покой и тишина. Музицируй – не хочу. Но убили Михоэлса, и театр закрыли в ходе борьбы с космополитизмом.

Мы жили в одном доме – дядя Филя, младший брат отца дядя Боря и наша семья. Только старший брат, Евсей, жил в «Метрополе». Там, в левом крыле, располагались однокомнатные квартиры для советской элиты. Евсей был начальником Главного управления местами заключения, начальником Центрального управления Конвойной стражи СССР, возглавлял организованный им Государственный институт по изучению преступности и преступника. Был профессором, преподавал уголовное право. Первый раз его арестовали в 1938-м, второй – в 1949-м. В автобиографии, сохранившейся в архиве, он писал в 1955 году: «С октября 1933 года по 12 марта 1955 года мне зачислен непрерывный трудовой стаж по моей последней должности – старшего помощника Генерального прокурора СССР, так как после моего незаконного ареста в 1938 году я полностью реабилитирован и восстановлен в партии со стажем с февраля 1919 года». Они возвращались сильными – дух воспитывался в лагерях. Он крепкий был, а умер от какой-то глупости типа ангины или прыща.

Брат отца Евсей. Сын Евсея, мой двоюродный брат Бобка – мы похожи

Сын Евсея, Борис, мой двоюродный брат, прошел войну артиллеристом, а после нее стал профессором, создателем системы школ-интернатов. Он был фанатом пионерии. Как сейчас выяснилось, не напрасно: наркоты и убийств в 3 классе во времена пионерии не было и семиклассницы не рожали от четвероклассников.

С Бобкой мы дружили. У него была дача в поселке Старый Большевик, недалеко от дач разведчика Абеля и первой парашютистки. Там собиралась удивительная компания фронтовиков, Бобкиных друзей. Ландшафт был пронизан каналами типа арыков, которые стремились к водохранилищу. Туда регулярно падал нынешний министр Правительства Москвы, руководитель департамента культуры, а тогда четырехлетний Александр Кибовский, внук одного из друзей-фронтовиков. И мы его оттуда постоянно вынимали. К чести Александра Владимировича, он этот эпизод помнит, но мне за него не мстит.

Младший брат отца, Борис Густавович, и его жена Зина были крупными педиатрами. Своих детей у них не было, и они становились кураторами всех рождающихся детей: когда в актерской среде что-то рождалось, сразу несли им. Каким бы страшным это произведение актерского искусства ни было, Зина восклицала: «Боря, посмотри, какой шикарный ребенок! Просто шикарный!»

Борис Густавович всю войну был начальником военно-санитарного поезда (ВСП). Поезд был сформирован в Москве 25 июня 1941 года. Сохранились документы того времени. Вот выдержка из одного его отчета.*

* Отчет о работе ВСП № 38 за период времени с 7/VII по 12/VIII 1941 года

Поезд был сформирован Пресненским райвоенкоматом гор. Москвы и 7/VII в 11.00 был направлен в гор. Новгород, куда прибыл в 8/VII в 16.50.

По предписанию нач. РЭП № 96 поезд 11/VII в 4.00 отбыл из Новгорода для погрузки раненых в Старой Руссе и разгрузки их в гор. Костроме. В Ст. Руссу прибыли 11/VII в 16.15.

Вскоре после этого на станцию был произведен налет вражеской авиации и бомбардировка пути, причем бомбы попали в стоящий рядом с нашим поездом состав с боеприпасами. В результате этого наш поезд получил значительные повреждения: 2 вагона с находившимся в них имуществом сгорели, целый ряд вагонов, особенно штабной и кухня, сильно пострадали; электростанция совсем выбыла из строя; окна во всем составе были разбиты, рамы испорчены, посуда разбита и т. д.

Благодаря находчивости и самоотверженной работе команды удалось отцепить загоревшиеся вагоны, а весь основной состав поезда отвести в наиболее безопасное место.

Во время этих событий осколком снаряда был ранен в бедро один боец нашей команды, несколько человек получили от стекла незначительные повреждения. В одном из загоревшихся вагонов находились легкораненые, за десять минут до этого погруженные из пришедшего из Порхова эшелона. Им удалось спастись, документы их сгорели.

Несмотря на произошедшее, 12/VII с утра была произведена погрузка поезда ранеными. В силу того, что из состава выбыло 2 вагона, число мест сократилось на 122. Всего погружено 332 человека (основной их контингент – 224 человека из эвакогоспиталя 2017). По настоянию производивших погрузку и эвакуацию лиц (во главе с представителем санотдела Северо-Западного фронта…) в поезд пришлось поместить помимо раненых

бойцов и часть гражданского населения, пострадавшего при бомбардировке 11/VII, а также ряд больных, в том числе детей, из городской и железнодор. б-ц, подлежащих в связи с эвакуацией учреждений Старой Руссы вывозу из города.

О Т Ч Ё Т

Борис, младший брат отца, начальник военно-санитарного поезда

Для этих больных был выделен изолятор, куда было вмещено 36 человек, среди них находились дети – раненые и больные острой инфекцией (скарлат. и дизентерия). Погрузка происходила в такой обстановке, при таких быстрых темпах, что разобраться в контингенте погруженных больных удалось лишь в пути следования, когда и выяснилось только, что в изолятор попали острые инфекционные больные.

По окончании погрузки 12/VII в 13 часов поезд отправился через станции Бологое – Бежецк – Рыбинск на Кострому. В Нерехте по распоряжению ЗКУ (без уведомления нас) направление было изменено – через Иваново на Казань, куда поезд прибыл 16/VII в 16.00…

Нач. ВСП № 38
В/Врач 2-ранга Б.Г. Ширвиндт

ГА РФ. Ф. А582. Оп. 1. Д. 40. Л. 14 и 15.

Ну вот я мысленно перелистал страницы биографий своих предков и с гордостью понял, что кое-что помню, при этом с огорчением осознал, что очень многое забыл. Но багаж воспоминаний, конечно, определяется не количеством, а эмоциональным наполнением тех эпизодов, которые вспоминаются.

Несмотря на 1937 год, семейный отдых в Плёсе

Наблюдаю сейчас массу браков прекрасных людей с огромными перепадами возраста (видимо, действовали по принципу: при развилке без указателя надо ехать налево – а вдруг?). Дай им Бог, но я это не очень понимаю. Мне кажется, в этом есть какая-то патология. Важно иметь общие заботы, общие болезни и раздельное питание. Но и брачное долгожительство – тоже работа не из легких. Тут надо выстроить какую-то систему взаимоотношений. К 65 годам совместной жизни многое атрофируется, многое ужесточается, а многое стабилизируется. О том, что атрофируется и ужесточается, лучше не говорить, а тем, что стабилизируется, в качестве ликбеза могу поделиться.

Юношеская романтика трансформируется в возрастную лирику. Мы пережили бриллиантовую свадьбу и осторожно надеемся на благодатную (для тех, кто тоже надеется, объясняю: это 70 лет брака). На некруглые даты с 60-ти до 70-ти обязательно нужно дарить предметы первой и второй необходимости. Не так давно я менял пару золотых коронок на модные керамические. Чтобы не пропадал золотой запас, я преподнес его Наталии Николаевне, сопроводив высокой лирикой:

Скажи, дорогая, что толку
Класть зубы златые на полку.
Из них получилось колечко.
Поставь мужу лишнюю свечку.

Долгожители в нашей семье не только мы. Дача – моя ровесница, как стояла, так и стоит, только подпорки иногда меняются. На фоне нынешних особняков и вилл наш уютный сарай, конечно, теряется. Терраса сохранилась в прежнем виде. При сегодняшнем всеобщем беспамятстве великая придумка – «Бессмертный полк» – останавливает, как минута молчания, нашу безумную беготню, крик и пошлятину. Но хорошо бы еще как-то фиксировать места, связанные с войной. Наша дача – одно из таких мест. Она под Истрой, в 55 километрах от Москвы. Весь поселок был заселен тремя родами немецких войск. В нашем Нагорном тупике жили эсэсовцы. На террасе нашей дачи была организована столовая для среднего командного состава. У соседей напротив располагался штаб. Здесь немцы стояли месяц – с середины ноября до середины декабря 1941 года. И тот удар, который вышиб их из Подмосковья, был настолько неожиданным, что они оставили все недоеденным и недопитым на столе и забыли немецкую вилку. Она у нас сохранилась. В планах немцев было сжечь поселок, но они не успели. На участке остались три воронки. А когда отец Наталии Николаевны, Николай Павлович Белоусов, собирался посадить яблоню и копнул землю, то наткнулся на неразорвавшуюся авиационную бомбу. Она еще долго у нас лежала, мы ее перекатывали с места на место, когда она мешала играть в футбол. Потом кто-то увидел и ошалел: «Вы что …? Она в любой момент взорваться может!» Приехали саперы, чуть ли не выселили весь поселок и эту бомбу, как грудного ребенка, унесли.

Недалеко от нашей дачи, в том же Истринском районе, есть село Мансурово. Настоятель местного храма Святителя Николая – отец Вадим, с которым мы дружим около 20 лет. Он освящал Театр сатиры, многие актеры ездят к нему в храм. Он бывает на всех премьерах, поскольку теперь несет ответственность за театр. Однажды, на заре нашей дружбы, придя ко мне в кабинет, отец Вадим дал мне иконку Святителя Николая, который помогает всем, кто в пути, чтобы я поместил ее в салон машины. Я говорю: «Спасибо, но лучше я отдам ее бабушке, у нее новая машина, ей важнее». Наверное, отец Вадим быстро в уме посчитал, сколько лет может быть моей бабушке. И, наверное, получилось, не менее 150. У него вырвалось: «Как, она еще жива? И за рулем?!» Тут удивился я: «А почему она должна умереть?» Он не понял, что я хочу отдать иконку Наталии Николаевне, которая тогда приобрела новую машину, а была уже бабушкой.

Еще невеста

Уже жена

Но это не все, чем Наталия Николаевна связала меня с Церковью. Однажды она мне сказала: «Нам скоро помирать, на том свете мы с тобой не встретимся, а у меня за долгие годы накопился ряд вопросов к тебе, поэтому давай при этой жизни отвечай на них». Я спросил: «А почему это мы в той жизни не встретимся?» Она сказала: «Потому что мы не венчаны. Так что отвечай мне на вопросы сейчас». Я подумал и произнес: «Ладно, давай лучше венчаться, а там видно будет». – «Где там?» – «Ну там, куда попадем».

Хоть мы и не венчаны, но потомство у нас есть. Причем с каждым днем оно становится все многочисленнее. Началась эта история с сына Миши, который сейчас уже вырос, и ему исполнился 61 годик. Я надеюсь, что он впадет в детство и опять будет грудным. В своей книге «Мемуары двоечника» Миша рассказал историю фотографии 1956 года, на которой – мы с Наталией Николаевной стоим, склонившись над коляской.*

* Наверное, это самая трогательная фотография моего детства, именно она во всех папиных мемуарах иллюстрирует появление долгожданного сына! Но есть один нюанс: на этой картинке я появился только как медийный персонаж!.. Коляска пустая!!! Дело происходит на съемках. Моя будущая мама приехала проведать моего будущего папу, и там, в реквизите, нашлась очень красивая коляска. Родители просто сфотографировались на ее фоне!

Ширвиндт М.А. Мемуары двоечника. М.:

издательство «Э». 2018. С. 9.

Когда обман вскрылся, нам, чтобы как-то оправдать эту фотографию, пришлось зачать Мишу.

Сегодня у Миши есть свой ютьюб-канал «Съедобное – Несъедобное». Это про еду. Но так как еду шинкуют на всех телеканалах не переставая, то Мишин канал занимается еще и прошлой едой, где я, естественно, необходим. Когда-то вождь сказал: «Сын за отца не отвечает». Эти «веселые» времена, слава богу, прошли, и теперь сын без отца не отмечает.

Блогер-сын к отцу пришел,
И спросила кроха:
«С Интернетом хорошо,
Без айпада плохо?»

У меня проблема с сегодняшними терминами – со всеми этими «айфенами», а когда еще появился утюг… Мне проще называть его утюг, хотя меня все время поправляют. Мне кажется, ютьюб – это какой-то мат. Ютьюб твою мать. А я матом не люблю ругаться при детях. С этим утюгом они вовлекли меня в аферу. Я стал блогером, потому что другие профессии я уже прошел практически все, а блогером еще не был. Кто-то из великих говорил, а может, все великие говорили, что учиться надо до конца жизни. Вот сейчас конец жизни, и я начинаю учиться на блогера. Мы все время сидим, едим и пьем. На старости лет я стал играть «кушать подано».

Миша в различных интервью хамит: «папа не видел ни одного ремонта в своей жизни, ремонт делает всегда мама, когда папа на гастролях»; «невозможно победить эту школу химической докторской колбасы с куском хлеба и майонезом»; «это легенда, что папа может пожарить яичницу, он ничего не может на кухне». На самом деле я очень хорошо готовлю. Омлет – вообще моя фирменная вещь. Что значит, я ничего не готовлю, если в ресторане Дома актера подают «Омлет по-Ширвиндтовски»? Рецепт я даю везде. Еще я фантазер. Тут важны дозировка и то, что есть в холодильнике. Берется что-то, капается чего-то, чуть-чуть подогревается на чем-то, потом закрываются глаза, и все это ется. Главное – не видеть, что ешь. Когда видишь – может вытошнить. А вытошнить нельзя, потому что голодный. Тут дилемма.

В Мишином утюге все действительно съедобное: сырок «Дружба» хорош тем, что никогда не портится, – в нем нет ни грамма продукта. Там эпоксидная смола, и ее надо съесть как можно быстрее, потому что она может затвердеть и не выйти из того места, из которого должна выйти потом. Я сырок «Дружба» ем всю сознательную жизнь. Некоторые ученики, молодые артисты, из подхалимажа приносят мне плавленые сырки, но другие, типа «Волна». Они думают, что это одно и то же. Ничего подобного! Совершенно разная эпоксидка. Я когда-то пробовал бензобак залатать сырком «Дружба» – схватило и держалось несколько лет.

Когда Миша повзрослеет, то поймет, что я его подготавливал к светлому будущему, в котором все наконец бросят шинковать крабов и осьминогов и потихоньку вернутся к кильке (она не переводится ни при какой власти) и к плавленому сырку (его можно делать из любого вида смолы, только обязательно нужно добавить туда что-нибудь типа мха, который хорошо сдабривает, как укроп). Что еще можно есть? «Бычков в томатном соусе». К сожалению, в непроточных водоемах типа прудов и озер появились ротаны. У них огромная голова и мизерное тело. Ротаны сжирают все, в том числе и собратьев по водоему. Но, как ни странно, если большого ротана поймать, зажмуриться, чтобы не видеть его страшное лицо, и отрезать ему голову, то незначительное тело – это чистой воды курятина. Если бычков не будет, можно использовать ротанов. Обязательно нужна смазка, которая называется томатом. Но это вещь условная. Хорошо идут

солидол, отработанное машинное масло. Чтобы получились ротаны в томате, можно добавить красочки. То есть отработанное машинное масло, немножечко солидола для вязкости и каплю акварели. Гуашь не пойдет, от гуаши слабит, а акварель, наоборот, крепит. Я мог бы порекомендовать много хороших продуктов, только эти нынешние пижоны, которых все время тянет на каких-то омаров, не дают разбушеваться моей фантазии. Но я уверен, что завтрашний день все-таки – это парад отечественной еды.

Слава богу, я не одинок. Есть нормальные российские граждане, которые тоже мечтают жить по старинным российским рецептам. О чем свидетельствуют комментарии под нашими видео в Интернете.*

> * elena ovchinnikova
> Смотрим, помним и также водочку кушаем с килькой))) Привет из Одессы)))
>
> Name Name
> Миша, дорогой! Берегите отца, дышите на него. Вдыхайте его. Это лучший аромат уходящей эпохи. Это, как старинные духи, оставшиеся в хрустальном флаконе. Их уже не выпускают, а мастера-парфюмеры, знавшие секрет, все перемёрли. Однажды, давно, в середине 80-х, в Переделкине, в продуктовом магазине, я встретил Вашего батюшку. Я был с юной дэвушкой и поприветствовал Ширвиндта: «Добрый вечер, Александр Анатолич! Как поживаете? Какими судьбами здесь?» А батюшка Ваш в момент просёк ситуацию и подыграл мне: «Мой дорогой! Как я рад видеть вас снова! Почему не приезжаете в гости?» И т. д. Моя дэвушка была сражена наповал и уступила мне в этот же вечер без каких-либо предварительных танцев.
> P.S. Ширвиндта до этого лично не знал и представлен ему не был.
>
> Иван Иванов
> Миша, это почти шедевр. Как красиво в наших возрастах (я твоего возраста) стоять и общаться с отцом (я думаю, 99 процентов мужиков тебе завидуют). Папы были умнее и правы. Но мы это поняли, когда яйца поседели. Вы счастливейшая семья.

YouTube-канал «Съедобное – Несъедобное с

Михаилом Ширвиндтом»

Если у нас дома стоит бутылка и на ней написано «Сироп», то там может быть ацетон. Это очень опасно. Как-то внучка Саша привезла кусок мяса и какую-то бутылочку. Я утром встаю немножко усталый, вижу бутылку с надписью «Кисель клубничный». Думаю: ой, сейчас клубничного кисельку выпью. Делаю глоток. А это, оказывается, подсолнечное масло.

Но подсолнечное масло – не так страшно. Я снимался у Лёнечки Гайдая в фильме «Инкогнито из Петербурга» по мотивам пьесы «Ревизор». Толя Папанов играл городничего, Сергей Мигицко – Хлестакова, я – лекаря Гибнера. Это были годы полной голодухи. Гайдай сказал: «Я бутафорскую еду снимать не буду». На «Мосфильме» накрыли огромный стол для съемок сцены застолья у городничего. На столе возникли осетр, поросенок, нарезка – все настоящее. Но нельзя было сказать: «Мотор!» – и запустить голодную массовку, переодетую в чиновников, – она оставила бы пустыню. Тогда пришел реквизитор с маленькой леечкой – как для полива Анютиных глазок – и керосином залил всю эту красоту. Какой был запах! Лежит огромный осетр и воняет керосином. Мы все делали вид, что закусываем. Снимали пять дублей. Массовка тупо смотрела на поросятину, а откусить не могла. Вот что значит правдивое искусство.

Я скептически отношусь ко всем находкам по линии питания, долгожительства, а также антиалкогольной и антиникотиновой направленности. Например, я помню, как мой друг, фантазер Аллан Чумак мрачно сидел у водопровода, оттуда лилась вода в бутылки, которые ему приносили взволнованные идиоты, и он эту водопроводную воду пассами заряжал, после чего она становилась целебной и чуть ли не святой. Он сам делал вид, что верит в это, и даже забывал о существовании людей, которые знают, что это шарлатанство. Однажды мы пересеклись в Риге в какой-то гостинице, где он был окружен смотрящими на него как на божество клиентами. А в Латвии продают знаменитый «Рижский бальзам» в глиняных колбах. Когда я его вижу, у меня уже начинается изжога. Чумак заявил, что этот бальзам превратит в воду, а чтобы не возникло сомнений, пригласит нейтрального и неверующего человека – меня. Я ему сказал: «Я это в рот не возьму». Он шепчет: «Я тебя умоляю». Надо было пригубить эту черную сладкую тормозную жидкость, которая, как кинжал, входит в организм, и сказать: «Вода». Пытка была страшная. Но так как я любил Аллана и понимал, что это его заработок,

пришлось этюд сыграть. За что потом я с него взыскал все что мог.

Но иногда нарываешься на человека, который действительно удивляет. Много лет назад мы поехали в Жуковский, чтобы на местном стадионе поучаствовать в каком-то зрелище типа «Спорт, кино, счастье, любовь, социализм». Поехали таким составом: Нонна Мордюкова, диктор Виктор Балашов, я и еще кто-то. За нами прислали «Москвич-401». Двухметрового Балашова воткнули вперед, а мы втроем приютились друг на друге сзади. У меня тогда начинала болеть коленка. Сейчас-то она просто не проходит, а тогда только начинала болеть. Когда мы проехали 50 километров, я вылезти не смог, меня вынимали. Балашов подошел к моей кривой коленке, провел два раза рукой, я встал и пошел.

Позже с тем же Балашовым и тем же фестивалем «Социализм, счастье, любовь и голуби» мы были уже где-то далеко, в каком-то Криводрищенске. Проснулись утром после ночного приема в Криводрищенском горкоме партии. А жили мы в пансионате прямо над стадионом, на котором проводилось шоу. И когда я подошел к окну, то увидел, что в 7 утра по стадиону ходит Балашов, собирает одуванчики и ест их. Пока мы пытались залить горкомовский банкет пивом, он там пасся и съел полстадиона одуванчиков. Так он – всю жизнь (ему сейчас 95 лет). И тут я усомнился в своей закривленности относительно чудес.

Есть привычки, которые стали приметами. Например, я делаю все кратно пяти. Это очень обременительно. По молодости легко было все делать кратно пяти, а сейчас уже тяжеловато. Но какие-то навыки остаются. Допустим, глотки. Нельзя пить залпом и не считая. Нужно делать пять глотков. Но водку глотками не пьют. Тогда залпом глотаешь рюмочку водки и запиваешь четырьмя глотками воды. Получается все равно пять. То же самое со ступеньками. Раньше бегали по ступенькам – вниз и наверх, не считая, а сейчас, когда каждая ступенька – проблема, их надо считать. Очень важно, чтобы получилось пять, десять или пятнадцать ступенек (о двадцати речи нет – не влезешь). Если вдруг получается четыре или восемь – это плохая примета. Но, в отличие от глотков, количество ступенек от тебя не зависит. Когда придумывают приметы и говорят: «Я верю в приметы» – вранье. Можно верить только в свои привычки, которые стали приметами.

Каждый год я отмечаю свой день рождения на Валдае. Валдай – русская Швейцария. Это даже лучше Швейцарии, в которой я не был. На день рождения собирать уже почти некого. Кто еще пыхтит, до рюмки дойти не сможет. Так что поздравляем друг друга виртуально.

Дети и внуки приезжают на Валдай. Когда забегают в гости с Поварской на Триумфальную – это одно. А когда пилят 450 километров – это другое: если не подвиг, то какая-то акция. Уже много лет это якобы сюрприз. Сначала я делал вид, что я не знаю, что они приедут, потом они делали вид, что они не едут. Это была огромная трехгрошовая инсценировка. Взаимная. Они неожиданно приезжали, я умилялся.

Дети-внуки

Когда мы впервые оказались в международных аэропортах и ждали там отлета в какие-то настоящие страны, то видели, как по полу ползают японские дети, собирая все, вплоть до плевков, а родители не обращают на них внимания. Для нас это был шок. А мы: «Куда? Зачем? Вернись! Сядь! Ни в коем случае не трогай!» Детям нельзя позволять то, что хотелось бы позволить себе.

В юности я мечтал быть таксистом. Поступал сначала на юриста – для родителей. Не получилось. Внук Андрей, к удивлению нашей семьи, – юрист, специалист по гражданскому и римскому праву и доцент МГУ. К тому же недавно он стал заместителем председателя совета (руководителя) Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации – деканом Российской

школы частного права. Эту должность Андрей диктовал мне по телефону, и я записал ее с четвертой попытки. Он единственный серьезный человек в семье. Мы все его страшно боимся. Он читает лекции на трех языках, его приглашают на всевозможные международные симпозиумы. Андрюша дарит нам свои книжки, которые мы с интересом рассматриваем, потому что сказать «читаем» было бы слишком нагло, так как ни одного слова понять не можем. Недавно получили очередную книгу, которая называется «Институции Гая». Может, кто-то забыл: Гай – великий римский юрист II века. Андрюша часть этих институций сам перевел с латинского. Я, изучавший в школе латынь, позвонил ему и сказал: “E fructu cognoscitur arbor”. Что означает: яблоко от яблони недалеко падает.

У меньшей внучки, Саши, с латынью еще хуже, чем у меня, но зато она в совершенстве владеет итальянским, потому что по образованию искусствовед и занималась итальянской живописью. Так что практически все мы говорим на разных языках. Но когда она переходит на русский, то жалеет меня, кормит и возит на рыбалку, ибо она так же увлечена смотрением на поплавок, как и я. Кроме того, она крупнейший в семье ветеринар и подбиратель бродячих собак.

Внуки-правнуки

У внуков я учусь цельности, а у правнуков – молодости.

После 85 лет очень трудно что-то в себе переосмысливать и переозвучивать, потому что, как я где-то вычитал, новые клетки уже не возникают, а информация поступает со страшной скоростью. И организм ее совершенно не воспринимает. Но и увернуться от информации невозможно и приходится, не переваривая, ждать следующей.

Особенно страшно, если это касается перелопачиваемой сегодня исторической правды, которой, как оказалось, не существует, потому что она историческая, а история повторяется только в моде и псевдомемуарах. Для меня же она не была историей, а была временем пребывания в этой истории. Ленина я видел. Но в гробу. А при Сталине жил.

Кладовка на даче – кладезь граммофонных пластинок, которые выбросить невозможно, поскольку они хороши и по содержанию, и по качеству. Среди прочего обнаружился огромный коричневый альбом – 21 конверт с пластинками «Доклад товарища Сталина И.В. на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. “О проекте Конституции Союза ССР”». 19 пластинок собственно доклада и две пластинки целиком – аплодисменты. Потому что бздели сократить хоть одну секунду. Сколько шли аплодисменты, столько и записали.

Чем чище и гениальнее идея, тем кровавее попытка ее воплощения. «И как один умрем в борьбе за это…» «Это» все время меняется, а борьба продолжается. Каждое поколение, как выяснилось, имеет свою революцию. Как бы увернуться.

Поколение нынешнее… Мы чего-то от молодых требуем, а они, во-первых, ничего не знают, во-вторых, родились позже того, что они должны знать, а в-третьих, не хотят знать. Для них, к примеру, пакт Молотова – Риббентропа, что для меня секретная Эрфуртская союзная конвенция, заключенная Александром I и Наполеоном. С Риббентропом мы как-то разминулись, а что касается Молотова, то тут такое воспоминание. В середине 1960-х, молодые, свежие, нахальные и пьяные, мы с сыном бывшего министра общего машиностроения СССР Петра Горемыкина Вилием проводили свой незатейливый интеллектуальный досуг в Жуковке, на их даче. Тогдашняя Жуковка хоть и стояла на той же Рублевке, представляла собой нормальные подмосковные дачи с небольшим перепадом комфорта у министров и обычного населения. Рублевка до сих пор прорезана веткой железной

дороги, и мы переходили через это железнодорожное полотно в соседний поселок, где, кстати, находилась легендарная дача Ростроповича и Вишневской, на которой позже они приютили Солженицына. В Жуковке была дача Вячеслава Молотова, и он регулярно совершал пешие прогулки. Мы по безапелляционному нахальству здоровались с ним и даже пытались присоединиться к его прогулке. Вячеслав Михайлович был молчалив, на общение не шел, но на второй или третий раз стал снисходительнее и разрешил нам прошвырнуться с ним по аллее. О чем мы говорили, не помню, точно не о пакте Молотова – Риббентропа, но говорили о чем-то, и сегодня я могу с некоторой опаской, но все-таки с внутренней гордостью для сведения молодого поколения сказать, что я гулял с Молотовым.

Рассекреченные документы подаются в гомеопатических дозах, а ждать следующих открытых сейфов времени не осталось. Мне очень интересно, кто эти провизоры, которые высчитывают своевременность и дозировку исторической правды. Зато каждый рассекреченный документ обретает вагон обсуждений. А обсуждение сразу переходит во вранье. Когда в одной и той же газете, по-моему, один и тот же историк сегодня пишет, что Сталин и Гитлер – это синонимы, а завтра, что Сталин был эффективным менеджером, или сегодня, что Берия был советским Гиммлером, а завтра, что Берия – реформатор экономики, или сегодня, что пакт Молотова – Риббентропа – это старт Второй мировой войны, а завтра, что это неслыханная дипломатическая победа, то тогда, чтобы не сойти с ума, надо вообще не читать прессу и не смотреть ничего, кроме биатлона.

Вспоминается милый и наивный анекдот. Умная мамаша, которая решила правильно воспитывать своего пятилетнего ребенка, водит его по кладбищу и показывает ему финал жизни, читая надписи на надгробиях. После двухчасовой экскурсии ребенок выходит с кладбища и осторожно спрашивает: «Мама, а где похоронены плохие люди?» Могила – не выход по амнистии, не освобождение от подлого и бессмысленного жизненного пребывания. И вера в заблуждения гениев-диктаторов не является реабилитацией их зверств.

Когда возникает что-то неожиданно искреннее и личностное, я имею в виду у них, а не у нас – у них в смысле не у них, а в смысле у нас, но не среди нас, – то умиляешься и все прощаешь. Видя, как наш президент вдруг совершенно не актерски и недипломатично с неподдельной ненавистью обзывает посла

Польши в Германии в 1934–1939 годах Юзефа Липского «сволочью и свиньей антисемитской», я начинаю подумывать, что Крым наш, и вообще за это могу простить многое, ибо за это же его не простят ни за что другие многие.

У нас все время мечтают о сильной руке. У меня мечта о сильной ноге – чтобы под жопу коленкой того, кто мечтает о сильной руке.

Римский император Диоклетиан, отказавшись от власти, уединился в своем поместье, занялся частной жизнью, и, когда его попросили вернуться к власти, он ответил что-то вроде: «Если бы вы видели, какую капусту я вырастил, то не стали бы делать мне такие предложения». У нас никого вернуться не просят, но Хрущев и Лужков прекрасно что-то выращивали.

Год от году, час от часу кардинально меняется ландшафт жизни – внутренне, внешне – и становится неузнаваемым. Вот, к примеру, Москва. Живу я в ней почти век. И каждый день оказывается, что я ее не знаю и не узнаю. В моем родном Скатертном переулке положили шестой слой плитки, потому что плитки много, а переулков осталось мало. Надо перестать насиловать дорожное покрытие.

Властный иконостас

Однажды журналисты спросили, какой у меня самый нелюбимый вопрос. Ответил, что самый нелюбимый: «Как вы относитесь к сегодняшней жизни?» Потому что я к ней уже не отношусь. Я отношусь ко вчерашней и позавчерашней жизни.

Раньше, когда мы развивались, как было? Существовало классовое общество, а интеллигенция называлась прослойкой. Это была какая-то прокладка между рабочими и крестьянами, и в этом слышалось что-то противозачаточное. Сейчас классов нет, а есть два вида – рожденные в СССР и рожденные в России. Я – рожденный в СССР, который вынужден перерождаться в России. Два раза рождаться трудно. Поэтому я – противозачаточная прослойка между рожденными в СССР и рожденными в России. С одной стороны, наше поколение пытается кокетничать с нынешним, чтобы оказаться с ним вместе. С другой стороны, мы все время брюзжим по поводу того, как хорошо было раньше.

Я родился, рос, вырос и жил во время тотального дефицита. Сейчас шлагбаумы – признак любой подворотни (для каждой машины – свой шлагбаум), а заборы – признак любого дачного участка. Тупая зазаборная жизнь. Испуганно-пресыщенная. А раньше, если где-то стоял высокий забор, значит, за ним располагался островок неслыханности и невиданности. Недаром мой друг Геннадий Шпаликов писал, а мы пели на кухне: «Мы поехали за город, / А за городом дожди, / А за городом заборы, / За заборами – вожди. / Там трава несмятая, / Дышится легко. / Там конфеты мятные, / Птичье молоко». И на всех заборах висели кричащие лозунги: «Вперед, к победе коммунизма!» или «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Эти лозунги, как и многие другие, исчезли, надеюсь, навсегда. Из старых лозунгов кое-где висит лишь «Берегите лес – источник здоровья». Лес не сберегли, со здоровьем – индивидуально, а без лозунгов скучно и бесперспективно. Надо вешать новые. К примеру, я повесил бы: «Сохраняйте нас – нас осталось немного, берегите меня – меня осталось мало».

Всю свою сознательную жизнь я мечтал о каком-нибудь транспортном средстве. Сейчас никто уже не понимает, как это нельзя пойти и купить машину. Было нельзя. И достать машину было нельзя. Мало того что я хотел машину как таковую, я еще хотел конкретную машину: ГАЗ-69. «Газики» были в основном на вооружении или в селах. Поэтому все мои поиски направлялись в сторону воинской части или села. Несколько раз я был близок к

приобретению «газика». Наиболее близок был дважды.

В начале 1960-х мы оказались под Целиноградом. Там в пустыне – хотя нет, в пустыне песок, а на целине был грунт, как асфальт, – пытались вырастить хлеб и кукурузу. Все знали, что кукурузы не будет, но у Хрущева был пунктик, поэтому кукурузу сажали даже в асфальт. Целинников обслуживали актерские бригады. Они состояли в основном из шпаны типа меня, а во главе стоял какой-нибудь выживший из ума профсоюзно-партийно-театральный деятель, игравший, как правило, только в массовке. Целинники летом пытались чего-то выращивать, а зимой все время делали детей (целина была этаким кроличьим хозяйством). Жили они в вагончиках, вернее, в огромных вагонах. Там пердела печка-буржуйка и лежала какая-то снедь типа бешбармака. Это тюркское блюдо – огромное количество жирного мяса с тестом – научили жрать и наших целинников. И мы в этих вагончиках играли шутки. Однажды, переезжая из одного кроличьего хозяйства в другое, мы заехали в бывший АЛЖИР, Акмолинский лагерь жен изменников родины. Это уже был двор колхоза или совхоза, и возглавлял хозяйство огромный рыжий мужик, по-моему, по имени Арнольд, что казалось немыслимым для целины. Он ко мне проникся, мы курили с ним на завалинке. А в этом дворе стояли «газики» с приваренными к ним спереди огромными баками, которые должны были расплескивать по мифическим всходам какую-то срань типа удобрения. Но так как всходов не было и срани не было, они стояли табуном. Я объяснил Арнольду, что эта машина – моя мечта. Он сказал: «Нет проблем. Осенью ты ее получишь. Бак отваривать?» Я сказал: «Можешь с баком». И представил, как подъезжаю к театру на потрепанном «газике» с баком и расплескиваю срань прямо в лицо художественному руководству. Арнольд попросил: «Только это между нами». Но я ночью после банкета и бешбармака не смог удержаться и проболтался Зиновию Высоковскому. А он под страшным секретом тоже кому-то проболтался. К осени этот бак ожидало пол-Москвы. Дошло до руководства области. Арнольд все отрицал – машины с баками стояли на месте.

Вторая история случилась значительно позже, во время вывода наших войск из Германии. Мы бригадой обслуживали воинские части в Берлине. Бригада состояла из Леонида Броневого, Микаэла Таривердиева, Михаила Державина, меня и одного певца, фамилию которого уже не помню. С уходом армии закрывали магазины в каждой части, а в этих магазинах были необходимые для приобретения вещи: самые дешевые в мире

сигареты, самые дешевые в мире хорошие напитки и еще какие-то полотенчики и презервативы. Презервативы нам были не нужны, потому что было не до этого. На одном из банкетов выяснилось, что на родину уходят составы с военной техникой и помимо танков едут целые платформы с новыми, в масле, «газиками». Памятуя прошлый скандал, я не говорил ничего ни Таривердиеву, ни Броневому. У Броневого была своя трагедия. Один маленький магазинчик находился в Берлине рядом с бывшим гестапо. Мы ждали открытия магазина – нас просили прийти пораньше, иначе офицерье все расхватает. Мы стояли, мимо вереницей шли немцы, и Лёнька сказал: «Час стою, ни одна сука не узнает группенфюрера Мюллера. Лучше бы я стоял в Западном Берлине». На что я заметил: «Лёнечка, для того чтобы стоять в Западном Берлине, нужны деньги». Я никому не проболтался, но за неделю до нашего отъезда на родину арестовали военного начальника, который обещал мне «газик». Слава богу, арестовали не за мой «газик». Кстати, в одной из частей не было инструмента. Тогда из какой-то немецкой семьи выволокли старый кабинетный рояльчик и поставили на сцену. И когда Таривердиев вышел играть свои нетленки и ударил по клавишам, передние ножки подломились и рояль лег ему на колени. Он на одной ноге рояля и на двух своих доиграл эту встречу. Вот как мы обслуживали части, уходившие с «фронта».

Если в те времена удавалось достать какой-то автомобиль, то проблемой всегда были бензин и резина. Бензин, правда, можно было купить ночью у знакомой заправщицы при помощи узнаваемости актерского лица. У меня была такая заправщица – Соня, на колонке, которая до сих пор стоит, только модернизированная: на углу Новодевичьей набережной, около Новодевичьего монастыря. Нужно было подъехать туда, когда Соня менялась с другой заправщицей, которая не любила моего узнаваемого лица. Во время пересменки они отчитывались степенью недолива за свою смену, и, когда одна уходила, а другая заступала, нужно было успеть вклиниться и залить немножко бензина, потому что в этот момент не заправляли никакие машины, даже правительственные.

Вторая проблема – резина. Резина имеет свойство стираться. Если ездить на лысой резине, то, во-первых, это очень опасно, а во-вторых, нельзя пройти техосмотр. Когда протектора не было, а вместо него была только лысина, то это означало – снимай номера. Новая резина нигде не продавалась. Поэтому открывалось огромное количество контор по навариванию резины. Резину наваривали на лысину старой резины. Получалась прилепленная шапка из протектора. Но во время езды она обычно отклеивалась, и на проезжей части оставался длинный ошметок. А ты ехал дальше на по-прежнему лысой резине. Тогда умельцы придумали наваривание заподлицо. То есть это была не нашлепка на лысину, а наваренная резина, которая сходила на нет по боковине покрышки и держалась дольше. Но эта резина очень плохо входила в диск, рассчитанный на заводскую резину, потому что наваренная была в два раза толще. При помощи кувалд, мата и пьяных криков все-таки удавалось воткнуть это чудовище в диск, только невозможно было сбалансировать колесо. И когда ты ехал (а я ездил на «Победе» на двух задних наваренных колесах), то возникало ощущение, что едешь по стиральной доске огромных размеров. Это все – способы выживания в застойный период.

Были, конечно, и свои красоты в этом автомобилизме. Когда русские умельцы с помощью огромных пружин и сваренных

стояков добивались того, что спинка переднего сиденья у «Победы» откидывалась, то получался мягчайший широченный диван-кровать, по комфорту не уступавший пятизвездочным отелям. Случались, правда, опасные ситуации. Так, один известный, ныне покойный, артист выехал на «Победе» в подмосковный лесок с очаровательной партнершей. После завтрака на траве и отдыха в салоне пара собралась в город, и тут неожиданно выяснилось, что крепеж откинутого сиденья обратно не крепится и из дивана-кровати сделать снова водительское сиденье не удается. Автомобилистам понятно, что ехать за рулем, не упершись спиной обо что-то, невозможно. Поэтому сиденье было поднято, красивая партнерша посажена сзади, чтобы коленками она уперлась в незафиксированную спинку. Коленок оказалось мало, и мой коллега вынужден был проложить коленки любимой и водительское сиденье 20-литровой канистрой. Все 35 километров мужественная женщина держала канистру, спинку и артиста, и они доползли до Москвы. Не буду называть фамилий, но все-таки проболтаюсь: на этой поездке их роман закончился.

В очень нужном журнале «Наука и жизнь» был раздел «Домашнему мастеру: маленькие хитрости» – самоучитель по выходу из бытовой безвыходности. На все случаи жизни давались советы с картинками и фамилиями читателей, которые их прислали. Какой-нибудь удивительный слесарь из Бердянска призывал не выбрасывать старые стержни от шариковых ручек, потому что, если аккуратно отрезать шарик и хорошо промыть стержень, то трубочки можно использовать как соломинку для поглощения коктейлей и соков. Тут очень важно было так промыть трубочку, чтобы до сока и коктейля не высосать граммов сто чернил.

Еще почти в каждой подворотне появились умельцы, заправлявшие зажигалки. Одноразовые зажигалки каким-то образом доставлялись из свободных стран. В них врезали клапан для заправки, и тогда одноразовая зажигалка становилась вечной. В подворотне стоял огромный, где-то украденный газовый баллон со шлангом и краником, на конце шланга был тонкий, как шприц, наконечник. Открывали самодельный клапан, вставляли в него наконечник и, со страшным шипом разбрызгивая по всей округе газ, заправляли зажигалку.

Так же заправлялись авторучки. Кто не догадывался, что из штыря можно сделать соломинку для коктейля, шел в контору по заправке авторучек. Там стоял огромный чан с какой-то жижей.

Под давлением в пустой штырь вливалась жижа, и старый стержень был, как новый, – полон. В этих конторах сидели милые дамы по локоть в чернилах. Все это был дефицит, а без дефицита прогресса быть не может.

Когда вспоминаешь в детстве вызубренные стихи Маяковского: «Мне и рубля не накопили строчки, / краснодеревщики не слали мебель на дом. / И кроме свежевымытой сорочки, / скажу по совести, мне ничего не надо», – то понимаешь, что это не пижонская фраза, а принцип жития. А сейчас – бесконечное вожделение лишних благ. Куда, зачем столько? Со всех оперных подмостков орали и орут: «Сатана там правит бал… Люди гибнут за металл». Сегодня монетный кэш не в моде, а люди гибнут в основном за метан. Не важно, за что они гибнут, важно, что эта алчность гипертрофированна. Недаром, как я слышал, уже создаются подпольные общества миллиардеров, которые одеваются бомжами, роются в помойках, ночуют на вокзалах. Они бросают себя в это дерьмо, вероятно, чтобы стимулировать дальнейшее обогащение.

Возникновение эмоций непредсказуемо. Глобальное потепление, цунами, остатки каннибализма в Африке, уход близких и великих мы стойко, стиснув зубы, переносим, чтобы не раскиснуть и не расплакаться. Но иногда… Как-то, в середине января, на Гоголевском бульваре, застряв навсегда в пробке, я тупо наблюдал, как сквозь апофеоз новогодней фанерно-гирляндной безвкусицы падал жидко-липкий снег и счастливое население, утопая по колено в грязи, судорожно стремилось поскорее укрыться в одной из открывающихся каждый день новых станций столичного метрополитена. Вдруг я увидел, как, лихо маневрируя между глухо стоящими «лексусами», мальчишка на велосипеде в мотоциклетном шлеме с огромным ящиком пиццы за плечами, умело пробивается к перекрестку. Вот, думаю, единственное реальное транспортное средство XXI века. Но в это время, как назло, велик проскальзывает, «наездник» падает в жижу, сундук раскрывается и гигантская лепешка-пицца шлепается на асфальт. Дальше картина, достойная кисти художника Нестерова: наш Маленький Мук сидит на бордюре и тряпочкой подробно вытирает пиццу. Я, пребывая в ситуации персонажей рассказа Хулио Кортасара «Южное шоссе», попавших в огромную многодневную пробку недалеко от Парижа и вынужденных создать на шоссе почти государство, смотрю на эту процедуру и начинаю фантазировать. Представляю, как где-то, в

чудом сохранившейся хрущевке, мать этого Маленького Мука, отдавшая последние сбережения на долевое строительство и мечтающая о скачке материнского капитала на фоне стоящих по всей стране продуваемых ветром скелетов квартирных надежд, ждет своего ребенка. Нафантазировал, и неожиданно возник комок в горле. Нет, думаю, надо как-то мстить. Продолжаю фантазировать и представляю, что в особняке на Остоженке два плотных лысых ублюдка – хозяева той самой строительной компании, где накрылись последние крохи мамы Маленького Мука, – сосут охлажденный мартини и ждут заказанную пиццу, злобно выговаривая прислуге за то, что еда опаздывает. Когда я представляю, как наконец долгожданная пицца торжественно возникает на полированном столике и хозяева жадно и смачно вгрызаются в асфальтовую пыль, я немного успокаиваюсь. Хоть какая-то, пусть символическая, месть за пресловутую социальную несправедливость.

«После нас хоть потоп» – эгоцентрическая утешительность, если не имеешь взвода внуков и правнуков. Эгоцентризм в тщеславии, валюте, гектарах. Пустыня нравственности и усредненность морали – узаконенно спиз…ить, наворовать на максимальный прожиточный минимум. Мораль – самая дорогая проститутка любой цивилизации, к тому же еще и хамка. Мы строим капитализм с социалистическим лицом.

Придумка относительно подачи каждый год декларации о доходах – двоякая двусмысленность, я бы сказал. С одной стороны, все скрывают доходы. С другой стороны, оказаться на всеобщем обозрении нищим – тоже неприятно. Надо найти какую-то середину: понять, что является признаком благополучия, но в то же время не является признаком оголтелого воровства. У меня, например, 13 соток от поместья дедушки супруги, флигель, перестроенный из бывшей бани, машина-фургон «мицубиси» стоимостью 1 миллион рублей, вечная квартира 69 квадратных метров и еще какая-то мелочь. Стыдоба.

Но вообще к сравнительной шкале успеха надо относиться очень осторожно. Много лет назад, кажется, в газете «СПИД-Инфо» вдруг на развороте рядом с фотографией милых дам в белых халатах и портретом Олега Газманова без халата был анонс открытия банка спермы, в котором совершенно обоснованно предлагалось дамам, по каким-то причинам не имеющим возможности забеременеть, анонимно, но при этом гарантированно зачать за определенную сумму от той или иной

знаменитости. Через некоторое время выяснилось, что идея вызвала огромный отклик у женщин, жаждущих качественных наследников. В одном из следующих номеров опубликовали список первых десяти фамилий в рейтинге запроса. Я был на 9-м месте. Дома мне устроили разнос: до чего я докатился и чем занимаюсь. На все мои оправдания, что я не имею к этому никакого отношения, ответ был один: «Позор». Когда первая волна негодования Наталии Николаевны схлынула, она уже более спокойно, но все равно с претензией спросила: «А почему ты только на девятом месте?»

Кстати, о сексе. Постоянно возникают громкие скандалы с изнасилованиями несчастных актрис и горничных – почему-то эти две женские социальные категории особенно привлекательны для секс-маньяков. Очевидно, в связи с максимальной доступностью и территориальной близостью данных желаемых объектов. Как же нужно фанатично любить свою профессию, чтобы становиться в очередь и стадно отдаваться монстру-продюсеру? Но все эти мировые скандалы, как правило, кончаются вердиктом «изнасилование по обоюдному согласию». В сфере политических актов – та же история. Сначала – страшная картина домогательств суверенитета с подключением мирового трибунала, потом недолгое затишье, затем сухое признание, что изнасилованная страна только об этом и мечтала и других способов достижения дипломатического оргазма никогда не употребляла и не представляла. А по прошествии энного количества исторического времени выясняется, что вообще ничего не понятно и надо ждать рассекречивания документов, которых нет. И вообще, что пристали к несчастным актрисам и горничным, когда вокруг важнейшие государственные чиновники теряют доверие из-за финансово-коррупционных изнасилований своей страны в извращенном виде в особо крупных размерах?

Раньше мы, всякая вшивая интеллигенция, сидели на кухне и стонали, что мы в застенках. Но «железный занавес» никогда не мешал разглядеть в щелочку, что там, за ним, происходит. Выяснялось, что «там» так же индивидуально, как «здесь». А когда занавес поднялся, оказалось, что везде полный бардак. Некуда вырываться. Все зависит не от занавеса, а от того, что и кто на сцене.

Навальный – президент, Невзоров – премьер-министр, Ганапольский – министр иностранных дел, Венедиктов – пресс-секретарь президента – замечательная команда, для которой надо

искать другую планету.

Как прожить жизнь в России и сохранить чувство юмора? Не выезжать из нее. Хотя мне как зрителю вообще уже давно ничего не смешно. Очень часто сейчас смешат тем, от чего я смеялся несколько раз в прошлом веке. И удивить меня, казалось бы, тоже нельзя. Но удивляют! Вот появились в магазинах упаковки из девяти яиц по цене десятка. Вроде бы мелочь, но раз возникла такая тенденция, то могут добраться до мошонки. И как при таком сокращении яиц ждать демографического взрыва?

Но вообще о демографическом взрыве я уже могу рассуждать только теоретически, потому что, во-первых, возраст, а во-вторых, насколько я помню, то, что ведет к демографическим взрывам, происходит ночью, а старикам нужно постараться ночью спать. Правда, у меня и это не получается, потому что бессонница. А в отпуске и вовсе приходится круглые сутки смотреть телевизор. Как-то я месяц отдыхал на Валдае, и за все это время выдалось лишь три солнечных дня. Сидел в коттедже, выходить на помост не мог, иначе соскользнул бы в водоем – ветер… Раньше в такую погоду можно было хотя бы уйти в глубокий запой, но теперь я этого позволить себе не могу, поскольку попросту из него не выйду. Не потому, что буду пить дальше, а потому что помру. Поэтому – 50 грамм, и включаешь «ящик». За месяц я понял степень этого вещательного ужаса.

Но удивляться нечему: какая харя, такая и харизма. По всем каналам – свара дрессированных политологов, которые с пеной у рта обзывают друг друга по-всякому. Тут вспоминается милый анекдот: если российскому политологу отрубить голову, она еще полчаса будет говорить об Украине.

Все бросаются в смешанные единоборства. Я посмотрел единоборства без перчаток. Раньше бой голыми руками был запрещен, а потом разрешили. Сначала его осторожно вернули в каких-то штатах Америки, а затем повсеместно. Говорят, за это больше платят. И они с удовольствием друг друга убивают. Рядом бегает судья с тряпкой и смывает кровь не с лиц – это никому не нужно, а с пола. Участвуют спортсмены, которые раньше занимались настоящими единоборствами, а потом переросли или были списаны и перешли сюда, потому что здесь меньше техники. «Чем меньше мастерства, тем больше крови» – это вообще лозунг нынешней действительности. Я знаю по собственному опыту: если мало мастерства у медсестры, через две минуты появляется

огромный коричневый синяк. Однажды лежал в больнице, сестричка была молодая, я вышел, как абсолютный наркоман. Наркоманов, как известно, проверяют по рукам – не исколоты ли, я попался бы тут же.

Все возвращается на круги своя, только в иной форме. Эпоха средневековой инквизиции вернулась в виде суда телеинквизиции. Внешне интеллигентный ведущий якобы объективно исповедует очередную жертву, играя роль современного епископа Кошона, и трое «инквизиторов» с благостными лицами бесполо-бесстрастных судей пытают эту Жанну д'Арк, у которой в личной жизни что-то не сложилось. Должен напомнить телекомпаниям, что к Жанне д'Арк пытки не применялись, ей показывали только инструменты для устрашения. А в нынешних телевизионных условиях пытки заменены детекторами лжи в виде датчиков, которые, очевидно, под столом прикреплены к штанам «инквизиторов». Но никакие показания датчиков не спасают героя от публичного «сожжения».

Это с живыми героями. С умершими – еще хуже. «Грифы-патологоанатомы» кромсают тело погибшего льва, безнаказанно и, естественно, безответно внедряясь в великий организм. С ухмылкой, благородным гневом, пошлым сарказмом они «препарируют» плоть и суть ушедших. Если попадается гений, то это вообще лакомый кусок.

При этом расхожее «о мертвых либо хорошо, либо ничего» – тоже сомнительно. Если «ничего», то подразумевается, что ушедший был либо ничем, либо дерьмом. Предположим, что так. Но… Валентин Катаев. «Святой колодец» и «Алмазный мой венец». Как относиться к желчным, но, видимо, все-таки документально-правдивым зарисовкам, за которые он попал в завистливые злопыхатели и антисемиты? Или Юрий Нагибин с убийственными портретами коллег и жен?

Помимо бесконечных ток-шоу ежедневно на экраны выходят сериалы, сделанные по одним и тем же лекалам. В них мелькают одни и те же типажи – актеры, обладающие средним талантом и до боли похожие друг на друга. При сегодняшнем конвейере во всех сферах жизни такое понятие, как штучность, просто утрачено. За появлением чего-то штучного следует грозная резолюция: «Нерентабельно». И если вдруг на ленте конвейера возникает яркая индивидуальность, то сразу настораживаешься: уж не брак ли выпустили?

Мы забыли, что такое настоящая мелодия. Когда-то страна держалась на паранойе главного правителя, утопала в репрессиях, но мелодия звучала. Сейчас параноиков, слава богу, нет, но и мелодии ушли.

Правда, телевидение – уже не главное СМИ. Главное СМИ – Сексуально-матерный Интернет. Но с матом борются. В стране, где все в норме, проблема ненормативной лексики выходит на первый план. Очень хочется послать ханжей по направлению, с которым они борются. Куда деть матерные эпиграммы Пушкина, «Луку Мудищева», Баркова? Если подсуетиться, можно собрать большую библиотеку матерной классики. Нашей матерщиной пользуется в экстренных случаях весь мир. Она – национальное достояние, наш золотой запас. Потому что, когда посылают к черту, то это не адрес, это очень близко и мягко. В спектакле Театра сатиры «Где мы?∞!..» молодой телеведущий, которого играет Саша Олешко, в полемическом задоре спрашивает старого клоуна, которого играю я: «Чем занималось ваше поколение?» Тот, подумав, честно отвечает: «Херней!» Если бы он сказал «фигней», это было бы детским садом и – главное – враньем. Ужас как раз в том, что занимались мы именно херней.

Подобные кампании уже были. Начальник советского телевидения Сергей Лапин не разрешал никакой растительности на лицах в кадре. Несчастные ведущие и комментаторы, вне зависимости от пола, сбривали бороды и усы и все, что где-нибудь росло. Во время антиалкогольной кампании из классических кинокартин вырезали все емкости, в которых могло быть налито что-нибудь спиртосодержащее, включая кефир. Сегодня на сцене нельзя курить, даже электронные сигареты. В спектакле «Орнифль» я курил сигару. Мне сказали: «Нельзя». Я сослался на автора пьесы Жана Ануя, чей герой не вынимает изо рта сигару. И вышел с сигарой на сцену. На следующий день к театру подъехали четыре пожарные машины начальников. Чуть ли не со шлангами начальники бросились в здание. Дирекции – огромный штраф. Еле отбились.

Интернет для меня загадка. Наверное, из-за той же старости. А с гуглом – вообще катастрофа. Само звучание слова «гугл» ассоциируется у меня только с ГУЛАГом или ГУМом. Я прошу правнучку узнать у гугла, что, где, почем. Правнучка вздыхает и помогает.

Завернув подагру в плед,
Влез тихонько в Интернет.
Там средь срани и побед
Мой язвительный портрет.

Я постоянно наблюдаю двухлетних детей, которых не видно за гаджетами, но они уже играют на них в бесконечные войны. Мне становится страшно. Не оттого, что они плохие дети, а оттого, как они растут. Если бы кто-то написал пьесу «Гадкий гаджет», я тут же бросился бы ее ставить.

Сегодня время технического скачка, дикого ускорения – от телефона с диском до смартфона. Человек совершил немыслимое. Куда это его приведет?

Мечты о Луне – от тупика на Земле. Инопланетяне раньше прилетали и смотрели на нас, а сейчас камни бросают. Причем бросают точечно. Ждут, может, опомнится Земля. Она накалилась, без сомнения. Нострадамус предсказал, что тогда-то случится конец света, но обошлось. Сейчас же, мне кажется, апокалипсис уже случился. Недаром мелкие гейзеры и крупные вулканы, спавшие столетиями, проснулись. Но лучше погибнуть при апокалипсисе, чем индивидуально.

Несколько лет назад, 4 ноября, мне давали какую-то очередную награду. Что-то великое великому от великих. Это удачно совпало с Днем народного единства, празднованием в честь Казанской иконы Божией Матери и 100-летием Великого Октября. И пели «Широка страна моя родная…». Все это – на полном серьезе в одной куче.

Спонтанно-сентиментальный Брежнев, завешанный до колен орденами, воспринимается сегодня как карикатура. А мои залежи статуэток на дачных антресолях – не анекдот для следующих поколений?

Помимо того что я народный артист РСФСР, профессор, сопредседатель совета попечителей Московского Английского клуба, академик Российской академии кинематографических искусств, Российской академии искусств, член Союза театральных деятелей России, старшина Столичного цеха деятелей культуры, лауреат Международной премии Станиславского, премий «Золотая маска», «Хрустальная Турандот», «Звезда Театрала»,

«Театральный роман», «Скрипач на крыше», полный кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством», я удостоен еще 35 немыслимых наград типа орденов «Миротворец» I степени, «Пламенеющее сердце» II степени, медалей «За боевое содружество», «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени и нагрудного знака «За отличие в борьбе с преступностью», а также наград «За сбережение народа», диплома «Бриллиант доброжелательности» и других. Казалось бы, бред, тем не менее я с нетерпением жду медали «За особый вклад в развитие Кузбасса» уже II степени.

Чем меньше платят, тем больше нужно вешать лент. Это не вчера придумали. Россия испокон веков была завешана лентами, орденами и медалями. Такой менталитет. Например, в Центральном театре Советской армии у каждого артиста было множество званий. Они ездили по разным крупным мероприятиям, выступали перед военными. Вел эти встречи красавец с бархатным голосом Владимир Сошальский. Поехали они куда-то с очередным концертом, к Сошальскому подходит литератор и артист того же театра Петр Полев. «Володя, – говорит он. – В зале министр, весь генералитет, а я без званий. Подай меня как-то». И Сошальский объявляет: «Александр Штейн. “Океан”, сцена из первого акта. Действующие лица и исполнители: Платонов – народный артист СССР, лауреат Сталинской премии Андрей Попов, Часовников – лауреат Сталинской премии Владимир Зельдин». И так далее. В конце он нежно произносит: «Шкипер – участник Всесоюзной переписи населения Петр Полев». Получилось звание.

Тем, кто принимает решение о присвоении званий и вручении наград, необходимо быть осторожнее и как-то отрегулировать длительность процесса. Например, как начальник я знаю, что такое добиться присвоения почетного звания артисту. Это обсуждается десятилетиями. Раньше каждый второй был трижды лауреат и четырежды народный. Потом кто-то решил, что тем самым звания девальвируются и надо ужесточить процедуру. И ужесточили до такой степени, что теперь для получения звания заслуженного артиста нужно проработать в профессии не меньше 20 лет и, если тебя за это время не выгнали из театра и ты что-то сыграл, надо собрать документы и послать их, чтобы дали добро, всем, начиная от дворника: в префектуру, департамент культуры, мэрию, Министерство культуры, управделами президента, наградную комиссию – и так до президента. И вот наконец выходит указ о присвоении звания или вручении награды. Между

указом и собственно вручением иногда проходит больше полугода. Поэтому транзит «указ – грудь – подушечка» замедляется. В конце мая 2019 года вышел указ президента о награждении меня орденом «За заслуги перед Отечеством» I степени. В этом же указе было написано, что таким же орденом награждается космонавт Алексей Леонов. В сентябре он мне позвонил и сказал: «Что-то нам не вручают». Я говорю: «Что ты волнуешься? Дадут». В начале октября он умер. Цепочка «указ – грудь – подушечка» была нарушена: после указа у Леонова сразу получилась подушечка.

Помимо этого, есть вековой протокол вручения высоких наград. Если повезет, награждаемому предлагают сказать несколько ответных слов. И здесь важно удержаться от стандарта. Я, по-моему, удержался и сказал: «Есть вечные стереотипы ответных слов с этой высокой трибуны. Обязательно говорят, что награду собираются разделить с родным коллективом. Но я столько разделил с родным коллективом, что это хочется оставить себе. Кроме того, принято говорить, что награду рассматривают как аванс доверия. Какой аванс после 85 лет? Звучит подозрительно. Я всегда завидую, когда сюда выходят поджарые ребята и без всяких длинных речей произносят: “Служу России!” Я тоже говорю: “Смешу Россию!”»

Недавно мы с Ромой Виктюком получали Международную премию Станиславского. Это хорошая награда, профессиональная. А профессиональная награда всегда дает некоторый стимул. Станиславский, правда, имеет ко мне относительное отношение. Но, очевидно, всех подлинных продолжателей системы уже перебрали и наградили, дошло до нас с Виктюком.

Кроме того, меня избрали старшиной Столичного цеха деятелей культуры. В эту организацию входят несколько тысяч человек и культурных учреждений – от театров и музеев до цирков и парков. То, что мне в 85 лет дали звание старшины, – это перспективно. Так, лет через пятнадцать, я майором стану. На другой день после избрания я был в поликлинике, и медсестра мне сказала: «Я вчера вас по телевизору видела. Поздравляю! Вы же теперь начальник всех московских деятелей культуры». Вот что народ обо мне думает.

Когда мне дали престижную театральную премию «Золотая маска» (не за то, что я сыграл Васю, а вообще – мне как мне),

стали звонить корреспонденты с вопросом, как я реагирую на многочисленные награды. И я вспомнил историю с мамой актрисы театра «Современник», много снимавшейся в кино, Леночки Козельковой. Лет сорок назад мама Леночки болела. Диагноз никак не могли поставить. Она лежит в больнице и как-то так угасает. Леночка с трудом покупает синюшных кур, варит для нее бульончик. И вдруг ей где-то достали баночку черной икры. Она бежит к маме, дает ей икру. Мама смотрит и говорит: «Леночка, что, я умираю?» Так вот, мне дают бесконечные призы и звания – что, я умираю?

Иногда прозрения приходят к концу жизни. Леонид Каневский незадолго до своего 80-летия спросил меня, знаю ли я, что такое Мойдодыр. Я сказал, что знаю «Мойдодыра» Чуковского. Он говорит: «Нет, а что такое Мойдодыр, знаешь?» – «Знаю». Он настаивает: «Нет, ты не знаешь. Мойдодыр – это, оказывается, “мой до дыр”!» Он понял это только сейчас. Лучше поздно, чем никогда.

Со мной была похожая история. В юности я не знал, какой театр хороший, а какой плохой, и ходил в Московский театр оперетты, думая, что он самый лучший. Может, тогда так оно и было. Сейчас это не так, потому что нет оперетты. Когда я слышал, как в «Сильве», в кульминации интриги, выходил Эдвин и произносил: «Сильва в Ареску не поедет» – я не мог, в силу того что учился очень плохо, понять, где этот город Ареска находится и куда она, сука, не поедет. И только к концу жизни я выяснил, что Вареску – это ее фамилия, а не адрес ее эмиграции.

Еще со мной случился поэтический казус – где-то на третьем курсе Театрального училища имени Щукина, на предмете «Художественное слово». Один из моих сокурсников читал пушкинского «Анчара». Если помните, там милый молодой человек, превозмогая зной раскаленной пустыни, тащит яд своему владыке, после чего умирает. Меня переполняли социально-гражданская ненависть к царизму и сострадание к несчастному юноше. Единственное, что меня удивляло в Пушкине, откуда он взял такое мужское имя – Рапунок. Удивляло меня долго, пока я не решился спросить об этом исполнителя. Он интеллигентно сказал, что я му…к и не лишне было бы мне почитать литературный источник. Я обиделся, открыл Пушкина, и действительно:

«Принес – и ослабел и лег

Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки».

Таким образом выяснилось, что Рапунок – это не имя, а «раб у ног». Но я не сдался, сказал однокурснику, что он сам то, за что он меня принял первоначально, и что у него жуткая дикция и с таким произношением надо не в артисты идти, а таскать яд через пустыню.

Бывает, что-то понимаешь не сразу, но все-таки догадаться можно. Лет сорок назад мы с тем же Каневским снимались в эпохальной картине студии «Арменфильм» «Восточный дантист». По классике армянской драматургии сняли двухсерийный музыкальный фильм. К сожалению, кроме меня, по-моему, его никто не видел. Хотя и я его целиком не видел. Мы снимались под палящим солнцем где-то в горах, в старинном замке с 6 утра – 18 часов подряд, и около 12 ночи нас привозили обратно, в гостиницу «Ереван», самую лучшую тогда. Рестораны в те времена работали максимум до 11 часов вечера. Однажды, по приезде со съемок, голодный, я усталой ручонкой поскребся в дверь ресторана, чтобы меня кто-нибудь из убирающих официанток увидел. Вышла милая армянка, видимо, самая главная там, узнала меня, впустила и сказала: «Я посмотрю, если что осталось». Принесла мне какую-то незамысловатую холодную закуску. Я расслабился, спросил, как ее зовут, и обнаглел до того, что поинтересовался, нет ли чего выпить. Она говорит: «Буфет закрыт». – «Ну, может, где-то осталось?» Она ушла. Через некоторое время возвращается: «Там есть только сливовая». Я говорю: «Дорогая, я ее обожаю». Она на меня с удивлением посмотрела, ушла еще раз и приносит мне графинчик. Я выпиваю. «Это не “Сливовая”», – говорю. Она уверяет: «Сливовая». И тут я догадался, что сливовая – это не из сливы, а слитая из недопитых рюмок. С тех пор я не пью сливовицу.

Еще иногда меня обескураживают скороговорки. Например: «В шалаше шуршит шелками желтый дервиш из Алжира и, жонглируя ножами, штуку кушает инжира». Как можно жонглировать ножами и штуку кушать? Чем эту штуку брать, если у тебя в руках острые ножи? Либо он жонглирует не руками, либо кушает каким-то другим местом.

А у Саши Черного:

«Царь Соломон сидел под кипарисом
И ел индюшку с рисом.
У ног его, как воплощенный миф,
Лежала Суламифь
И, высунувши розовенький кончик
Единственного в мире язычка,
Как кошечка при виде молочка,
Шептала: “Соломон мой, Соломончик!”»

Попробуйте высунуть кончик языка. Высунули? Скажите: «Соломончик». Сказали? Что получилось? Вот. Значит, Суламифь была шепелявой.

Русский язык настолько шикарен, что что им ни напиши, тут же возникает двойной смысл и крамольный подтекст. Вот, например, пресловутая «гражданская позиция». Позиция – это в общем-то поза, а если она поза, то гражданская позиция – это какая-то конституционная Камасутра. Аналогичный казус с «гражданской платформой». Я лично видел из окна вагона название занюханной железнодорожной станции «Платформа “Гражданская”».

Ветшающие догмы нужно употреблять с осторожностью. Например, «смелость города берет». Эту сентенцию пора официально, на уровне думской законодательности, переговорить в «трусость города берет». Потому что мудрость трусости предполагает сомнение в том, стоило ли вообще этот город брать.

Слова и словосочетания пришиты ко времени. Например, я вздрагиваю, когда слышу «нормативные акты». Есть акты действий спектакля, акты агрессии. Смутно помню, что были когда-то половые акты. Но что такое «нормативные акты»? О какой норме акта идет речь? И кто эту норму устанавливает? В общем, беда. Что касается транспорта, то я категорически настаиваю объяснить мне, откуда отправляются эшелоны власти и куда и зачем они прибывают. Или, допустим, «вневедомственная охрана». Всю жизнь я не мог проникнуть в смысл. То, что охрана, – это понятно, но чего? Если это охрана ведомств друг от друга, то нужно конкретизировать, какие это ведомства. Если это охрана вне ведомств и она предполагает бо`льшую власть одного ведомства над другими, тогда почему не объясняется, какое из них важнее? Опять беда. А угрожающий лозунг-предупреждение «охрана объектов» всегда повергал меня в

агрессивно-взволнованное состояние. Но однажды по телевизору я увидел, как на каком-то полигоне совершенно замерзший генерал продрогшим ртом рассказывал о новшествах охраны. Так как скулы ему сводил 35-градусный мороз, то с дикцией было плохо. И он сказал сакраментальную фразу: «У нас сегодня очень хорошо организована служба охраны объедков». И тогда я понял, что именно мы охраняем как зеницу ока.

Где-то в середине жизни я понял, что я глупый, но спонтанно рефлексирующий и поэтому сообразительный. Это необходимо в век, когда зачинают без соития, в шахматы играют без игроков, а лучше всех оказывается двухлетний вундеркинд, знающий 46 языков. Все это бытие должно скрашиваться сарказмом. Да, и еще я находчивый. А что такое находчивость? Вовремя находиться в том месте, где надо находиться. У кого-то из классиков, кажется, у Набокова, есть определение: унылый весельчак. Вот я постепенно в него превращаюсь.

Все время еще тянет сослаться на своего любимого Сашу Черного.

«Умный слушал терпеливо
Излиянья дурака:
“Не затем ли жизнь тосклива,
И бесцветна, и дика,
Что вокруг, в конце концов,
Слишком много дураков?”
Но, скрывая желчный смех,
Умный думал, свирепея:
“Он считает только тех,
Кто его еще глупее, –
“Слишком много” для него…
Ну а мне-то каково?”»

Очевидно, какие-то древние стоматологи придумали в людских челюстях зуб мудрости. Назвали его так наверняка потому, что он ближе остальных «зубьев» к головному мозгу и предполагается, что набирает от него мудрости (хотя, возможно, это ум от близости к зубу становится крепче и зубастее). А может быть, у Создателя образовалось затоваривание зубов, и он уже не знал, куда их воткнуть. С годами эти смысловые «зубья»-крепыши вымирают, и на их месте возникает пустота. Компенсируется это, вероятно, «зудом мудрости» – старческим брюзжанием и брезгливым отношением ко всяким новшествам.

Обожаю книги с манящим названием «В мире мудрых мыслей». Надо умудриться считать их мудрыми. Вырванная из контекста мысль, какой бы мудрой она ни была, становится идиотизмом. Другая опасность – это многословие. Недавно попалось мне многозначительное произведение Юваля Ноя Харари «Homo Deus. Краткая история будущего», где философски, исторически, биологически, метафизически и человечески препарируется смысл бытия. Брезжит надежда на открытие рецепта бессмертия, становится радужно и надежно. Но вся загвоздка в том, что читать эту нетленку (читать в полном смысле этого слова) невозможно. Книжица содержит 496 страниц и весит как два кирпича. А поскольку читающее население – его, как известно, не больше чем одна миллионная процента от всего населения – читает книги ночью, когда нечитающее население в основном спит, и читающее читает лежа, возникают интеллектуальные проблемы. Если лежишь на левом боку и держишь книжный кирпич в левой руке, чтобы правой переворачивать страницы, то кисть левой руки каменеет минут через пятнадцать, и произведение с грохотом падает на пол, будя спящее рядом нечитающее население в виде жены и собак читателя, что чревато семейным скандалом под лай разбуженного лабрадора. Если лежать на спине и держать кирпич над головой, то при мгновенном в таких случаях засыпании книжица падает на лицо читающего населения, провоцируя сотрясение мозга. Короче, чем крупнее напичканный мыслями автор, тем тоньше должна быть брошюра.

В 2018 году мне за три книги – «В промежутках между», «Проходные дворы биографии» и «Склероз, рассеянный по жизни» – вручили премию в области литературы о театре «Театральный роман». Я был горд, но не до конца. А до конца я стал горд, когда мне показали выдержки из филологических диссертаций, в которых ученые ссылаются на тексты моих нетленных произведений. Правда, кроме своей цитаты, я по серости не понял ни одного слова. Судите сами.*

> * …Объекты, находящиеся в дистрибутивных отношениях, допускают двойную концептуализацию и соответственно вариативные (Pl/Sg) числовые формы для своего обозначения:
>
> *Жирные воробьи долбили клювами мостовую* (И. Ильф и Е. Петров. Золотой теленок) = *долбили клювом.*
>
> Единственное число, безусловно, предпочтительно

при синкретизме двух числовых значений – дистрибутивности и класса (обобщенного родового):

На заре советской автомобильной эры все мы, естественно, мечтали купить машину. (А. Ширвиндт. Schirwindt, стертый с лица земли).

> *Гайломазова Е.С. Квантификация объектов и фактов: когнитивно-семантические и дискурсивно-прагматические характеристики. Волгоград, 2012. С. 83, 84.*

…Своеобразным проявлением словообразовательной деривации можно считать актуализацию ложной морфемы (проявление языковой игры), квазикорня, и, соответственно, ложный сиплекс (например, «еврейский ремонт»). В произведении А. Ширвиндта есть рассказ автора об одном разговоре с соседкой, которая по-своему поняла композит *евроремонт* – она соотнесла это со словом *евреи, еврейский. «[Соседка] тихо остановила меня во дворе и стыдливо сказала: "Александр Анатольевич… не могли бы вы помочь мне найти евреев для ремонта? Они поставили такое условие. Я в растерянности…"»* Дальше автор пишет: *«Пока я дотумкал, что они требуют от нее евроремонт, прошло некоторое время»…*

> *Со Кен Ран. Лексико-семантическая и словообразовательная деривация в семантико-тематическом поле «жилище и его части» в современном русском языке: в сопоставлении с корейским языком. Новосибирск, 2011. С. 169, 170.*

Самое пикантное, что автора второй диссертации зовут Со Кен Ран.

В одном интервью на вопрос: «Вы пишете от души?» – я ответил: «От чего придется. Какое место тела в данный момент о себе напоминает, от того и пишу».

То, что я стану большим писателем, было понятно уже в детстве. Вот открытка, отправленная мною в 1941 году из эвакуации чтецу Дмитрию Николаевичу Журавлеву. Орфография сохранена.*

** Из Чердыни Молотовской области*

30 октября 1941 года

Москва
Арбат
Улица Вахтангава, д. 12 а, кв. 15
Д.Н. Журавлеву

Милыи дядя Митя!
поздравляю з днем твоих иминин. как ты живешь? целую крепко.
Шурик

Домашний архив

Перелистал первую часть этого произведения и окончательно понял, что я не поэт, а прозаик. Также с некоторым удивлением понял, что о себе больше ничего не знаю, а если бы и знал, то в

прозе это описать невозможно. Поэтому перехожу к обещанной второй части.

Они обо мне, а я о них

Однажды молодая мама с маленькой девочкой подошла к Ольге Александровне Аросевой и сказала елейным голосом: «Мы

же ваши поклонницы. Мне никто не поверит, что я вас встретила. Пожалуйста, можно с вами и с ребеночком сфотографироваться?» Ребенок спрашивает: «А кто это?» На что мать рявкает: «Молчи, б…, я тебе потом скажу!»

К сожалению, сегодня раздается в лучшем случае восклицание: «Боже мой! Он еще жив!» – но чаще все-таки слышен вопрос: «А кто это?» Когда на экране, в журнале или просто в разговоре возникает та или иная фамилия, думаешь, как можно не знать этого человека. А потом понимаешь, что его физически нет уже много-много лет.

Необходимость увековечивания себя, друзей, великих знакомых и умерших родственников – опасная вещь. Увековечивают у нас вообще огромное количество людей, причем половина этого увековечивания – выброшенные деньги. Как быть? Переименовывать улицы – проблема. Во-первых, есть аналогичные названия. Сейчас идет дискуссия по поводу улицы имени моего незабвенного, любимого Марка Анатольевича Захарова. Оказывается, в Москве уже есть улица Захарова. Правда, маршала. Во-вторых, менять старые московские названия улиц на новые глупо, потому что только возникает, например, Кропоткинская, глядь – конъюнктура другая и надо опять возвращаться к Пречистенке. Стыдно и непатриотично советовать, но дешевле было бы перенять заморский опыт и честно писать «авеню» и «стрит».

В поселке Советский Писатель каждые 20 метров – новое название улицы. Идет улица Садовая, потом вдруг написано: «Улица Нагибина». Она продолжается несколько домов, а потом опять новое название. Нагибин жил в этом поселке, но, во-первых, в другом месте, а во-вторых, можно было бы целиком сделать улицу Нагибина, а не длиной от забора до обеда.

С памятниками – не легче. Их периодически пытаются сносить. Хотя были и, наверное, есть фанаты, свято относящиеся к монументам. Например, в прекрасном Валдае, где я провожу всю сознательную летнюю жизнь, жила наша подруга Ниночка Панова. Она была когда-то крупной партийной дамой, после окончания эпохи социализма возглавила коммунальное хозяйство Валдая. В это время стали сносить памятники нашей прошлой жизни. Она это стерпеть не смогла и все, что возможно, свозила во двор коммунального хозяйства. У нее там стоял небольшой Ленин и еще два прекрасных длинных Ленина лежали где-то

между ассенизаторскими машинами и снегоуборочной техникой. Они лежали до лучших времен. Ниночка умерла, а что стало с Лениными, не знаю. Думаю, что так их и не поставили.

Есть с памятниками и другая проблема. Как-то вез меня по Садовому кольцу к Театру сатиры молодой таксист. Проезжая мимо памятника Бродскому, доверительно сообщил: «Маяковский». Жаль, я вышел у театра, не доехав до памятника на Триумфальной площади, где мог бы узнать, что там стоит Бродский.

Я дружил с Евгением Максимовичем Примаковым. Это был сложный и необыкновенно язвительно-мудрый человек. Его воздвигли в Москве. Если стоишь рядом, видны в основном ноги. А если отойдешь подальше, то понять, кто наверху, Примаков или Фрунзе, невозможно. Может быть, я не прав, но мне хотелось бы, чтобы фигура, а главное, лицо хотя бы отдаленно напоминали оригинал.

Еще один вариант увековечивания – памятные доски. На нашем доме на Котельнической набережной доски в таком состоянии, что приходится их все время отмывать. Прохожие думают: «Что это за страшные заплаты на здании?» Буквы выцветают, а лица и фамилии на барельефах нынешним жителям неизвестны.

Я вспоминаю, как школьником смотрел в Театре имени Ермоловой спектакль режиссера Андрея Лобанова «Старые друзья» по пьесе Леонида Малюгина. Там после выпускного вечера школьники выбегают на набережную, и юная героиня Тоня спрашивает одноклассника Сашу: «А ты хотел бы, чтобы по Волге ходил пароход “Александр Зайцев”?» На что Саша отвечает: «Допустим, ходил бы по Волге пароход “Александр Зайцев”. Все спрашивали бы: “А кто такой Александр Зайцев?” Нет, не хотел бы».

Поскольку я живу на набережной, то вижу, как по Москве-реке между яхтами-ресторанами, только приблизиться к которым стоит 100 долларов, не говоря уже о проплыть, иногда лавирует огромная полукилометровая ржавая баржа, полная песка, на которой написано «Ефремов». Что за Ефремов, я не знаю. Если это в честь Олега, то очень страшно.

«Увековечить» – корявое и противное слово, хоть и точное по

смыслу. Всех, кто мне дорог и кого я не забываю, увековечить невозможно, а хочется. И я придумал для себя принцип выбора персонажей моей судьбы, о которых пойдет речь в этом разделе. Я подошел к книжным полкам и под удивленные взгляды домашних выложил на пол всю литературу, кроме Шекспира, Гоголя, Бомарше и других авторов, встречи с которыми не запомнились. В итоге отобрал только книжки с дарственными автографами друзей. Захотелось сказать им в ответ что-то очень нежное, честное и остроумное, но это вещи несовместные, поэтому приходится быть искренним.

С автографами и посвящениями порой возникают проблемы. Это понимаешь, когда роешься во всем том, о чем мечтается вспомнить. Во-первых, много чего выцвело и невозможно прочесть. Во-вторых, то, что не выцвело, тоже не всегда можно прочесть, поскольку, вероятно, писалось не в очень трезвом состоянии. В-третьих, есть посвящения и пожелания, которые хочется опубликовать, но под ними нет подписей. Придумывать их противно, ведь врать хочется как можно меньше. Иногда доходит до абсурда. Например, на даче я наткнулся на старую пластинку фирмы «Мелодия» производства Апрелевского завода (в середине прошлого века на досуг и самообразование молодежи работали только два подмосковных производства – это завод грампластинок в Апрелевке и завод презервативов в Баковке). На конверте пластинки прочел трогательную надпись: «Шура, не грусти под кленами. Счастье, любовь, звездочка моя, в минуты жизни я снова пою тебе прощальный вальс. Октябрь 1976 года». Надпись щемящая, подписи нет. В памяти ничего не возникает. Пришла мысль, что это написала исполнительница произведения. Взял лупу и прочел на пластинке: «“В Париже”, музыка и слова Ф. Лемарка, Ив Монтан, инструментальный ансамбль, на французском языке» – и стал судорожно вспоминать, когда Ив Монтан объяснялся мне в любви.

Сегодня институт переписки на бумаге – будь то книга, пластинка, фотография или визитка – приказал долго жить. Все эмоциональные отправления существуют в электронном виде. А было время… Требовались всего-то перо и бумага. Ну, еще не мешало иметь, конечно, мысли, чувства и чернила. Трудно себе представить, что, например, Татьяна посылала Онегину месседжи, а Вольтер с Екатериной перебрасывались эсэмэсками.

Евгений Евтушенко

«Идут белые снеги…»

Дорогому Шуре Ширвиндту с непреходящей нежностью и для укрепляющейся дружбы.

19 июля 1971 года

«Идут белые снеги…»

(Неразборчиво)

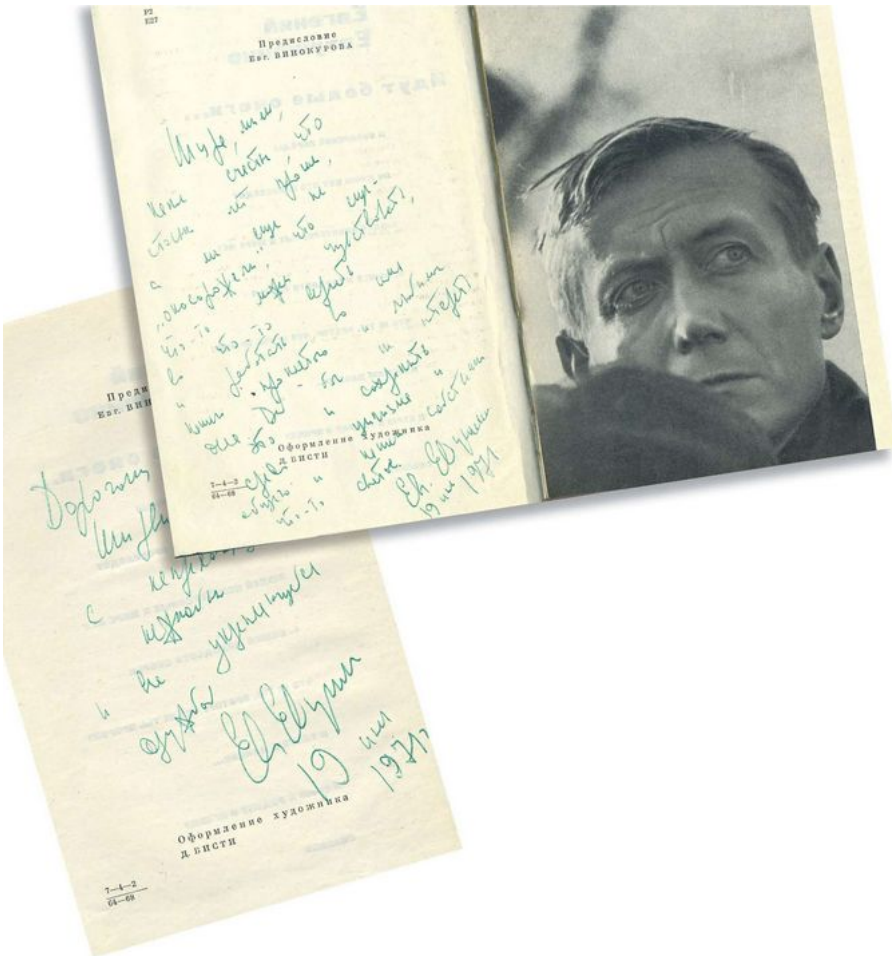
Шура, милый! Какое счастье, что столько лет прошло, а мы еще не «окосорожили», что еще что-то можем чувствовать, во что-то верить и работать во имя нашего проклятого и любимого дела. Дай бог не потерять это и сохранить среди цинизма и общего, и нашего собственного что-то святое.

19 июля 1971 года

Это было почти полвека назад. Как видите, мне подарили в один день две одинаковые книги с надписями клинописью, которые я расшифровывал при помощи многих специалистов. Мы ломали голову – до конца не разобрали, но все-таки пробились к смыслу. Почему такая клинопись? Потому что книги Евтушенко мне подарил, естественно, в состоянии крайнего опьянения. Даря вторую, забыл, что дарил первую. А так как я ни первую, ни вторую тогда не читал, в силу такого же состояния, то обнаружил это спустя десятилетия.

Дело в том, что у нас с Женечкой дни рождения с гандикапом в один день. И когда он жил в нашем доме на Котельнической набережной, это был опыт совместного дня рождения. Женькин день рождения начинали отмечать в 11 вечера 18 июля, а уже в первом часу ночи плавно переходили к моему празднику. Собирались у меня на балконе. Женька жил в центральной башне, а я живу чуть в стороне, но с огромным балконом, выходящим на набережную (мы всегда проводили там все застолья). И вот в разгар веселья Женька куда-то пропал, но вдруг появился на балконе этажом выше с мегафоном в руке. И, крича в этот мегафон, стал меня поздравлять. Через несколько минут на

набережной, под балконом, собрались прохожие, привлеченные речью Евтушенко с ленинскими жестами в мою честь.



Наши детство и юность проходили совсем рядом. Наши мамы – редакторши филармонии – сидели в одной комнате, стол в стол. Это было до войны. А после войны нас с Женей связала настоящая дружба. Мы, молодые актеры, завидовали ему белой завистью. Когда я работал в Театре имени Ленинского комсомола, мы после спектакля собирали по 5 рублей и бежали в ресторан Дома актера, чтобы успеть до закрытия посидеть по средствам, заказав сто грамм водки и капусту. В это время на пороге появлялся Женька в своем обычном цветастом наряде и с невесть где раздобытым ящиком шампанского. Вокруг него тут же образовывалась стая молодых актрис, а мы, глядя на эту картину, сидели в стороне с капустой во рту. Однако ненависти он не возбуждал. Это была скорее светлая мечта-зависть.

В 1969 году Эльдар Рязанов задумал снимать фильм «Сирано де Бержерак». Построили декорацию, пошили костюмы. Меня без пробы (Элик всегда без проб давал мне эпизодические роли) взяли играть графа де Гиша. И все это только для того, чтобы Женька сыграл Сирано. Я был тогда молодым и красивым опытным фехтовальщиком (и даже вел в театральном училище сцендвижение) и потому в свободное от театра время в огромном кабинете «Мосфильма» репетировал с Евтушенко шпажную сцену «И попаду в конце посылки». Уже была назначена дата съемки и одобрена смета, но, поскольку Женя в 1968 году послал телеграмму Брежневу относительно событий в Чехословакии, Рязанову сказали: «Забудьте о Евтушенко». Разрешали снимать даже Высоцкого, но только не Евтушенко. Рязанов проявил свое обычное мужество и отказался. И «Сирано де Бержерак» накрылся вместе с моим де Гишем, костюмами, фехтованием и прочим.

Женька был оригинален во всем – и в стихах, и в поступках, и, конечно, в одежде. Его яркие наряды – это не пижонство, не фрондерство, а состояние души. Он умудрялся так одеваться еще в ту эпоху, когда не было и в помине Зайцева, Юдашкина, а Пьера Кардена знал лишь Эренбург. Менялся только цвет и орнамент, а раз и навсегда выбранный стиль оставался с ним до конца жизни.

Яркий последователь внешнего евтушенковского дизайна – Ромочка Виктюк. Когда нам вручали Международную премию Станиславского за наш вклад во что-то или в чего-то, то он в гостинице «Балчуг» в начале ноября появился в огромной, наверное, енотовой шубе. А под ней оказался камзол с галунами. Когда Виктюк ставил в Театре сатиры спектакль «Реквием по Радамесу» с Ольгой Аросевой, Еленой Образцовой и Верой Васильевой, он иногда звонил мне перед репетицией, говорил, что ему нужно посоветоваться, и просил, чтобы я ждал его в кабинете и не забыл прилично одеться.

Эльдар Рязанов

«TV Эльдар, или Моя портретная галерея»

Дорогой Шура!

В день твоего рождения я дарю тебе мою книгу – «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет» – безо всякой уверенности, что ты ее когда-нибудь прочтешь. Профессия художественного руководителя вырабатывает глубокую ненависть к печатному слову и процессу чтения как таковому. Может быть, ты полистаешь этот томик и полюбуешься картинками… К счастью, в твоей семье есть подлинно интеллигентный человек – Тата. Она прочтет! Я же желаю тебе всего самого превосходного в этот радостный для нашей Родины день.

Всегда твой Элик

19 июля 2003

«Мчатся годы-непогоды»

Замечательным друзьям Шуре и Тате с глубокой симпатией and любовью.

Ваш вечный графоман Элик

Том 2-й, 2007

«Поговорим о странностях любви»

Любимым и старинным друзьям Таточке и Шурику – с нежностью и непреодолимым влечением.

Обнимаю, целую и т. д.

Ваш Элик

2009

«Разноцветное кино»

Дорогому давнему другу Шуре в день его рождения, а вернее – для замечательной его жены Татуси, которая, в отличие от мужа (и от меня), прекрасно знает кириллицу.

С любовью —

ваш Элик

19 июля 2010

Где бы я чего ни вспоминал, печатно-публично или интимно, все чаще приходится употреблять «ныне покойный»: «ныне покойный Рязанов», «ныне покойный Державин». Мой сын Миша мне это инкриминирует и всякий раз, когда слышит или читает исходящее от меня «ныне покойный», тут же звонит своей маме с просьбой меня угомонить. Апофеозом его возмущения был случай, когда он услышал мой рассказ о ремонте, где я произнес сакраментальное «ныне покойный сантехник». Но что делать, если сантехник действительно ныне покойный? Я даже помню, как его звали, – Женя. Он был очень умелым сантехником, но, несмотря на это, он ныне покойный. Мама моего сына, которая при всякой возможности поддерживает здоровую критику в мой адрес, сама некоторое время назад, вспоминая о какой-то нашей соседке, произнесла: «…потом она недавно умерла» – чем компенсировала мое пристрастие к словосочетанию «ныне покойный».

Элик Рязанов при всей титанической трудоспособности всегда ошибался в приоритете своих талантов. Великий режиссер и сценарист, он почему-то считал, что писательство – это все-таки его основное. Накропал массу книг. Еще больше, чем накропал, подарил мне с автографами. Совершенно не стеснялся своей многотомной прозы, но почему-то всегда стеснялся своих прелестных стихов. Приносил он, например, композитору Андрею Петрову стихи для очередного фильма. Андрей, заикаясь, спрашивал: «Чь-чь-чь-и?» Элик называл Ахматову, Ахмадулину, Левитанского или Самойлова. Андрей читал, и, если говорил: «За-за-за-мечательно», Элик смущаясь признавался: «Вообще-то это мои».

В нашей стране были и есть очень немногие фигуры, создававшие оптимизм и дававшие надежду на завтра в самые разные времена: Дунаевский, Гайдай, Рязанов, Горин, Шварц, Жванецкий… Фильм «Ирония судьбы, или С легким паром!» опережает по популярности в новогоднюю ночь салат оливье. И

продолжается это десятилетиями. Недавно в телепередаче Андрея Малахова, где я был якобы героем, Филипп Киркоров вынес на руках Барбару Брыльску и сказал: «Мог ли я представить, восьмилетним пацаном смотря премьеру самого любимого фильма времен Советского Союза, что спустя почти 45 лет вынесу любимую актрису на руках как главный подарок в юбилей любимого артиста!» – и положил Брыльску рядом со мной.

СЕРТИФИКАТ

"ПОЧЕТНЫЙ ПАССАЖИР АЭРОФЛОТА"

Данный сертификат выдан
г-ну Ширвиндту Александру Анатольевичу

Владелец имеет право на пожизненный бесплатный перелет первым классом на рейс авиакомпании "Аэрофлот - российские международные авиалинии" Москва - Санкт-Петербург - Москва 31 декабря каждого года.

Генеральный директор
ОАО "Аэрофлот"
В.М. ОКУЛОВ

От участия в «Иронии судьбы» помимо всенародной славы я еще имею не использованную по глупости привилегию – бесплатную перевозку самого себя.*

* **Сертификат**

«Почетный пассажир Аэрофлота»

Данный сертификат выдан г-ну Ширвиндту Александру Анатольевичу.

Владелец имеет право на пожизненный бесплатный перелет первым классом на рейс авиакомпании «Аэрофлот – российские международные авиалинии» Москва – Санкт-Петербург – Москва 31 декабря каждого года.

Генеральный директор ОАО «Аэрофлот»

В.М. Окулов

Домашний архив

До сих пор иногда призывают запретить показ «Иронии судьбы» – с таким азартом и ожесточением, как будто фильм был снят вчера. Так, митрополит Рязанский Марк в канун 2019 года набросился на фильм.*

> * Каков смысл, какова идея этого фильма? Собрались друзья-приятели, крепко напились, и произошло новогоднее чудо – главный герой нашел свою настоящую любовь. Это обретение новой любви построено на предательстве – на предательстве своей невесты. Но самое главное: христианство, Церковь призывают людей к труду, к постоянной работе над собой… А здесь совсем другая картина: для того, чтобы случилось чудо, не нужен труд, можно просто встретиться, посидеть, напиться – и чудо произойдет само собой. Эта идея, безусловно, является идеей вредной…
>
> *Митрополит Рязанский и Михайловский Марк.*
>
> *Видеообращение «Слово архипастыря: новогоднее чудо или ирония судьбы?» // Сайт Рязанской епархии. 31.12.2018.*

Несмотря на это справедливое ожесточение, народ каждое 31 декабря с нетерпением ждет, когда герой Андрюши Мягкова снимет штаны на диване героини Барбары Брыльской и тем самым дико зашокирует митрополита Рязанского. Полностью разделяю его негодование. Единственное, чем могу оправдать перед митрополитом Рязанским рязановскую вольность, – это тем, что герой Мягкова снимает все-таки штаны, а не трусы. И в противовес этому стриптизу Ипполит принимает душ в пальто и меховой шапке.

Элик Рязанов, ближайший, любимый друг, все время присутствовал в моей творческой судьбе. И не только в кинематографе. Так, он, к примеру, посоветовал мне сыграть в спектакле по пьесе Жана Ануя «Орнифль, или Сквозной ветерок». Он сказал: «Для тебя это проще простого – не надо перевоплощаться, запудрись и играй». Видимо, я тоже у него ассоциировался со сквозным ветерком, при котором нет

ежесекундного погружения в смысл. Я запудрился и играл «Орнифль», не побоюсь этого слова, с успехом 17 лет.

Михаил Козаков

Надпись на фото моему отцу

Дорогой Анатолий Густавович!

Вся наша семья Вас нежно любит и желает Вам здоровья, счастья, денег и всего, чего Вы хотите!

Миша, Грета, Катя

P.S. Знаете, почему у меня такие грустные глаза? Не знаете? Потому что… Ну а впрочем, это я объясню Вам лично.

Миша

«Фрагменты»

Вот, Щурёнок и Татуся,
Вам в подарок мемуар.
Я писал его не труся,
Выпускал душевный пар.

С любовью —

Мишка

1989

«Три-Михаила-Три. Козаковы»

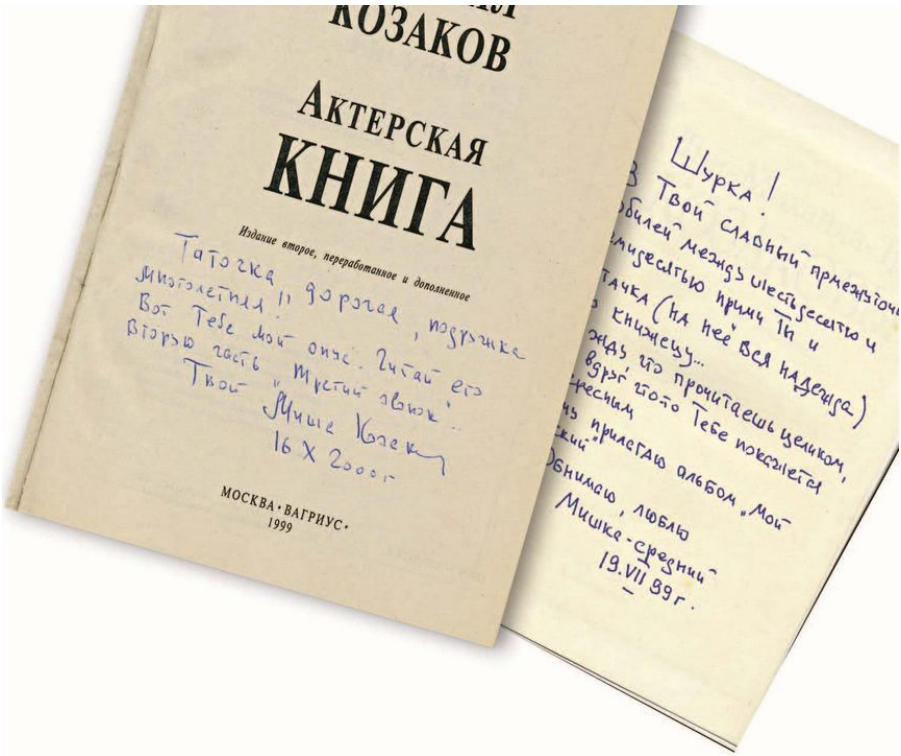
Шурка! В твой славный промежуточный юбилей между шестьюдесятью и семьюдесятью прими ты и Таточка (на нее вся надежда) эту книжицу… Не жду, что прочитаешь целиком, но вдруг что-то тебе покажется интересным.

К сему прилагаю альбом «Мой Бродский».

Обнимаю, люблю.

Мишка-средний

19.07.1999



«Актерская книга»

Таточка, дорогая, подружка многолетняя!
Вот тебе мой опус. Читай его вторую часть —
«Третий звонок».

Твой Миша Козаков

2000

Ко всем своим литературным посылам надо относиться серьезно, а не так небрежно, как я. Мой друг Козаков был не только актером и режиссером, но еще и писателем и поэтом. Как-то мы приехали на гастроли в Израиль. Мишка там в это время уже жил. И так как он соскучился не только по мне, но вообще по

всему, что оставил на родине, то он на меня набросился. Он как раз написал мемуары. Мишка был из тех людей, которые при встрече спрашивают: «Ну как ты?» – и, когда ты открываешь рот и начинаешь отвечать: «Я…» – они прерывают: «А знаешь, что у меня?» И идет монолог о себе в течение суток, двух, трех. А уж когда не виделись год… И вот утро, гостиница, маленький, но уютный номер, я в ванной бреюсь и делаю что-то еще, что делают в этих местах, входит директор нашего театра Мамед Агаев, который жил в номере рядом, и видит, что я в ванной, а на постели лежит снятая с телефонного аппарата трубка. Он говорит: «У вас тут трубка». Я объясняю: «Это Мишка читает мемуары». Можно было не поднимать с постели эту трубку, иногда только говорить: «Ха-ха…» – и снова уходить бриться, обедать, любить женщин. Потом возвращаться и говорить: «А!» – и снова бросать трубку на кровать. Прелесть Мишки была в том, что его упертость в профессию превалировала над возможностью сосуществования.

И еще один нюанс. Когда мы были помоложе, то пили много. Олега Николаевича Ефремова и Михаила Михайловича Козакова, людей дикого темперамента, особенно в состояния опьянения, обуздать не могли. Единственным, кого эти два персонажа слушались в период запоя, был я. И мне звонили из театра «Современник» неожиданно, часа в два ночи, и говорили: «Пожалуйста, если нетрудно, подъезжайте. Олег Николаевич…» Я даже не дослушивал, что с Олегом Николаевичем, и перся. В это время великого Ефремова держали несколько человек. А у него был пунктик: нутряной демократ, он ненавидел все, что касается роскоши, барства, и в состоянии крайнего опьянения ногами бил машины, стоявшие у театра. Тогда машины были признаками неслыханного благополучия. Причем Олег так расходился, что бил и свою машину тоже. Тут надо было обуздать его, чтобы машину не пришлось потом «госпитализировать». Михаил Михайлович Козаков тоже славился буйством в период запоев. Однажды я все-таки поволок его к одному очень опытному наркологу. Тот долго с ним разговаривал, потом выгнал его из кабинета, позвал меня, как вызывают родителей, и сказал: «Понимаете, у Михаила Михайловича такая трофика, что, когда он совершенно трезвый, то уже как будто в нем пол-литра. А когда он еще доливает в себя, представляете, что получается?» Очевидно, то же самое происходило и с Олегом Николаевичем. Люди такого таланта, характера и буйства даже трезвые находятся в состоянии крайнего опьянения. Очень опасно доливать туда еще. Тем не менее я всегда умел сохранить их для

искусства, друзей, бесконечных жен и любовниц и для детей. Чем очень горжусь.

Давид Самойлов

«Счастье ремесла»

Александру Анатольевичу Ширвиндту и его семейству на память о Дезике.

Г. Самойлова

2011

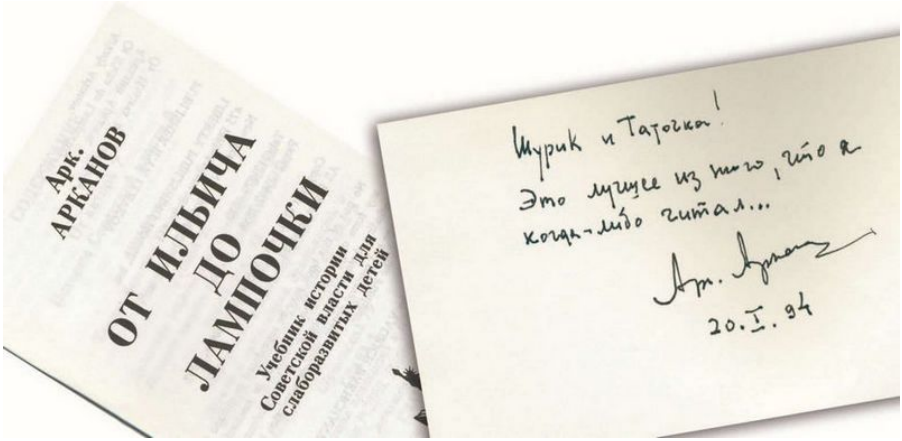
Всегда очень приятно поврать на тему «Я и великие». Особенно, когда трудно проверить. И особенно, когда великие якобы были близки. Очень хочется иногда не врать, но не получается. Я имею в виду беседы с великими о мироздании, смысле бытия и свершениях в творчестве. Поэтому все-таки честнее брать какой-то эпизод, пусть даже незначительный, который ярче осветит эпоху, личность и взаимоотношения. Великий поэт, сейчас стало уже абсолютно ясно, что это так, Давид Самойлов – с изысканным вкусом, решительный и смелый (это не одно и то же) – сегодня ассоциируется с каким-то воздушно-поэтическим побережным Пярну, шутливо-ироничной стихотворной перепалкой с коллегами и Михаилом Козаковым. А я, в силу низменности своего существования, в эти высоты забираться не могу и просто вспоминаю, как в подмосковной Опалихе на полностью заросшем бурьяном участке, в одной половине покосившейся старой дачи жила семья Гали и Дезика Самойловых – весело, нище, пьяно и дружелюбно. В один из визитов к Дезику во мне возникла корысть. Дело в том, что в конце 1960-х, как, впрочем, и в их начале, попытки приобретения транспортного средства выливались в многолетнюю проблему. Где-то, по-моему, в 1967 году, я был вынужден продать «Победу» по случаю, ибо другого случая продать это отдаленно напоминающее автомобиль приспособление не предвиделось, и остался без колес. Тем самым я лишил всю московскую актерскую богему возможности когда-нибудь до чего-нибудь доехать. И вот в этот безлошадный период я однажды сидел у Дезика в Опалихе, попивая кориандровую настойку. Для сведения нынешних – был такой самый дешевый в мире напиток, стоивший, если мне не изменяет память, 2 рубля 50 копеек пол-литра, в синих бутылках, запечатанных сургучом. Один вид этого продукта уже приводил в дрожь, не говоря уже о результате потребления. Тем не менее это

было самое желанное алкогольное приобретение. В перерыве между рюмками мы с Дезиком вышли в сад отдышаться и, прогуливаясь по участку, неожиданно наткнулись на лежавшую в углу у забора голубую «Волгу» без колес, с опущенными стеклами. Машина принадлежала Дезику. Я не помню, хотя, наверное, он рассказал, откуда у совершенно нищего полуопального поэта взялась на участке автомашина и как долго она там прирастала к земле.

Не буду затягивать новеллу, скажу только, что через некоторое время мы с супругой с двумя бутылками кориандровой приехали в Опалиху для совершения торговой сделки. Кроме наших двух бутылок, в доме оказались полбуханки черного хлеба, кипящий самовар, куча каких-то детей, своих и пришлых. Перед началом торгов еще раз подошли к лежащей машине, заглянули внутрь, чтобы убедиться в наличии хотя бы руля, и с восторгом обнаружили большой ящик земли, густо населенный растущей редиской. Забыв о предмете визита, мы с воплем выдернули ящик, перенесли на террасу, и застолье приобрело фешенебельный вид.

Короче, незначительные деньги, полученные от продажи предыдущего относительного транспортного средства, перешли владельцу свежего транспортного средства. Из этих же денег мы наняли трактор «Кировец», который вырвал из огорода голубой остов, и тот каким-то способом был переправлен в столицу. Там при помощи соседних таксопарков и той же кориандровой на него нанизали ворованные колеса от такси, и была произведена его дезинфекция. И в течение нескольких лет это транспортное средство прекрасно передвигалось от различных театров Москвы до ресторана Дома актера, полное знаменитостей, торчавших из салона вместо редиски.

Аркадий Арканов



«От Ильича до лампочки. Учебник истории Советской власти

для слаборазвитых детей»

Шурик и Таточка!
Это лучшее из того, что я когда-либо читал…

1994

«Арканов такой» (Первый том)

Шурочка и Таточка!
Жизнь проходит, но, слава богу, медленно…

14.04.99, 22 ч. 39 мин.

«Арканов сякой» (Второй том)

Шурочка, Таточка!
А жизнь-то еще продолжается!..

14.04.99, 22 ч. 40 мин.

«Стишки и песенки»

Всё выше, всё тише, всё шире
Горит и горит наш костёр.
И вот Шура Ширвиндт в Сатире
Уже сам себе режиссёр.

(Старые песни о Главном)

2001

«Антология сатиры и юмора России XX века»

У меня губа не дура,
Я не зря люблю Вас, Шура.
И уж, кстати иль некстати,
Расскажите это Тате.

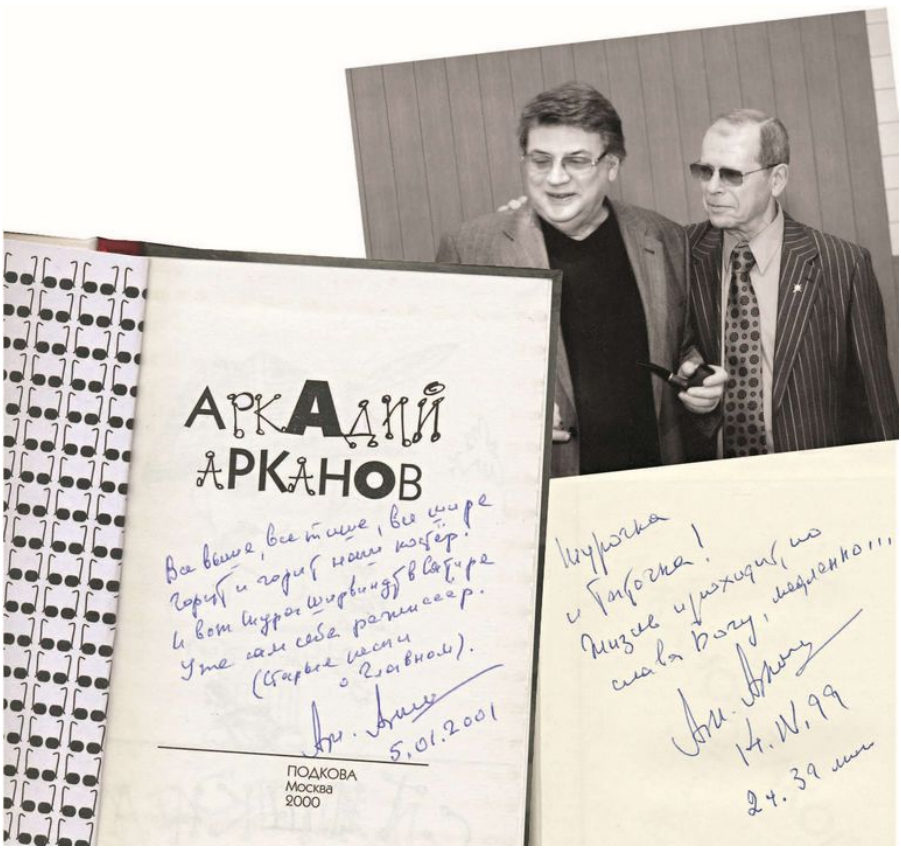
2001

Когда профессиональные сатирики, не дай бог, собираются вместе – это зрелище страшное. Собирались раньше, условно говоря, Арканов, Горин, Жванецкий, Альтов. Кто-то из них говорил: «Это надо сделать так». И рассказывал что-то смешное. В ответ – мрак. Другой говорил: «Если уж это делать, то надо так». И излагал свою версию. В ответ – опять мрак. Максимум, если кто-то в конце скажет: «Смешно». Но чтобы смеяться – никогда.

Аркаша Арканов приютил Гришу Горина как старший и как уже известный в медицинских кругах юморист. В 1-м Московском медицинском институте некоторые студенты – Арканов, Горин, Александр Левенбук, Александр Лившиц и другие – уже понимали, что они не будут врачами, а будут шутить. Там проходили искрометные капустники. И Аркаша с Гришей стали вместе что-то создавать.

Так получилось, что, когда им впервые издали на чем-то типа туалетной бумаги тоненькую-тоненькую брошюру, на обложке которой было написано: Офштейн и Штейнбок (как нетрудно догадаться, это «девичьи» фамилии Горина и Арканова), они поехали в Одессу. Жара, они идут по пляжу. А там – развал, где

торгуют газетами, брошюрами и книгами. Стоит огромная, облезлая от загара одесситка с потными грудями. Гришка говорит Аркану: «Спроси, спроси ее». Аркан отвечает: «Да рано еще, только вчера издали». Гришка не унимается: «Ты все-таки спроси, а вдруг…» Аркан: «Сам спроси. Почему я?» – «Тебе не откажут, ты похож на Марчелло Мастроянни». Тогда Аркан, как всегда медлительно, подходит к пляжной книготорговке: «Ради бога, простите. А у вас сатирического сборника Офштейна и Штейнбока нет?» Она внимательно на него посмотрела и воскликнула: «Хватились!»



Писатель, поэт, драматург, сатирик, красавец, певец, телезвезда, шахматист, беговик et cetera, et cetera. Аркаша был всегда гармоничен и прекрасен, элегантен и молод. Из недостатков у него было три: он не умел плавать, не умел водить машину и предавать старых друзей.

Григорий Горин

«Комическая фантазия»

Дорогим моим Наташе и Шуре, которых я так нежно и горячо люблю, что описывать это чувство словами – глупо! Чем чаще будем видеться, тем убедительнее это постараюсь доказать!

Всегда ваш Гриша!

С Новым, 1987-м!

1986

«Формула любви»

Дорогим моим Тате и Шуре – создателям самых уютных и теплых домов по всей России – с благодарностью и любовью.

1994

«Прощай, конферансье!»

Дорогим моим Таточке и Шуре (и в их лице всему многочисленному семейству) от их верного старого друга, собутыльника, автора-рыболова и пр., пр. – с нежностью и благодарностью за тепло и радость общения.

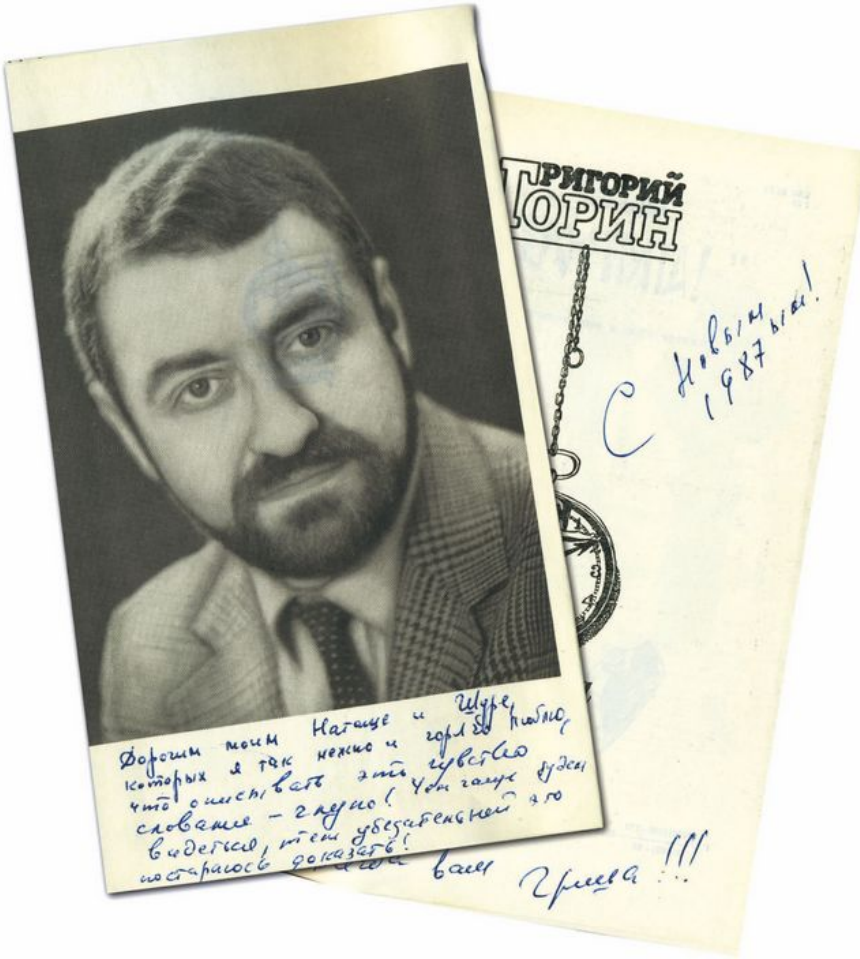
Всегда ваш Гриша Горин

1998

Мы прячемся за цинизм, скепсис, иронию, а Гриша был совершенно открытым и ранимым. От него исходили большой уют, доброта, некоторая огромность. Это сейчас мы формулируем. Тогда мы не формулировали, мы жили, пили, гудели, гуляли, огорчались и радовались.

Сидим как-то в 70-ти километрах от Костромы в палатке на каком-то болоте. Холодно, у меня сопли, клева практически никакого. Вдруг к болоту прорывается «газик», из него выходит

мужик в гэдээровском костюме и галстуке, но в сапогах. Он оказывается вторым секретарем костромского обкома партии и поклонником Горина – дома есть все Гришины книги. Прослышал, что мы здесь, и просит выступить в Костроме. Мы говорим: «Ну что вы, у нас с собой даже приличной одежды нет». Он продолжает уговаривать, мы отказываемся. Потом я говорю: «Мы тут мерзнем, я весь в соплях, если вам удастся что-то достать…» А тогда был сухой закон. Он намек понял, через пару дней приезжает с четырьмя бутылками водки. В то время добыть их было чуть ли не подсудным делом. И мы в благодарность ему, отколупав кое-как чешую от джинсов и вымыв морду, сели в «газик» и поехали. Дом культуры был набит битком. Он вышел уже в другом гэдээровском костюме и другом галстуке, а мы – все в тех же соплях и рыбе. Он волнуется: «Я вас представлю». Когда уже дали на сцену свет, он отводит меня в сторону и говорит: «Александр Анатольевич, ради бога, простите. Я сейчас буду объявлять вас обоих. А это правда, что у Горина отчество Израилевич?» Я подтверждаю. Он спрашивает: «А если я так прямо на публике скажу, он не обидится?»



О таких друзьях, как Гриша, хочется все время вспоминать. Для того чтобы вспоминать, надо помнить. Поскольку с этим большие сложности, приходится обращаться к людям, которые помнят все и, самое страшное, ничего не забывают. Поэтому – к Наталии Николаевне. Она хорошо помнит, как на их институт (ЦНИИЭП, Институт имени Мезенцева), где работали, наверное, около тысячи человек, выделили три машины. На них претендовали чуть ли не все сотрудники института, потому что в те времена, купив машину, тут же продать ее можно было в два раза дороже. Так называемый треугольник – директор, парторг и профорг – часами обсуждал, как распределить автомобили, и решил один из них, «Волгу», распределить Наталии Николаевне, поскольку надеялся на то, что она не сразу ее перепродаст. Эта «Волга» при ближайшем рассмотрении оказалась фургоном. Не буду вдаваться в подробности той автомобильной интриги, скажу

только, что «Волгу»-фургон я попросил заменить на нормальную – к удивлению сотрудников магазина, для которых фургон, в отличие от нормальной «Волги», был в сто раз дефицитнее, так как предполагал перевозку на нем мандаринов с юга. И мы взяли обычную «Волгу». После этого Гриша Горин написал Наталии Николаевне стих:

«О Таточка, двигатель вечный семьи,
Прими в этот день поздравленья мои.
Всех в доме накормит, напоит,
Собак отведет на балкон,
Коня на скаку остановит,
Заменит на “Волгу” фургон.
Как самый счастливый билет в лотерее,
Так русская женщина в доме еврея».

Позже благодаря Грише появилась машина уже у самой Наталии Николаевны. Заняв у него деньги, поскольку его пьесы шли по всей стране и он был состоятельнее нас, мы купили машину. Я сказал Грише: «Не волнуйся, я сейчас продам свою старую машину и верну тебе долг». На что он ответил: «Не надо, не продавай. Для тебя я в состоянии подождать. Вашей семье пора иметь две машины».

Гриша жил на Тверской. В начале 1990-х в его доме чуть ли не впервые в Москве открыли ночной бар. Это был центр бандитизма. В полночь там начинала греметь музыка. Гриша спускался и, стоя у входа с «качками», кричал: «Я вас снесу!» «Качки» в недоумении смотрели на шепелявого крепкого дядьку. А он продолжал орать на эту мафию, которая тогда практически руководила страной. Иногда он брал с собой соседку, первую метрополитеншу страны, которой было лет 120. Она выходила с орденом Ленина и в комсомольской косынке 1920-х годов. Так они стояли вместе, как рабочий и колхозница. И победили!

Гриша был человеком очень стыдливым, ему было стыдно за все. За кого-то, за что-то, за то, что происходит, за то, что друг не туда влез, не туда поперся, не то вякнул. Гриша был младше нас, но постепенно, с годами, стал таким ребе. Сейчас уже понимаешь, что он был человеком, философски мыслящим. Все наши передряги, фонтаны актерско-режиссерско-богемных эмоций он всегда умел приглушать. Говорил: «Тихо, тихо, разберемся…» Он стал мудрецом. Очевидно, он им и был, но мы этого не понимали. А потом поняли. Он оказался мудрее всех нас. Но при этой

мудрости в нем был большой детский наив.

Пьесу «Счастливцев – Несчастливцев» Гриша писал к юбилею Миши Державина. Никак не могли найти режиссера. Гриша дожал Петю Фоменко, он начал репетировать. Репетиции проходили в Доме актера, потому что в Театре сатиры не разрешали – пьеса не понравилась Валентину Николаевичу Плучеку. Потом Петя заболел, и Гриша со мной и Державиным два месяца окучивал Сережу Арцибашева. Обычно авторы отдают пьесу – и делайте что хотите. Гриша ездил к нему, переписывал что-то. Это тот случай, уже забытый, когда автор работает с театром.

Салтыков-Щедрин, Гоголь, Булгаков, Зощенко, Володин, Рощин, Горин и еще несколько замечательных сатириков, к несчастью, ушли от нас. Будем ждать свидания.

Михаил Шемякин

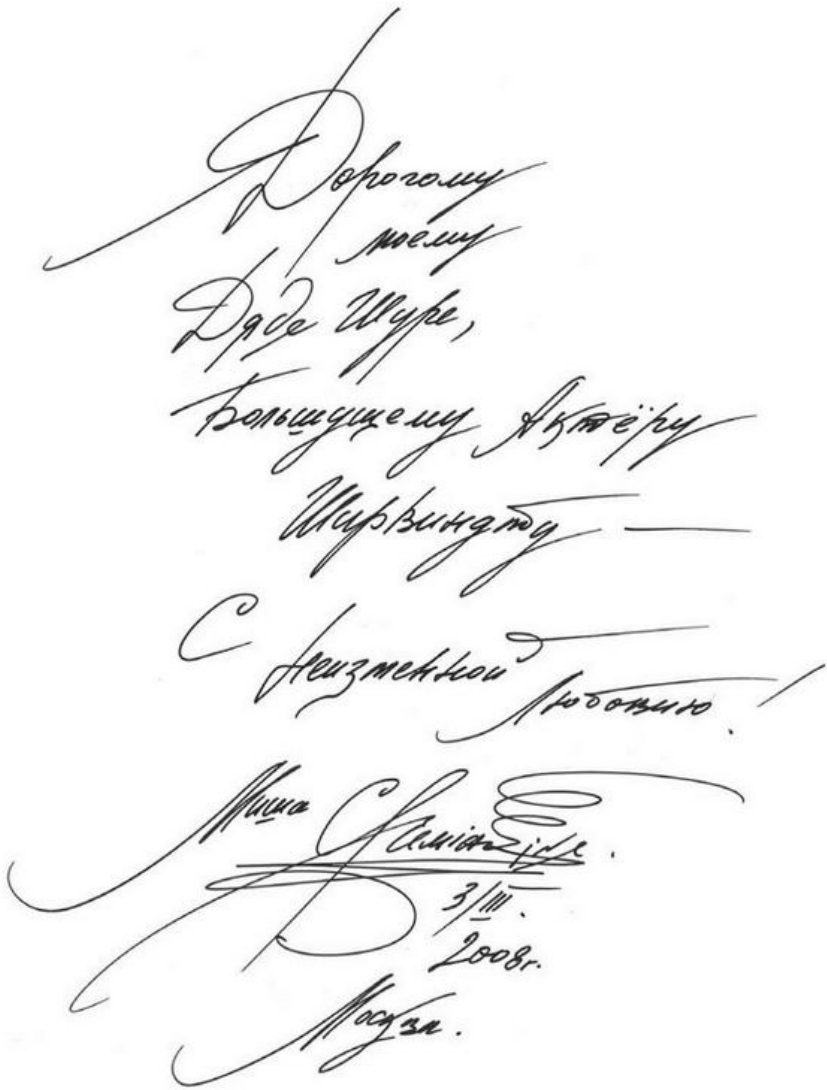
«Шемякин & Петербург. Пространство времени»

Дорогому моему Дяде Шуре, Большущему Актеру Ширвиндту – с Неизменной Любовью!

2008

Как-то Аркаша Арканов пришел ко мне и сказал: «Толя Лысенко хочет рискнуть послать нас с тобой в Америку – проехаться по знаменитым эмигрантам». Анатолий Лысенко – создатель очень много разного на очень многих каналах нашего телевидения, да и самих каналов тоже, и вообще он человек мудрый и всегда немножко передовой. Мы поехали. Нашелся эмигрант-продюсер, нам дали оператора и звукооператора. И мы – по тем временам это было совершенно нереально – пообщались с Иосифом Бродским, Михаилом Барышниковым, Эрнстом Неизвестным, Вилли Токаревым, Михаилом Шемякиным… Эти люди реагировали на нас по-разному. Те, с кем мы были знакомы до их отъезда, думали, что либо мы провокаторы, либо сошли с ума. С Бродским мы были знакомы шапочно. Мы долго сидели в ресторане «Самовар». Иосиф пил, внимательно слушал, был настороженно-доброжелателен и за пару часов нашего общения, по-моему, не сказал ни одного слова. В этом походе мы наконец добрались до Шемякина, который потряс меня своей радушной беспринципностью. Он ничего не подозревал и ничего не скрывал. Он просто общался и показывал. Более того, пригласил в свое поместье с огромным парком, где через каждый гектар стояла какая-нибудь его статуя, детально показал свой ангар-мастерскую, необыкновенно трогательно вспоминал о Володе Высоцком. Это вообще редкое свойство самовлюбленных людей, когда дружишь с кем-то выдающимся и не используешь дружбу как элемент биографической рекламы, не тенденциозно, якобы горько, выкраиваешь эпизоды негатива ушедшего друга, а совершенно бескорыстно восхищаешься его мощью и подкрепляешь это огромным количеством вещественных и изобразительных доказательств. Так, Шемякин показал нам все – начиная с совместных альбомов и заканчивая гитарой Высоцкого. Кстати, когда мы с Аркановым вернулись и отдали материал Лысенко, оказалось, что изображение очень хорошее, а звук – абсолютный брак. Эфир это немое кино, конечно, не увидело. А

концов мы не нашли.



Булат Окуджава

«Стихотворения»

Шуретате – с неизменной любовью.

Булат

1984

«Девушка моей мечты»

Тате с поцелуйчиками.

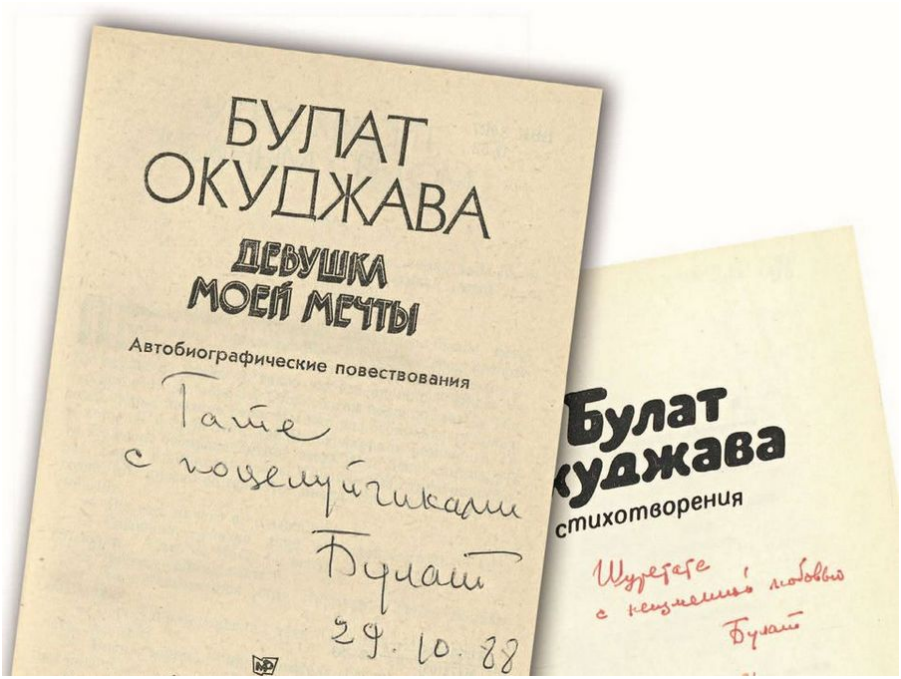
Булат

1988

Всю жизнь я мечтал научиться обращаться со звукотехникой. Когда вокруг меня существовали Аркаша Арканов и Андрюша Миронов, фанаты способов звукопроизведений, вся появляющаяся аппаратура была всегда у них, как бы трудно она ни доставалась, а у меня стоял какой-нибудь «Аккорд». Когда-то мне Миронов, Захаров и Горин подарили первый магнитофон рижского производства – маленькую фигню с двумя колоночками. На магнитофоне было наклеено Sony, на одном динамике – Grundig, на другом Philips. Чтобы я получил фирменную вещь.

При этом у меня до сих пор страшная тяга к старинным пластинкам. Кстати, мода возвращается: винил – последний крик. Потому что звук, исходящий от винила, ни с какими флешками не сравним. Я нашел на даче целую стопку дореволюционных граммофонных пластинок, но их нельзя было крутить ни на каких «грюндиках». Тащить граммофон с блошиного рынка мне в голову не приходило. Тогда, услышав мои стенания, Булат Шалвович с Ольгой привезли мне подарок – огромную радиолу. У этой послевоенной радиолы как раз были нужные иголки для моих пластинок. Чтобы техника не разбилась, они везли ее в стеганом одеяле. Наверное, они полагали, что, получив подарок и растрогавшись, я верну одеяло. Но я взял и радиолу, и одеяло. Они из интеллигентности промолчали. Чем растрогали меня еще больше. А через некоторое время я перестал быть растроганным,

потому что случайно выяснил, что, во-первых, эту радиолу они уже собирались выбросить на помойку, поскольку Булат по ней слушал «Голос Америки» и «Радио Свобода», а в период дарения эти радиостанции уже можно было слушать по «Маяку», а во-вторых, в одеяле в сарае на даче окотилась соседская кошка, и оно тоже готовилось к выбросу. Тут-то я его и вернул.



Когда-то было понятие «вдовствующая императрица» – императоры уходили, а вдовы оставались. Сейчас такими «вдовствующими императрицами» являются вдовы великих людей. Они трогательно и темпераментно цепляются за возможность продления значимости и незабвения ушедших гениев. Как билась за сохранение киноклуба «Эльдар» вдова Рязанова Эмма. Как тихо, интеллигентно и необыкновенно мужественно ведет себя Вера Таривердиева. Как занимается фондом Георгия Гараняна Нелли Закирова. Олечка Арцимович-Окуджава недавно в ужасе и панике позвонила мне и сообщила, что очередной вечер памяти Булата в Концертном зале имени Чайковского, вероятно, будет последним. На вопрос «Почему?» – я получил развернутый и исчерпывающий ответ: «Да потому». О Танечке Правдиной-Гердт я вообще не могу говорить походя, но и не упомянуть ее в этом контексте невозможно. Основная задача их деятельности – увековечить память в видимости (памятники и доски), а важнее – в душах и умах следующих поколений. Зачем?

А зачем вообще все?

Татьяна Правдина-Гердт

«Разговор со своими»

Тата и Шура, дорогие!
Все, здесь изложенное, вам известно, ведь столько лет мы свои… Я душой от вас завишу.
Радости и покоя вам и всем, кто рядом!

Ваша Т. Правдина-Гердт

2016

Однажды мы приехали к Гердтам на дачу, и Танечка спросила Наталию Николаевну, почему она такая уставшая. Та ответила, что устала, поскольку после работы еще вешала дома занавески и прибивала на кухне полку. Таня поинтересовалась, почему этого не сделал я. Не успел я оправдаться, как Наталия Николаевна сказала: «Понимаешь, какая история: у меня муж для красоты». Я нашелся и сказал: «А у тебя, Танька, муж для мебели». Это, конечно, хамство, потому что Зяма не только мастерил мебель, начиная с дачной и заканчивая туристической в лесу или на озере, он был еще ярчайший артист, музыкант, поэт и сатирик. А я, помимо того что обладал увядающей красотой, также чистил карбюраторы всех отечественных марок автомобилей, латал текущие радиаторы горчицей и замазывал эпоксидкой с хозяйственным мылом пробитые советским бездорожьем бензобаки.

Когда мы проникали в поселения туземцев, пытаясь втянуть их в систему коммунизма, то кроме бесплатного строительства в джунглях атомных электростанций засылали (тоже бесплатно, как для местных племен, так и для гастролеров) бригады артистов, в основном цирка и Центрального театра кукол, ибо гениальный Зямочка Гердт в течение месяца мог переложить текст конферансье из «Необыкновенного концерта» на любой язык Вселенной. У племен электричества еще не было, но списанные со всех трасс «мерседесы» уже были. Около каждой хижины стоял автомобиль. Один из них в качестве проявления зрительской любви аборигенов однажды преподнесли Юрию Никулину. Он прошел, наверное, миллионы километров и ездил на дизельном топливе.

У московской богемы было три иномарки: серый BMW Андрюши Миронова – правдами и неправдами, связями и интригами купленный в УпДК, Управлении по обслуживанию дипломатического корпуса, «Мерседес-200» Никулина – папуасский, и вполне свежий «мерседес» Володи Высоцкого. Когда однажды по пути в Театр на Таганке Володя забросил меня домой, весь двор сбежался смотреть – не на Высоцкого (тоже мне невидаль!), а на машину.

Геннадий Хазанов

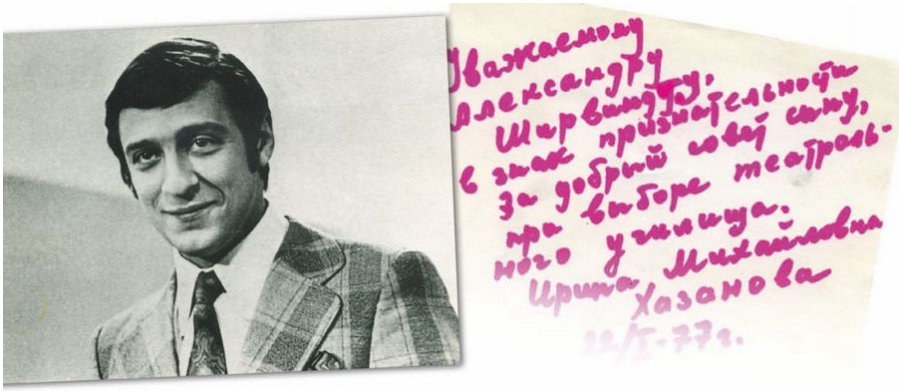
Надпись на фото

Уважаемому Александру Ширвиндту в знак признательности за добрый совет сыну при выборе театрального училища.

Ирина Михайловна Хазанова

22/I 77 г.

Эта благодарственная надпись мамы Хазанова – не умозрительная. В начале 1960-х в Театральном училище имени Щукина я прослушивал абитуриентов на консультации. Поступавший Генка метался по аудитории, жонглировал, бросался к инструменту, пел куплеты и читал какой-то монолог, почему-то женский, не помню, то ли Катерины из «Грозы», то ли Марии Стюарт. Когда он успокоился, я подозвал его и сказал: «В советском театре для тебя ролей не предвидится. Я тебя отправлю по назначению». И Геннадий поступил в училище циркового и эстрадного искусства.



Во время Генкиного мини-шоу его мама стояла за дверью аудитории и, как только наступила подозрительная тишина, тут же просунула голову в проем двери и спросила: «Ну как?» О том как, я уже рассказал, а то, что мама буквально за ручку вводила Гену в профессию, – это факт.

А вообще Геннадий Викторович совершил редкий на моей

памяти поступок: на гребне своей эстрадной славы он нашел в себе мужество вернуться к тому, от чего я его в 1960-е годы отговорил, и перебраться в драматические артисты. Я помню премьеру его моноспектакля «Масенькие трагедии, или Исповедь у шлагбаума без антракта». Притихшая аудитория сначала с удивлением, а затем в основной массе с открытым возмущением слушала серьезные грустно-философские монологи Городинского, правда, в экстравагантной постановке Романа Виктюка. Потом повсеместно начались крики: «Куда ты полез? Ты что, хочешь себя погубить? Забудь раз и навсегда. Занимайся своим делом». Он не испугался и полез дальше. Сыграл на сцене МХАТа, в «Ленкоме», играет в Театре имени Вахтангова и несколько названий у Леонида Трушкина в Театре Антона Чехова.

Илья Олейников и Юрий Стоянов

«До встречи в “Городке”»

Александру Анатольевичу
+ Наташеньке с благодарностью за Илюшку!

Ваш Ю. всегда Стоянов

Учителю, наставнику, товарищу, пароходу и человеку — дорогому Саше от постаревшего автора.

Твой И. Олейников

1997

«Жизнь так песТня, с буквой Т посерединке»

Выдающемуся артисту, педагогу и Ширвиндту с низким неуверенно-русским поклоном!
Саше с любовью. Неразделенной.

Твой И. Олейников

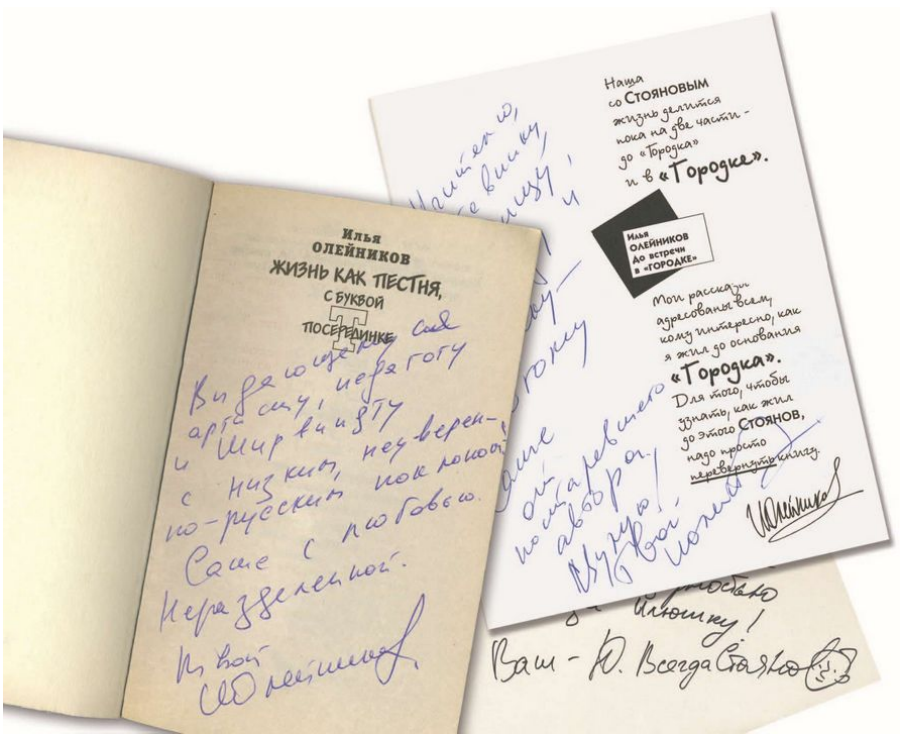
1999

Илюша пробился из подвала в Кишиневе к вершинам славы, и, если бы не пара случаев, он до этих вершин так и не добрался бы. Помню, как к Театральному училищу имени Щукина подъехал мотоцикл, кажется, «Урал» с коляской. В ней сидела совершенная помесь червя с макарониной – Илюша, а за рулем мотоцикла находился огромный крепкий мужик с оттопыренными ушами – его папа. У него на руках были краги. Таких краг я не видел ни в мультипликации, ни в гонках. Мотоцикл с двумя Кляверами приехал из Кишинева. Представляю, сколько они пробивались к Щукинскому училищу. И этот выползок, сидевший в коляске, мечтал стать артистом. С Илюшкой повторилась почти на 100 процентов моя история с Хазановым. Увидев это испуганное двухметровое чудище, я даже не пустил его на порог родного училища. Я сразу отправил Илюшу в эстрадно-цирковое, узнав, что он не только мечтает говорить, шутить и петь, но и прекрасно играет на аккордеоне. С этого аккордеона и началась его

эстрадная судьба. Более того, с этим аккордеоном на животе он выпускался из училища, читая аркановский монолог в моей педагогике и режиссуре.

Генка Хазанов, с которым они учились, все время был на полкорпуса впереди и, с одной стороны, предметом дикой зависти, а с другой – стимулом для творческого роста. Илюшка все время ныл: «Сделайте со мной что-нибудь скорее, потому что Генка уже…»

Илюша мечтал о драматической сцене. Когда в Театре сатиры возникла необходимость найти партнера для Ольги Аросевой в спектакле «Идеальное убийство», я подумал об Илюше. Уговорить на что-нибудь Аросеву мог только Боженька и я. Уговорил я. Тем более что она тоже преподавала в училище циркового и эстрадного искусства и Илюшку знала. Он страшно боялся Аросеву. Она на сцене в основном не играла, а следила за Илюшей, тем не менее получился очень милый и трогательный дуэт.



Илюшка стал прекрасным артистом, пройдя все тернии поисков и мучений. Кроме этого, он стал Олейниковым, взяв псевдонимом фамилию своей верной и вечной жены Ирины.

Национальный парадокс в том, что в дуэте Олейников и Стоянов – один с еврейскими, другой с болгарскими корнями, а русский парубок-певец Денис остался Клявером. В этом мужество, сентиментальность и верность отцовским корням.

Более искренних воспоминаний о партнере, чем в случае с Юрой Стояновым, я, честно говоря, не знаю. Прошло уже много времени со дня ухода Илюши, а Юрка повсеместно и довольно часто с болью вспоминает о своей творческой и человеческой потере. И что примечательно, «Городок» так и не возродился с другим участником, несмотря на многочисленные предложения и просьбы зрителей и телевизионного начальства.

Владимир Зельдин

«Моя профессия: Дон Кихот»

Дорогой Шура!
Дарю тебе эту книгу с пожеланием моего Дон Кихота:

«Мечтать – пусть обманет мечта!
Бороться, когда побежден!
Искать непосильной задачи
И жить до скончанья времен!»

2008

Гена Хазанов устроил в Театре эстрады вечер памяти Гриши Горина. В зале был цвет интеллигенции. Как говорила в таких случаях сидевшая у нас в театре на проходной одна образованная дама: «Александр Анатольевич, сегодня собралась вся аэлита». На сцене пели, вспоминали Гришу. Вышел Владимир Зельдин, который играл во многих спектаклях по пьесам Горина, и спел песенку «Старый клоун». А ему было уже под 100 лет. И вот он поет: «Старый клоун, старый клоун…» И в какой-то момент вскрикивает «А!» – и хватается за сердце. Все в зале вскакивают с мест. И Зельдин, остановившись, сурово кричит в зал: «Что вы вскочили? Это я играю!» И продолжил «погибать» старым клоуном.

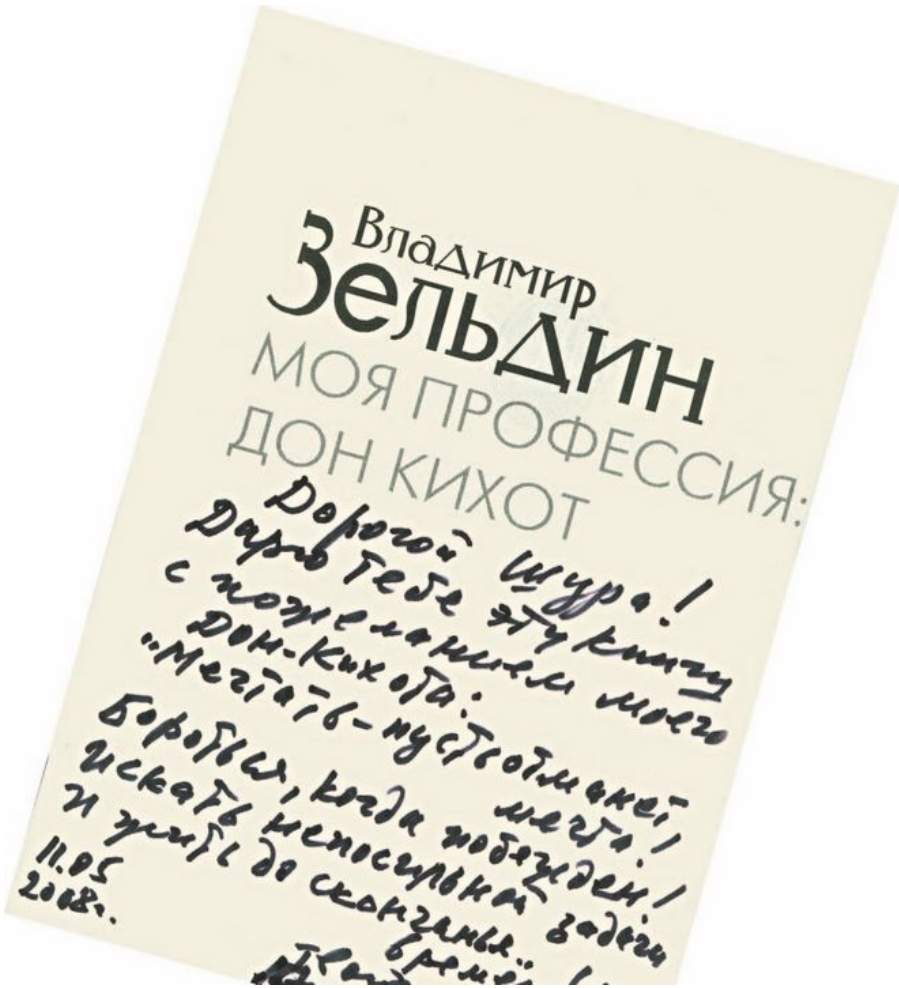
Гена Хазанов вспоминал недавно другую историю.*

* 90-летие со дня рождения Аросевой в Театре сатиры. Она умерла за два года до того. Я зашел в гримерку и увидел Александра Анатольевича с натянутым как струна Владимиром Михайловичем Зельдиным, который отметил за несколько месяцев до этого столетие и, пережив перелом шейки бедра, уже вернулся на сцену. Александр Анатольевич смотрит на него и говорит: «Володя, ты будешь “Старого клоуна” петь?» Он: «Да». Ширвиндт: «Ты там в конце пируэт делаешь». Он: «Да». Ширвиндт: «Ты лучше у нас не падай».

Геннадий Хазанов в программе «Сегодня вечером»

// Первый канал. 14.12.2019.

Сколько сменилось начальников армии, а Зельдин как был генералиссимусом, так и оставался. Долгожители всегда связаны с горами, хорошими винами и зурнами. А Владимир Михайлович жил среди московской срани, сто лет дыша бог знает чем и слушая бог знает что. Это подвиг.



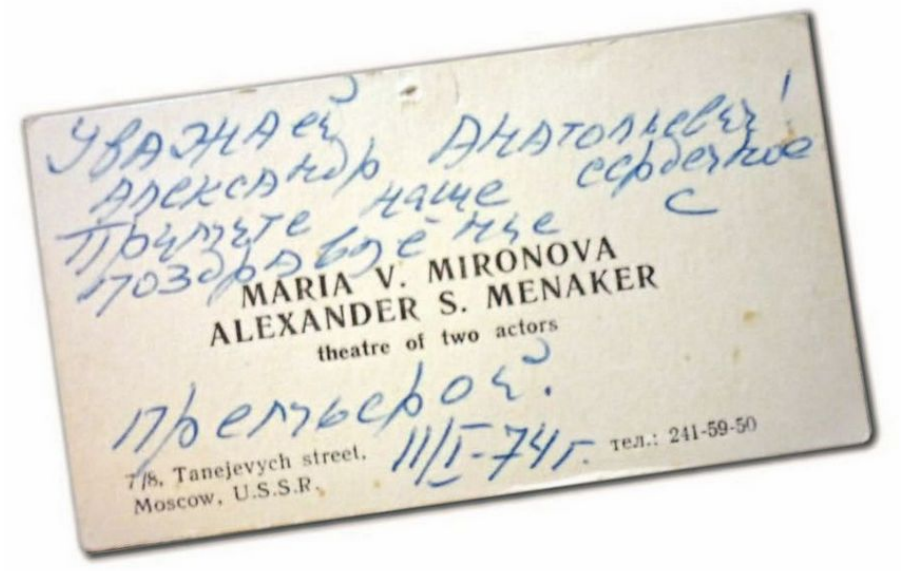
Мария Миронова и Александр Менакер

Надпись на визитке

Уважаемый Александр Анатольевич!
Примите наше сердечное поздравление с премьерой!

11/I 74 г.

Очевидно, Мария Владимировна и Александр Семенович поздравляли меня с премьерой спектакля «Маленькие комедии большого дома», который мы с Андреем Мироновым поставили в конце 1973 года. Миронова и Менакер – это не только родители Андрея, но и удивительный театр двух актеров.



Огромное количество дуэтов, состоящих из людей, которые вынуждены в силу узаконенности отношений, или привязанности, или влюбленности, или профессии сосуществовать, не стали многолетними. Если говорить о нашем жанре, то состоявшиеся дуэты были редким явлением. Это прежде всего, конечно, Мария Миронова и Александр Менакер. Тут никуда не денешься, это пример, во-первых, мужа и жены, а во-вторых, совершенно уникальной растворимости одного в другом – как человеческой,

так и творческой: растворимости Менакера в Мироновой. Это был многолетний театр.

Я вспоминаю конферансные дуэты Льва Мирова и Евсея Дарского, потом Мирова и Марка Новицкого. Конферансье – профессия, которая канула в вечность. Сейчас конферансье заменили ведущими, хотя это неправильно, потому что ведущие были и в наше время, но ведущие – это только объявлялы. А конферансье – комментаторы, юмористы, архитекторы концерта, умеющие разговаривать со зрительным залом. Этого способа пребывания на сцене больше нет. Хотя я, например, по слухам, неплохой конферансье.

Дуэты на моей памяти: Роман Карцев и Виктор Ильченко, Вадим Тонков и Борис Владимиров (Вероника Маврикиевна и Авдотья Никитична), Юрий Тимошенко и Ефим Березин (Тарапунька и Штепсель). Это самобытные мини-театры с яркой индивидуальностью. Популярность этих дуэтных театров была огромна. Популярность и любовь так называемого народа. Популярность и любовь (как и публика и народ) – понятия разные. В первом случае важна узнаваемость. В этом плане самое трагическое положение было у Тонкова и Владимирова, поскольку они использовали маски и в «чистом» виде их никто не узнавал. Поэтому, когда, например, Вадик ехал за рулем и его останавливали, а рядом сидел Боря, то, пока к ним приближался гаишник, они быстро напяливали на себя шляпку и платок и высовывались в окна. Гаишник отдавал честь, и они ехали дальше. На случай, если надеть шляпку и платок времени не было, у каждого в кармане лежали фотографии в образах, которые они и предъявляли гаишнику вместо прав.

Мария Владимировна была не только актрисой, но и радушной хозяйкой. В квартире стоял 25-литровый жбан с черноплодной рябиной и еще какой-то ягодой, залитыми чистейшей водкой. К ней приходили известные артисты эстрады типа Рины Зеленой, Смирнова-Сокольского, Муравского, и она говорила: «Ну а сейчас…» – и в маленькие серебряные рюмочки наливала эту настойку. Когда Мария Владимировна с Александром Семеновичем уезжали на гастроли, мы с Андрюшей большой компанией врывались в их квартиру и выпивали все это под плавленый сырок. Затем доливали в жбан воды. Потом, после гастролей, приходила очередная элита, и Мария Владимировна говорила: «Ну а сейчас…» – и они пили эту воду.

Опыт по варварскому разжижению фирменных напитков у меня уже был. В 1959 году Театр имени Ленинского комсомола поехал на гастроли в Саратов. Первачей – Леонида Маркова, Аркадия Вовси – поселили в гостиницу, а всякую шпану вроде меня расселили по частным квартирам. Заранее в Саратов приехал главный администратор. Он на жаре бегал по городу и расклеивал объявления с просьбой поселить молодые таланты. А гастроли тогда были месячные. И вот он нашел тихого старичка, у которого незадолго до этого умерла жена. Ему было одиноко и тоскливо, и он взял троих из нас к себе. Он жил в маленькой хрущевкообразной квартирке с планировкой «штаны». Мы в ней поселились, и он нас подкармливал. Вся квартира – подоконники, антресоли и даже пол – была заставлена баночками и бутылочками с настойками, сделанными еще его женой. Он угощал нас по чуть-чуть. А ночью мы отпивали из каждой бутылочки и наливали туда воду. Мы проболтались об этих настойках Леониду Маркову, моему другу и великому артисту, – с глазами женонавистника и глубоко пьющему. Денег тогда не было ни у кого, даже у знаменитых артистов. Он сказал: «Сейчас же ведите меня в гости». Хозяин квартиры как имеющий отношение к театру, естественно, весь гастрольный репертуар смотрел. Он расставил на столе перед Марковым все настойки. Леня пригубливал и говорил: «Боже, какая прелесть!» Наконец, пригубив очередную, он удивленно спросил: «А это что?» Хозяин ответил: «Это настойка, приготовленная по любимому рецепту моей ныне покойной жены: пол-литра водки, один лавровый лист, четыре морошки, три горошка перца…» Леня сказал: «Подождите, я запишу». Тот принес ему бумагу и ручку. Леня стал записывать: «…четыре морошки, три горошка перца…» Хозяин продолжает: «И все это на две недели ставится…» «Нереально», – прервал его Леня и отложил бумагу.

Кирилл Ласкари

«Асценический синдром»

Спасибо за то, что вы есть.
Тата + Шура = любовь автора этой книженции.

2001

Кирилл Ласкари – воплощение полусостоявшегося таланта. Во всех проявлениях – творческих и житейских – он всегда был остроумнее, изобретательнее, парадоксальнее всей нашей банды. Острил быстрее. Был обаятельнее, тоньше – в прямом и переносном смысле, так как по основной профессии был балетным. Необыкновенно трогательно, одновременно пиететно и чуть-чуть напускно-снисходительно относился к младшему брату (по отцу) Андрюше Миронову и совершал неслыханные половые набеги на женщин, о которых в те времена и думать было непозволительно, не говоря уже о попытках чего-либо другого. Так, он женился на Нине Ургант.

рилл Ласкари

ЦНИЧЕСКИЙ
НДРОМ

ТРИ ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПОВЕСТИ

-сибо за то,
Вы есть!
-а + Шура =
бовь автора
й книгеныи.
Кл

4.11.2001

КультИнформПресс
Санкт-Петербург · 2000

Нина жила в Ленинграде в квартире, пронизанной ностальгией. Мы втроем – Марк Захаров, Андрюша Миронов и я – пришли как-то в гости к Ниночке очень поздно, в районе трех часов ночи. В подъезде разделись догола и засунули одежду под лестницу. Поднявшись наверх, позвонили. Дверь открыл не Кирилл, а Нина. Мы говорим: «Шли к тебе с цветочками, но в твоей вонючей подворотне цветы отняли, а нас раздели. Дай нам какую-нибудь Киркину одежку, чтобы добраться до гостиницы». С учетом того, что Кирка был в два раза субтильнее каждого из нас, догадываюсь, как мы выглядели бы в его обносках. Нина сказала: «Сейчас что-нибудь подберу, постойте на площадке. – И добавила: – А представляете, если сейчас внизу спиз…или спрятанную вами одежду?» И мы представили себе, что идем по Ленинграду с голыми яйцами, прогнанные Ниночкой. Зачем мы это сделали? Чтобы пугануть. Это было любимым занятием Марка Захарова – кого-нибудь пугануть. В этот раз «пугание» пришлось на Ниночку.

Внук Ниночки Ваня Ургант недавно так описывал тот наш визит: «Поскольку у бабушки очень хорошая зрительная память, а эта история стала легендой в нашей семье, я знал, чем Театр сатиры отличается от Театра имени Ленинского комсомола. Единственное, о чем я жалею, – что моя бабушка актриса, а не фотограф. Такая фотография позволила бы нам жить безбедно всю жизнь».

Андрей Миронов

Надпись на визитке

А теперь попробывай ежа…
С премьерой!

Обнаружил Андрюшину визитку, дико смеялся и ничего ни о премьере, ни о еже не вспомнил. Вспомнил другое. Может быть, об этом непедагогично говорить, учитывая значение Андрея Александровича в истории русского театра, но правда выше моральных барьеров. Короче, Андрей Миронов был гениальный артист, удивительно нежный и верный друг и совершенно безграмотный писатель. К сожалению, я сейчас не смог найти его анкету – из тех, что раньше заполнялись перед выездом за границу. В них была масса вопросов, требующих категорических ответов «нет», «никогда», «ни за что», «ни с кем», «ни в коем случае». Если вопросы касались той или иной белогвардейской деятельности, нужно было писать «не участвовал». Как-то Андрюша после заполнения черновика отдал мне свою анкету на редактуру, и я увидел, что во всех нужных графах было написано: «не учавствовал». Я популярно объяснил ему, что даже при его

патологической любвеобильности «чувствовал» и «учавствовал» надо писать по-разному, и во втором случае «в» необязательно. Андрюша смущенно переписал анкету и, очевидно, в отместку прислал мне визитку с надписью «попробывай». Визитка хранится в Музее имени Бахрушина.

Ежа мы не «попробывали», но в других закусках себе не отказывали. Как-то Миронов говорит мне: «Давайте соберемся вместе со Смоктуновским, посидим, как люди, пообщаемся». Он обожал Иннокентия Михайловича. Я звоню Смоктуновскому: «Кеша, нас в гости приглашают. Изысканно накормят, и вообще чудный дом». Он спрашивает: «Да, а кто приглашает?» «Миронов, артист», – говорю. Андрюша в ту пору уже был очень знаменит. «Да, Миронова знаю», – сказал Кеша. И вот квартира на Селезневской улице, горят свечи, играет музыка – из аппаратуры, которую тогда никто, кроме Андрюши, не имел и не видел. Лариса Голубкина мечет что-то на стол. За столом сидит совершенно расслабленный Кеша: «Как прекрасно у вас. А вы помните, как мы снимались с вами в “Берегись автомобиля”?» «Ну, как же, как же. Хорошее было время», – отвечает Андрюша. Смоктуновский продолжает: «Скажите, Андрей, а как в дальнейшем сложилась ваша судьба?» И совершенно непонятно, Иннокентий Михайлович действительно витал в таких высоких облаках или это была завуалированная шутка.

С некоторой гордостью могу сказать (может, это и мое влияние), Андрюша Миронов был говноедом. На праздники, например, употреблял прежде всего колбасный сыр. Из чего он делается, уточнять не буду. Его привозили из Прибалтики. Сейчас их сыр стал дефицитом, потому что с Прибалтикой непросто.

Периодически Андрюша сидел на диете. Меня тоже втягивали в эту авантюру. Как-то после гастролей в Киеве мы двумя семьями поехали отдыхать на Днепр под город Канев. Там был пустынный пляж из дюн, какой-то пансионат и огромный памятник Шевченко. Кроме памятника были наш 12-летний сын Миша и молодая жена Миронова актриса Катя Градова, которая категорически заявила, что мы все садимся на диету, гарантирующую похудание, и будем сидеть на ней до конца отдыха. Диета состояла из постоянного потребления сухого вина с незначительным количеством сыра. Голодные и пьяные мы валялись под Шевченко и с удивлением наблюдали, как наш сын Миша с Катей бодро и весело плещутся в Днепре. Все это продолжалось до тех пор, пока наш сын не проболтался, что каждое утро после заплыва они с Катей короткими перебежками направляются в пансионатскую столовку и жрут по несколько порций макарон с тем же сыром. Скандал был страшный, диета закончилась, но до развода Андрюши с Катей дело тогда не дошло, он случился позже, уже, вероятно, на другой диете.

Андрюша обожал напиток, который я при всем своем уважении к нему и абсолютной всеядности мог только пригубливать. Андрюша пил виски Black Label. У меня в кабинете осталась как мемориал одна недопитая Андрюшина бутылка. Но он пил не просто виски, а виски с молоком! Это был единственный случай такого коктейля в истории алкоголизма. Сначала наливалось молоко, потом виски. Кажется, один к десяти. Один – это молоко, а десять – виски. Напиток на него действовал, и он клялся, что такой коктейль не оставляет запаха. На сцену он никогда не выходил выпивши, но за руль садился – в те времена откупиться было дешевле.

Не так давно приняли новый закон, ужесточающий наказание за пьянство за рулем. Я уже давно не пью за рулем, но когда пил за рулем, то обычно это происходило в ночное время. После актерского застолья нужно было развозить коллег по местам временного или постоянного проживания. В середине 1960-х годов у богемы для этого развоза имелся один аппарат – моя усталая «Победа», как сейчас помню, с номерным знаком ЭВ 44–51. С бензином всегда была напряженка, и кончался он в самых неожиданных местах и ситуациях. Помню, морозной январской ночью мое транспортное средство, полное пьяных коллег, пересекало Арбатскую площадь (тогда она еще была площадью, а не витиеватыми подземными переходами) и из-за отсутствия

горючего заглохло прямо около нашего Пентагона. Положение безвыходное. И вдруг мы увидели, что около Генштаба стоит черная «Волга» с военными номерами и за рулем маячит солдатик. Наиболее узнаваемые в народе Козаков и Миронов, выхватив из багажника канистру и обрубок шланга, во главе со мной бросились к этой военной технике. Подбежав, мы с ужасом обнаружили, что рядом с водителем сидит генерал. Сунув генералу лицо Миронова, мы слезно попросили его дать нам возможность отсосать пару литров бензина из его бака, дабы добраться до колонки. Андрюша, чтобы лучше быть понятым, стал во фронт и громко сказал: «Товарищ генерал, разрешите отсосать?» Генерал внимательно посмотрел на знакомое лицо и мрачно ответил: «Отсасывайте. Только осторожно. Бензин – этилированный». Для непосвященных: на таком бензине ходила военная техника, это был чистейший яд. Если при отсасывании он неожиданно попадал в пищевод, то с актерской карьерой можно было завязывать. Грамотно отсосав в свою канистру пару литров и не пригубив ни грамма, мы поблагодарили генерала и умчались в ночь.

Когда мы были молодые, то ездили за рулем даже в состоянии крайнего опьянения. Однажды я на своей «Победе» вернулся поздно вечером из Дома актера домой. Утром следующего дня собрался ехать на репетицию, спустился во двор, вижу: стоит моя «Победа», окна открыты, а на сиденье лежат 5 рублей. Это я накануне приехал, расплатился и пошел спать.

Отношение к автомобилизму у людей – очень трепетное. Например, Марк Бернес был страшно мнительным и жутко чистоплотным. В этом плане Андрюша Миронов походил на него. К ним обоим в машину нельзя было сесть, не вымыв ноги. Когда Бернес приглашал довезти – он ездил на 21-й «Волге», то выкидывал со стороны пассажира тряпку. Надо было взять в руки тряпку и вытереть ботинки. После чего тряпка выбрасывалась. «Марк, – как-то спросил я его, – а когда выходишь из твоей машины, ничего вытирать не надо?» «Обязательно вытри что-нибудь, – ответил он. – Хоть раз придешь домой чистым».

Андрюшу Миронова хоронили в смокинге, подаренном ему Иосифом Кобзоном для выступления на эстраде. Явление Кобзона уникально. Если собрать по кускам – фактологически и эмоционально – индивидуальные ощущения от этой личности, возникнет биография страны. Недавно влетает ко мне в кабинет мой любимый ученик, а ныне партнер по спектаклю «Где мы? ∞ !..»

Саша Олешко и взволнованно рассказывает, что семья Иосифа Давыдовича хочет осуществить строчку завещания мэтра и передать ему оркестровые минусовки кобзоновского репертуара – 3000 дисков. Дарить, одаривать – присутствием и вещественно. Не передарить случайно завалявшийся в кладовке предмет, а подарить конкретно-смысловой. Так, в моей огромной коллекции курительных трубок в каждый государственный и семейный праздник появлялась очередная очень дорогая трубка от Иосифа, хотя он к никотину не прикасался с детства.

Осмысление потерь приходит опосля, когда протокольные слезы и ритуалы прошли и возникает физиологическое ощущение утраты.

Юрий Энтин

«Ничего на свете лучше нету…»

Ты Шура, я Юра, и я тебя люблю!

Я вручаю Шуре книжку эту,
Ничего на свете лучше нету!

1999

Наш театр дружил с софийским Театром сатиры (по-болгарски Сатиричен театър). И у нас с Андрюшей Мироновым был там творческий вечер. Причем вечер был скорее Андрюшин. Я стоял, как всегда, в его пиджаке за пультом и читал реплики его партнеров, в основном женские. Сначала мы играли кусочек из спектакля «Безумный день, или Женитьба Фигаро», чтобы подумали, что я артист. Потом я кончал играть, и Андрюша два часа метался по сцене, а я ему подавал женские реплики. Я сыграл Софью из «Горя от ума», совмещенно дочь городничего Марью Антоновну и его жену Анну Андреевну из «Ревизора», а также Сюзанну из той же «Женитьбы Фигаро». Прошли с триумфом. Дальше нас коллективно, со слезами провожали на отдых на Солнечный Берег. Там, на пляже, мы учили текст для телевизионного отрывка «Летучая мышь», где про собаку Шульца, который потом поставил Александр Белинский, троюродный брат Андрюши по папе.

Как-то вечером, лежа под болгарскими звездами, Андрюша сказал: «Такое настроение… Сейчас придумать бы чего-нибудь лирическо-музыкальное». И тут появился Найден Андреев – очень хороший композитор, болгарская помесь Свиридова с Таривердиевым, в дальнейшем наш друг. Он на нас набрел случайно – у него там была дача. И нам захотелось создать атмосферную песню. Мне пришла в голову строчка «Падает снег на пляж». Найден с Андрюшей восхитились, но дальше этой строчки ничего не пошло. И тогда я сказал, что текст может дописать только великий песенник и по совместительству замечательный поэт Юра Энтин. У него есть гениальная строфа. Он мне всегда говорит: «Я написал столько всего гениального, а ты помнишь только это». Я помню только это. Рина Зеленая

играет черепаху Тортилу и поет романс на слова Энтина:

«Затянулась бурой тиной
Гладь старинного пруда.
Ах, была, как Буратино,
Я когда-то молода».

Зарифмовать Буратино и «бурой тиной» – это поэтическое прозрение!

Юра Энтин написал песню для Андрюши. Это произведение было навеяно любимым певцом Андрея Джо Дассеном. Нам казалось, что настроение песни «Падает снег на пляж» джодассеновское.

Мы были на болгарском пляже в 1970-е и совершенно не походили на оккупантов. Валялись, Андрюша заигрывал с прелестной белобрысой купающейся, общаясь с ней на английском. Она была чешкой. Потом появился Найден, и из нашего разговора вдруг стало понятно, что мы из СССР. Чешка сделалась под загаром совершенно белой и побежала от нас, как от чумы, схватив свои тряпки. А мы остались с вытянутыми мордами. И Найден тогда сказал: «Как же она сразу не раскусила Андрюшу – у него такие оккупационные глаза».

Когда мы блистали на сцене театра, болгары, конечно, подозревали, что мы нищие, но что мы нищие до такой степени, до какой степени мы ими были, они не подозревали. Поэтому номер на курорте они нам сняли за свой счет и отпустили с богом. И там мы решили на те несчастные копейки, которые у нас были, привести себя в форму. Утром мы выходили из номера, подходили к автомату, опускали лев или несколько стотинок, оттуда выпадали белый стаканчик и маленькая пластмассовая ложечка (по тем временам для нас это было космическим чудом) и лился кофе. Потом выплевывался маленький кусочек сахара. Это был завтрак. В последнее утро перед отлетом на родину, когда у нас в кармане осталось несколько стотинок, которых хватало точно на один стаканчик утреннего кофе, мы подошли к автомату. Андрюша дрожащей рукой опустил в щель монетки, в автомате что-то заурчало, выпала ложечка, и полился кофе. Мы стали судорожно хватать руками струю, но ничего не получилось. Потом выплюнулся кусочек сахара. Оказывается, в автомате кончились стаканчики.

После завтрака мы обычно жарились на пляже, потом вяло

шли по нему в надежде на каких-нибудь питающихся соотечественников. Но все они были одинаково бедны и голодны. И вот однажды мы добрели до огромного отеля, куда на наших глазах подъехал «икарус», из которого высыпала банда соотечественников. Они все, как по команде, разделись и бросились в море. И только один спокойно пошел под грибок, где за столиком сидел большой рыжий немец – весь в веснушках и такой обгорелый, что не мог прикоснуться телом ни к чему, кроме кружки холодного пива, которую он держал в руке. Наш соотечественник подсел к нему и снял рубашку. Под ней оказалось загорелое методом народного загара тело: пролетариат все лето ходит под палящим солнцем в майке, и, когда майка снимается, образуется белая майка из тела, а вокруг – ровный тропический загар. И получается, вроде и загорелый, и одетый.

Мы приютились под соседним грибом и услышали дружескую беседу. Наш говорил: «Понимаешь, бл…, я механик. Механик я». Рыжий говорил: «О, я-я! Механик». Наш: «Да не ты, бл…, механик, а я механик!» Немец: «Я-я!» Наш: «Что ты заладил: я, я? Это я механик!» Беседа длилась бесконечно. Наш заказывал «Плиску», болгарский коньяк, и поил немца. В середине этой душещипательной беседы я послал Андрюшу шляться вокруг механика, чтобы тот его узнал. Но спьяну он его не узнавал. Тогда Андрюша стал помогать с переводом, и тот его наконец узнал. Мы подсели к механику. Потом вылезли из моря остальные механики. И был шабаш. А рыжего немецкого механика послали на х…

Наша дружба с Найденом продолжилась. Он принимал нас у себя три раза. Лет десять назад, к одному из моих юбилеев, он прислал письмо.*

> * Дорогой мой сердечный друг Шурка! Благодаря Господу мы совершенно случайно, конечно, познакомились когда-то.
>
> А твой юбилей – не экспромт и не шутка? Не могу поверить!
>
> Поздравляю и приглашаю любимую Болгарию вновь посетить, по полной программе оторваться и пошутить!
>
> Бери свою Наташу, Державина с женой, с «Приветом от Цюрупы» лети сюда, родной! Надеюсь, что Черное море достаточно широко, как моя душа, и глубоко, как наше приятельство!
>
> Будем рады встретиться с твоим блистательным

талантом, бескрайним чувством юмора и твоей исключительной импровизацией без партитуры.

Ты сам и Моцарт, и немножко Сальери, но увидел Мольера и сказал себе, что ты просто чудо!

Преклоняюсь перед твоим талантом и верю, что эта доведенная до совершенства Божья данность всем нам еще доставит огромную радость! И это уже ясно!

Адрес: село Кранево, около осла. Это была наша тайная квартира, где все уже было ясно – от «я механик…» до «какие оккупационные глаза…», и ты как главный и талантливый режиссер, а я – простой композитор и немножко хозяин-демократ!

Твой Найден Андреев, настоящий друг и случайно композитор, профессор, академик и другие глупости

Домашний архив

Таких гипертрофированных комплиментов за всю свою, как выяснилось при написании этого произведения, длиннющую жизнь я не получал на родине ни разу, но дождался от болгарского друга, к несчастью, теперь тоже ушедшего.

Михаил Державин

Надпись на фото

Дорогому Шурику от дорогого Миши.

29/IX 76 г.

Тбилиси

Наша российская жизнь насыщена праздниками. Идет круглогодичная перестановка выходных дней… Отнимаем пару дней от двухнедельного новогоднего пьянства и приплюсовываем их к Женскому дню, отбирая в связи с этим один день от Дня Победы и приваривая его ко Дню защитника Отечества. 1 апреля, традиционный день розыгрыша, ныне как-то скукожился. «Первый апрель – никому не верь!» Этот безграмотный лозунг всегда «отоваривался» шутками и безумствами. Сейчас как-то все потускнело. То ли и так смешно и наша жизнь – сплошной розыгрыш, то ли после телевизионного цикла «Розыгрыш», когда, например, Александра Абдулова заманивали в корейский

ресторан и предлагали выбрать из бегающих щенков любого для приготовления стейка и он, несчастный, метался по ресторану, умоляя за любые деньги не делать этого (что, очевидно, сократило его и так недолгую жизнь), решили завязать с розыгрышами вообще.

А было время, разыгрывали невинно и остроумно. Например, ас этого «производства», композитор Никита Богословский, копил к 1 апреля разные варианты. Звонил, допустим, рано утром какому-нибудь великому коллеге и говорил: «Дорогой, поздравляю! Сегодня утром про тебя пели в “Интернационале”!» «Что, где, когда?!» – удивлялся спросонья композитор. Богословский цитировал: «“Лишь мы, работники всемирной / Великой армии труда, / Владеть землей имеем право…” А дальше про тебя: “Но паразиты – никогда!”»

Гроссмейстером театральных розыгрышей был Михаил Михайлович Державин. Он постоянно «колол» Андрюшу Миронова. В Театре сатиры был спектакль «У времени в плену». Андрей играл главного героя, а Державин очередного белогвардейца. Небольшой эпизод. Белогвардейцы входили, хотели насиловать какую-то комиссаршу в лице Тани Васильевой, а Андрюша не разрешал. Когда Мишка появлялся на сцене, то каждый раз происходило что-то неожиданное: или у него на носу вдруг возникала бородавка, или он снимал фуражку и оказывался абсолютно лысым, или еще что-то. Андрюшка сразу, говоря нашим театральным языком, терял серьёз и уходил за кулисы. Поэтому в дальнейшем перед этой сценой Андрюша за кулисами хватал Мишку и обсматривал его с ног до головы. И вот в очередной раз выходит Мишка, прошедший «таможенный досмотр». В театре есть понятие «крепе» – это волосы, которые наклеиваются, как усы, бакенбарды и бороды. Играют сцену – все нормально. Мишка снимает фуражку – все нормально. Андрюша спокоен. И вдруг Мишка расстегивает рубаху, а под ней – огромная копна волос, приклеенная к груди.

Вообще розыгрыш – особый жанр. Я лично к этому имею слабое отношение. Но об одном моем розыгрыше, связанном с Анатолием Эфросом, недавно вспомнил его сын Дима Крымов.*

* Когда папу выгоняли из Театра имени Ленинского комсомола и лишали этого счастья, ему разрешили взять с собой десять человек в Театр на Малой Бронной. И у нас в квартире на улице Горького много дней подряд

творилось настоящее столпотворение: актеры приходили, составляли списки, просились, умоляли. Ширвиндт тоже приходил. Атмосфера была накаленная, состояние бури, которая разразилась совершенно неожиданно. Помню, как я смотрел из коридора и видел в щелочку огромную гору пальто на кресле. В какой-то вечер, когда все разошлись и дома остались мы одни – мама, папа и я, – вдруг раздался телефонный звонок. Трубку взяла мама и услышала: «Это квартира Эфроса? Мы за вами наблюдаем. Сейчас пятнадцать человек вышли из вашей квартиры». Разговор был такой, будто это звонят из милиции или КГБ. Вдруг мама по голосу узнала звонящего. «Шура», – сказала она и заплакала, потому что нервы были на пределе. А папа выхватил трубку и начал Ширвиндта сильно ругать: «Шура, что же ты делаешь?!» Это мне мама уже потом рассказывала. А у него юмор не отключался даже в такой ситуации.

Дмитрий Крымов // Театрал, июль 2019.

Розыгрыши всегда – на грани фола. Если они злые, несмешные и обидные, это уже не розыгрыши. Вспоминая трагическую историю нашего с Эфросом ухода из Театра имени Ленинского комсомола и эпизод, о котором пишет Дима, я сам постфактум сомневаюсь в целесообразности такой шутки. Более того, это был не единственный звонок в «штаб-квартиру» Эфроса. Как-то мы с Державиным из телефона-автомата позвонили Эфросу, трубку снял Валя Гафт, и я противным секретарским фальцетом спросил, кто у телефона, и сказал, что сейчас с ним будет говорить завотделом пропаганды и агитации ЦК КПСС. «Соединяю», – сказал я этим же фальцетом. Бархатным голосом Державин ласково спросил: «Валентин Иосифович, что у вас происходит?» «Спасибо за звонок, это такая честь! – завопил Гафт. – Мы должны срочно напрямую вам все объяснить». Державин сказал: «Не волнуйтесь, все решаемо. Завтра я жду вас с Дуровым в 10 утра. Запишите адрес». «Дайте карандаш, – крикнул Гафт кому-то, – одну секундочку, я записываю». – «Пишите: Малая Бронная, проходите мимо входа в театр, и там, в подворотне, около мусорных баков…» Гафт завопил: «Мишка, сука, убью!» На следующий день нас чуть не побили. Это был розыгрыш ниже пояса. Но по прошествии многих лет Эфрос признался, что наше безобразие стало некоторой разрядкой напряжения и, вероятно, имело какой-то смысл. А вообще, хочется крикнуть в никуда: «Оставьте гениев в покое!» Хотя если без гонений, то какой ты, в жопу, гений.

С Державиным мы вместе не только играли и разыгрывали, но и рыбачили – во всех уголках родины. Так, в еще относящейся тогда к родине Прибалтике в 1980-х годах мы поймали жереха на восемь с половиной килограммов. Это был один из самых больших уловов в нашей рыбацкой карьере. Второй случился, когда мы отдыхали в Доме творчества композиторов в Сортавале. Композиторы-рыбаки во главе с Книппером, Афанасьевым и Бойко трепетно охраняли свои «рыбацкие угодья» от случайных пришельцев. Мы с Державиным, композиторы даже не второго эшелона, попали туда только из-за державинской славы профессионального рыбака. Меня пустили с ним заодно. Об этом периоде вспоминала вдова дирижера Евгения Светланова Нина.*

* Дружили мы с очень странным в наших широтах человеком, очень удачливым рыбаком – звали его Эрнест… В одно сортавальское лето Эрнестом была поймана редкая рыба «на дорожку». Вес ее около пяти килограммов, красоты немыслимой и явно королевской крови, то есть принадлежала к группе форелевых особей. Весь Дом творчества сбежался посмотреть на неведомый редкий трофей. Каждый считал своим долгом ее потрогать, с ней сфотографироваться, принять участие в

обсуждении ее происхождения. В тот год Сортавалу навестили Александр Анатольевич Ширвиндт и Михаил Михайлович Державин. Они тоже пришли на этот всеобщий хурал и сфотографировались с невиданной рыбой. Я потом, уже глубокой осенью, отвезла эти фотографии в Театр сатиры специально для одного и другого на память о сортавальских днях. Каково же было мое удивление, когда много лет спустя в книге Ширвиндта и Поюровского «Былое без дум» я увидела одну из этих фотографий, причем Александр Анатольевич интерпретировал рыбу как свою собственную. Мы с Евгением Федоровичем похихикали по этому поводу, поняли артиста и не осудили. Рыбак есть рыбак – и вариант преувеличения в рассказе всегда будет…

Николаева-Светланова Н. Неожиданный Светланов: непридуманные истории из нашей жизни. М.: Театралис, 2006. С. 87.

Я до сих пор уверен, что эту рыбу поймал я, а не случайный Эрнест. Но главным рыбаком там был Лёнечка Дербенев. Он ни дня не мог без рыбалки. У меня ощущение, что, когда зимними вечерами он был вынужден находиться в московской квартире, поплавок на всякий случай плавал в унитазе. Когда Леня приехал в Сортавалу на полностью экипированной рыболовными принадлежностями 21-й «Волге» с вездеходными колесами, мы не были знакомы. Знаком он был с Державиным. Как с рыбаком и русским парнем. Меня он не считал ни тем ни другим и демонстративно общался только с Мишкой. Это продолжалось довольно долго, пока однажды в страшную грозу мы не поехали рыбачить за пять километров в рекомендованное место. Леня был за рулем, Мишка на переднем сиденье, я, как всегда, сзади. На очередном глиняном склизком подъеме Дербенев, несмотря на вездеходную резину, ни с пятой, ни с шестой попытки не смог подняться. Матерясь, он сползал назад. После шестой попытки я – естественно, через Державина, а не напрямую – попросил Дербенева пустить меня за руль, чтобы я мог въехать на вершину. Он презрительно фыркнул, еще пару раз попытался въехать, вышел из машины, хлопнул дверцей и сказал: «Ну пробуй, б…» А я как старый автомобилист знал один секрет преодоления склизких подъемов заднеприводными автомобилями. Сев за руль, я развернулся и задом тихонечко въехал. С тех пор мы были друзьями.

Державин жил в женской диаспоре: мама Ираида – воплощение женственности, красоты, верности, материнства и растворения в своих мужчинах, сестры Анечка и Таня, потом возникающие жены, потом дочка. Все это было нанизано на Мишку.

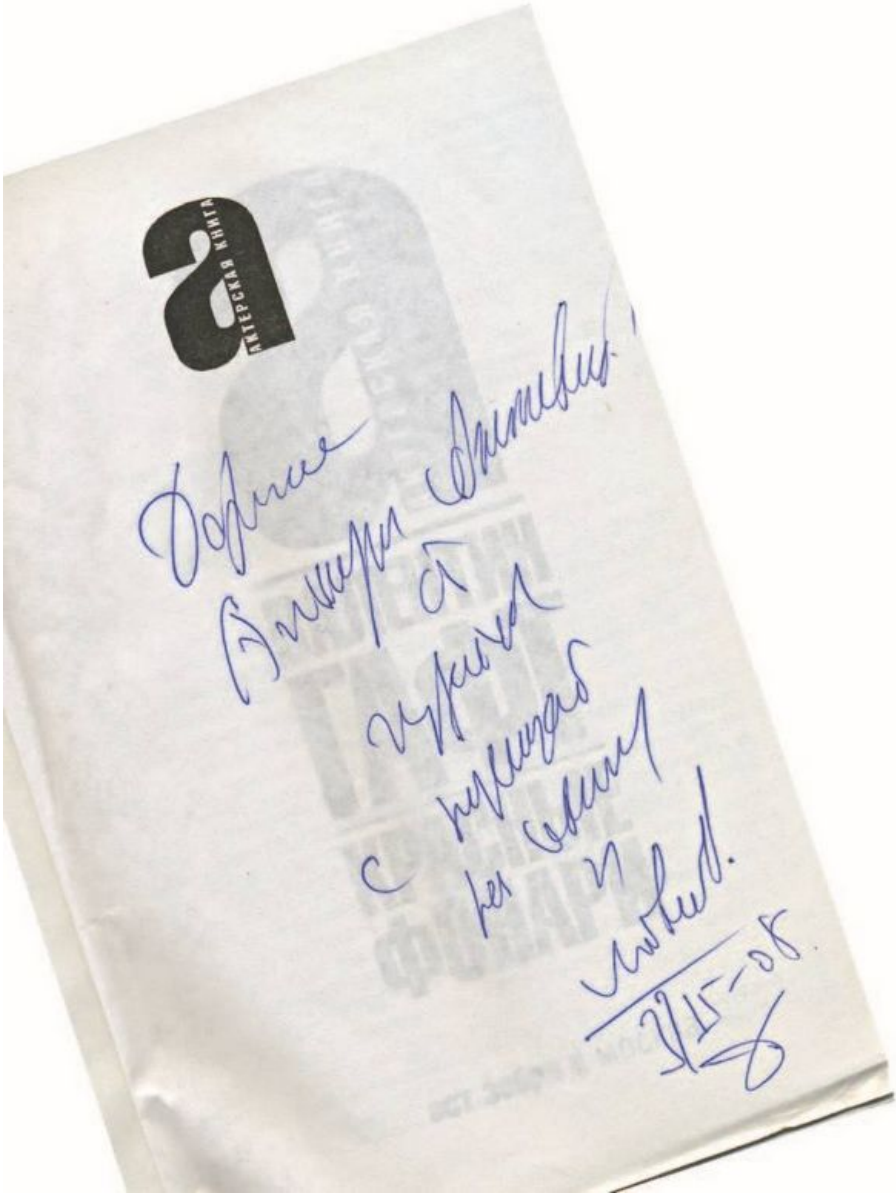
Всех своих будущих жен Державин приводил мне, и устраивались смотрины. Для этого случая лучше всего подходил мой знаменитый балкон. Так, в присутствии Гердта, Рязанова, Горина и Миронова впервые на балконе появилась Роксана. После испытательного срока, продолжавшегося весь вечер, я, посовещавшись с друзьями, отозвал Державина в сторону и сказал: «Будем брать».

Валентин Гафт

«Красные фонари»

(Неразборчиво)
Дорогому Александру Анатольевичу от…
с надеждой на… и любовь.

2008



Валентин Иосифович – ищущий художник, и если ему приходилось переступать через интеллект, гениальность, поэтический дар и выходить на эстраду, то брезгливость его не знала границ. Но жить-то и кормиться надо. Когда мы – Державин, Гафт и я – шастали с концертами для эмигрантов по Америке, разделение было такое: Державин – рабочая лошадь, артист, я – закривленный администратор, умеющий разговаривать с продюсерами, а Валя – большой художник и поэт, который не понимает, зачем он здесь оказался. Перед нашей

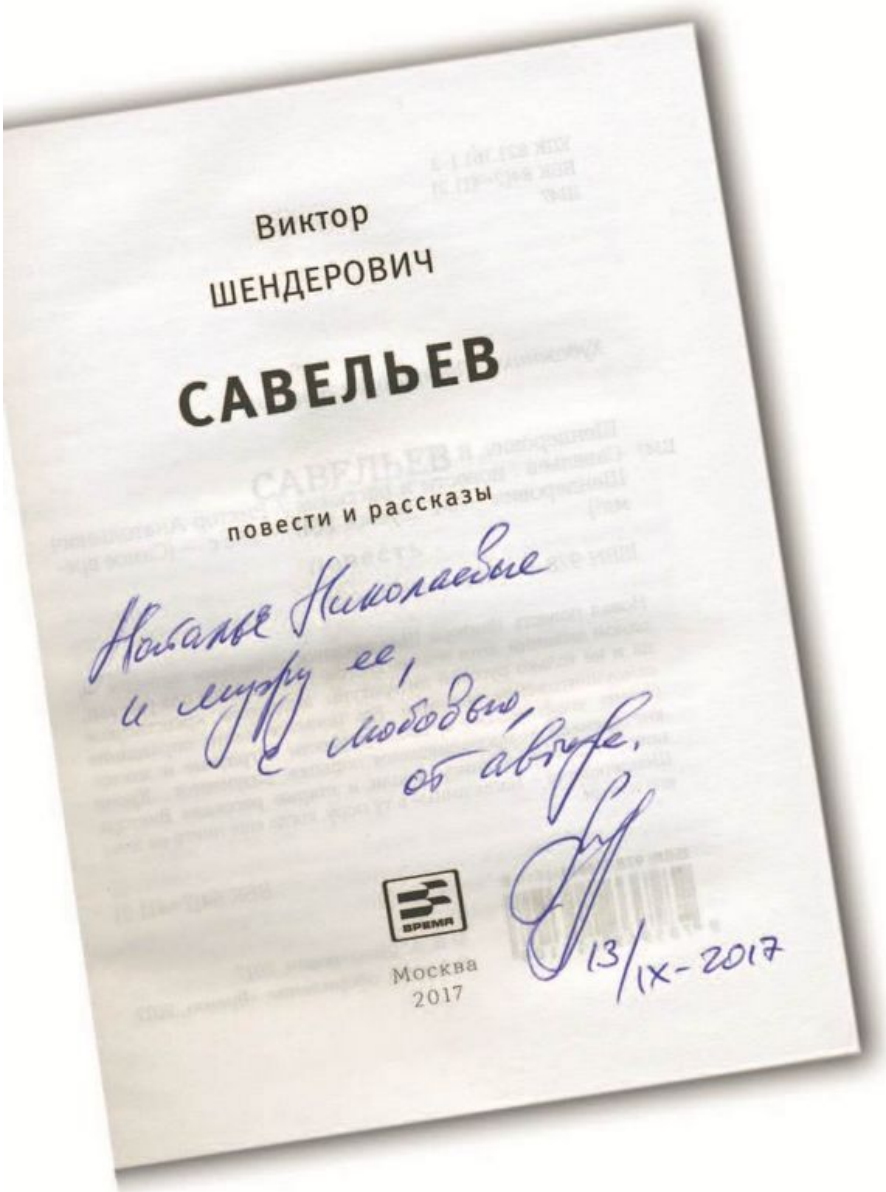
поездкой в Америку в начале 1990-х у Валечки с Александром Ивановым на двоих вышла книжонка с эпиграммами. Он говорит: «Возьму несколько экземпляров, может, там в шутливом плане сумеем кому-нибудь продать». И я придумал аттракцион в конце творческого вечера, который мы с Валей долго репетировали в гостинице. После программы, когда Валя все отчитал, выходил я и, якобы спохватившись, говорил: «Да, кстати, сегодня такая душевная атмосфера и чудная аудитория, а Валентин Иосифович случайно захватил с собой книжку, только что изданную огромным тиражом. В Москве тираж уже расхватали, а у нас есть один экземпляр (хотя у него был полный чемодан книжек). И я подумал: давайте устроим полушутливый аукцион. Дело, естественно, не в деньгах, а в системе приобретения. Вот эта книжечка. Потом Валентин Иосифович даст счастливцу автограф». Я это все лабудил, а за кулисами стоял взволнованный Гафт, ожидавший несколько долларов на пепси. Я продолжал: «Давайте начнем с шутливой цены – 5 долларов. Итак: 5 долларов – раз, 5 долларов – два». С большим трудом долларов за 12 я продал книжку испуганной рыжей Сонечке. Она вышла на сцену. Я говорю: «А сейчас, Сонечка, Валентин Иосифович подпишет…» Валя, находящийся за кулисами, вдруг дает мне понять, что он этим заниматься не будет, что это ниже его достоинства, и уходит. Я стою на сцене как полный му…к с этой рыжей Сонечкой, с книжкой Вали и 12 долларами в руках. Кое-как удалось вывернуться из ситуации. Возвращаюсь за кулисы, сидит стесняющийся Валентин Иосифович с Михал Михалычем. Говорю Державину: «Мы выручили на книжке 12 долларов, значит, нам с тобой по 6». Гафт: «Как? А мне?» Я делаю вид, что его вообще нет. Мы садимся в машину. Нас возил шофер, работавший раньше в Советском Союзе дантистом. Он был маленького роста, а наняли для нас огромный «шевроле» 1952 года с деревянной обивкой – самая дешевая арендная машина в Америке. Размером с вагон. Когда дантист ростом 1 метр 15 сантиметров сидел за рулем, его не было видно, и казалось, что машина едет на автопилоте. А мы лежали сзади. Если мы разговаривали о дамах (это мы потом вычислили), машина теряла управление. При нем о еб…е говорить было нельзя, только о природе. И вот мы ехали и беседовали с Михал Михалычем. Валентин Иосифович пытался вставить пару слов, но мы его не замечали. Потом мы истратили на себя эти 12 долларов. А на следующем концерте Гафт вышел со мной на сцену и стоял, как столб, ожидая, пока я сбагрю эту брошюрку, чтобы написать: «Дорогому Фиме от автора» – и разделить 12 долларов уже на троих.

Виктор Шендерович

«Савельев»

Наталии Николаевне и мужу ее – с любовью от автора.

2017



В отличие от других известных писателей-сатириков, Витя, к его чести, когда что-нибудь, связанное не только с ним, вспоминает, ссылается на автора.*

> * Дело было в конце пятидесятых. Артист Михаил Державин женихался к дочери маршала Буденного. Верный друг Ширвиндт тем временем как мог отвлекал боевого Семена Михайловича. Попросил рассказать какую-нибудь историю про Гражданскую войну. Маршал оживился и привстал в стременах. И завел рассказ о том, как однажды во время польской кампании они выбили белых из какого-то местечка, ворвались туда всем эскадроном, шашки наголо – и… На этом месте маршал придержал коня и уточнил:
> – А ты кто по нации?
> Ширвиндт ответил:
> – Еврей.
> Маршал немного подумал и сказал:
> – Ну, я тебе другую историю расскажу.
>
> *Шендерович В.А. Изюм из булки. Отборный. М.: издательство «Захаров», 2019.*

> Конец семидесятых, Барнаул, гастроли Театра сатиры… Продовольственная программа уже сделала свое дело, и еды в Барнауле не было. Однажды у стойки администратора в гостинице появилось объявление, касавшееся участников гастролей: «Члены КПСС могут обедать в крайкоме». Вечером рядом с этой бумагой появилось заявление артиста Ширвиндта: «До окончания гастролей прошу считать меня коммунистом».
>
> *Шендерович В.А. Изюм из булки. Том 2. М.: издательство «Время», 2013.*

Монотонная плотность негодования снижает градус протеста. Или, наоборот, монотонная плотность протеста снижает градус негодования. Бунтарский накал переходит в повседневность нытья. И даже самые неподозрительные личности начинают тускнеть. Михаил Веллер понижает вольтаж напора речи. Витя Ерофеев перемещается в потусторонний мир и берет Харона в соучастники размышлений. И даже Дима Быков сегодня разжижает полемический задор грустью и потихоньку перебирается в философское лоно Максима Кантора. Один

неугомонный Витя Шендерович, как Гаврош, доведенный до абсурда, стоит на вершине баррикады, не замечая, что с двух сторон баррикады одни и те же люди.

Шендерович, как говорил Гриша Горин, который, кстати, его немножечко и открыл, замечательный писатель. Несмотря на то что в этих словах попадаются шипящие, Гриша все равно говорил: «Замечательный писатель». Гриши уже много лет нет, и я все это время не шепелявя повторяю: «Витя – замечательный писатель». И чем дольше я это говорю, тем меньше он пишет. Я постоянно умоляю его слезть с баррикады и где-то в окопе, оставаясь при своем мировоззрении, что-нибудь написать. Иногда у него какие-то проблески возникают. И в нашем театре даже шел спектакль по его пьесе «Вечерний выезд общества слепых». Потом он перестал писать мне пьесы и принес подборку Салтыкова-Щедрина. Я сказал: «Не надо мне Салтыкова-Щедрина, напиши сам». Он сказал: «Ладно» – и принес подборку раннего Горького, когда Горький еще ненавидел все на свете, как и Шендерович. Я сказал: «Не надо мне Горького, напиши сам». Он сказал: «Ладно» – и, видимо, сейчас принесет Свифта. Поэтому я с высокой трибуны своей книги призываю Витю написать что-нибудь самостоятельно.

Еще о замечательных писателях. Я постоянный чтец литературы Дины Рубиной. К ней тоже обращалась моя мольба о создании чего-нибудь для сцены. На эту мою мольбу я получил ответ.*

* Дорогой Александр Анатольевич!

Я, положим, люблю Вас дольше, чем Вы – меня, но кто там считает.

С огромным удовольствием прочитала Вашу книгу. Она замечательная! Во-первых, она очень хорошо написана, во-вторых, гениально придумана (как известно, именно структура, именно «архитектура» делает исписанные страницы книгой). В ней – множество глубоких мыслей, точных наблюдений над родом человеческим, много грусти о жизни, жутко смешных эпизодов и, наконец, бездна обаяния. Да Вы и сами это знаете.

В процессе чтения книги я ужасно смеялась и раза три всплакнула – это самый лучший показатель. Обнаружила, что мы во многом похожи: я тоже «жаворонок», хотя тот самый страшный час

разбирательств с самой собой у меня обычно не в 3, а в 4 часа ночи… Дочитывать Вашу книгу мне было уютно и тепло. Спасибо Вам за нее! Давно я так не смеялась. Впрочем, вру: смеялась ужасно относительно недавно, когда Шендерович у нас дома рассказывал, как Ширвиндт сказал ему: «Витя, отъ…бись от родины!»

Дорогой Александр Анатольевич! Что касается воспроизведения моих вещей на театральной сцене, вспомню Ваше же весьма точное замечание о невозможности переноса авторской интонации из сферы одного искусства в другое. Помимо перечисленных Вами писателей, упомяну еще Искандера, Довлатова. Я, к сожалению, тоже очень плохо «переносима» и в кинематограф, и на театр (несмотря на то, что фильмы по мне снимают, и даже я сама, бывает, пишу по себе сценарии – все равно как покойник сам с себя снимал бы мерку для гроба)… Это я к чему: если вдруг Вы действительно решите, что хотите что-то кого-то куда-то… то я – из тщеславия – препятствовать не стану. Буду даже гордиться.

Будьте здоровы и благополучны, удачи!

Дина Р.

Домашний архив

Фазиль Искандер

«Избранное»

Грядущей жизни ширь видна
Нам лишь от водки Ширвиндта.

1988

Я благодарен судьбе, что пробился к Фазилю творчески. Человечески мы были, мне кажется, похожи. С конца 1990-х мы с Державиным очень долго и счастливо играли «Привет от

Цюрупы». Это произведение вне времени и пространства. Фазиль писал не для сегодня, а навсегда. До «Цюрупы», в конце 1980-х, был счастливый для меня и абсолютно безрадостный для него опыт спектакля «Страсти Черноморья». Я обрадовался этому произведению. Он сказал: «Это не инсценируемо». Я ответил: «Фазиль, да ну, навалимся вместе». И я это создал. В спектакле была очень смешная сцена абхазского застолья. К сожалению, удалась она одна. Помню, он, сидя на прогоне, сказал: «Шура, я благодарен за то, что ты так относишься к моему творчеству. Возможно, я не очень понимаю театр, но единственно, что стопроцентно, – у меня хороший вкус. Это невыносимо». То, что у него хороший вкус, подтвердилось. И мы этот спектакль сняли. Но я ставил не потому, что хотел обогатиться или стать Мейерхольдом, а потому, что мне казалось: Фазиль – автор, который инсценируем всегда. Но выяснилось, что не всякая великая проза может быть поставлена на сцене. Искандер, как Ильф и Петров и О'Генри не инсценируемы, поскольку велики своей авторской интонацией. Получается каркас, сюжет, реплики, а интонации нет.

Александр Гельман

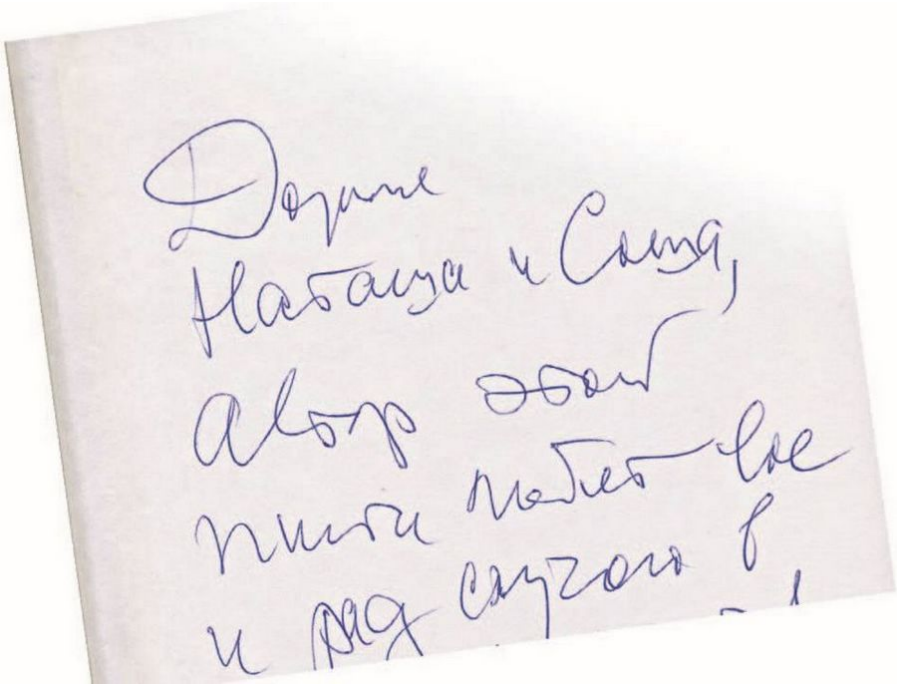
«Последнее будущее»

Дорогие Наташа и Саша!

Автор этой книги любит вас и рад случаю в этом признаться. Книга грустная, но автор повеселее.

2011

Зыбкая мечта любого артиста, чтобы какой-нибудь автор, желательно хороший и желательно из друзей или в крайнем случае знакомых, вдруг сам сказал: «Я хочу для вас написать…» Обычно, наоборот, актеры умоляют авторов: «Напишите для нас». У меня с Михал Михалычем Державиным был такой период, когда Александр Гельман, а в ту пору он был одним из самых раскочегаренных драматургов, вдруг сказал: «Мечтаю написать для вас двоих пьесу. Но так как вы сами про себя все знаете, давайте вместе». Я удивился: «Как вместе?» «Вместе придумаем, что и про что, – сказал он, – а я напишу». И это были не просто слова. Мы работали. Мы работали в ресторане Дома актера, ресторане Дома литераторов, ресторане Дома журналиста, ресторане Дома кино и на различных загородных пикниках в течение шести лет. Было придумано огромное количество сюжетов и, не помню точно, но, кажется, даже написано Гельманом несколько начал первого акта – с последующим обсуждением второй или третьей сцены в очередном ресторане. Пьесу мы не написали, но ощущение творчества, доброжелательности, дружбы и необыкновенной благодарности за внимание большого драматурга к нашим скромным дарованиям сохранилось до сих пор. Когда сейчас – к сожалению, крайне редко – я встречаю Сашу, мы обнимаемся, вздыхаем и расходимся, ничего не сказав друг другу, потому что и так все ясно.



Михаил Жванецкий

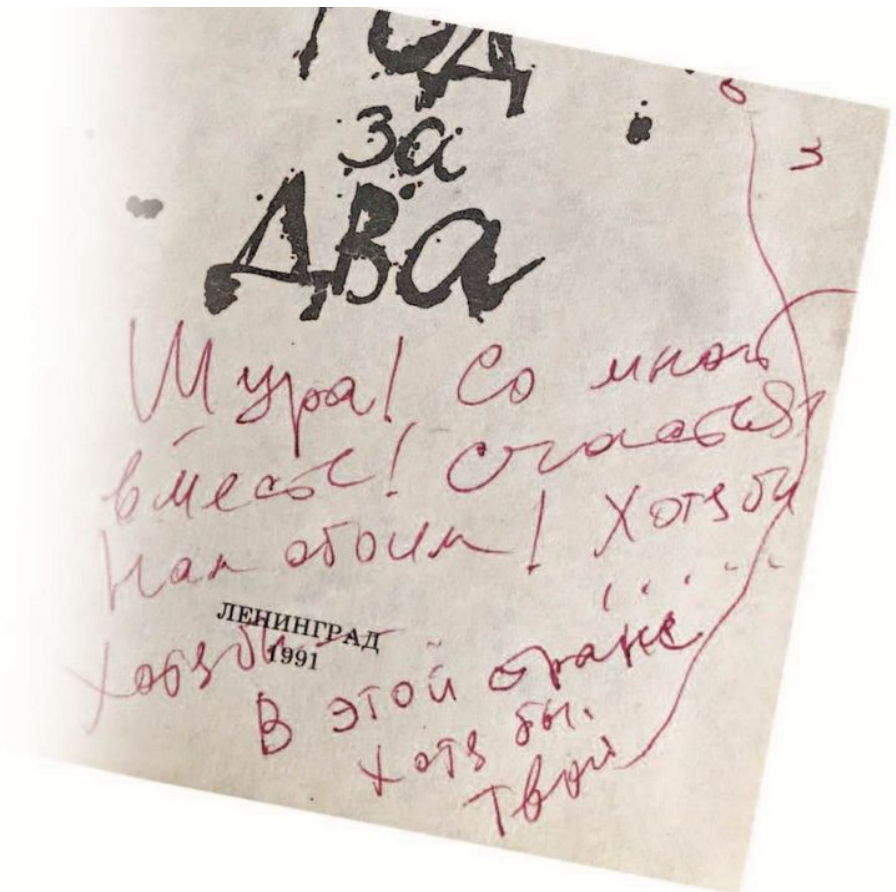
«Год за два»

Шура! Со мной вместе!
Счастья нам обоим!
Хотя бы… хотя бы…
В этой стране хотя бы.

Твой автор

М. Жванецкий

1991



Урожайное время на юбилеи и даты. Мощность их

неоднозначна. Из великих событий последнего времени – 100-летие Октябрьской революции и 85-летие Михаила Михайловича Жванецкого. Подумать только – мы с Мишей всего на каких-нибудь 17 лет свежее Октября.

Спохватились! Раньше надо было гордиться. Поздравлять человека с 85-летием – симптом психического расстройства. И вообще поздравлять надо нас – случайно оказавшихся его соотечественниками и даже друзьями.

В старой одесской гостинице «Аркадия» мы с Аркановым жили и писали какую-то очередную халтуру. Тогда на каждом этаже сидели коридорные, следили за нравственностью и невыносом пепельницы или полотенца. Как-то пришел к нам Мишка и спросил: «Вы видели, что стоит на столике у коридорной?» Мы сказали, что нет. Оказалось – мраморная табличка, на которой выгравировано: «Койка, не опло`ченная до 12 часов, считается свободной». Это означало: если ты после 12-ти там еще лежал, но не оплатил, тебе могли подложить новенького (а повезет, так новенькую). Я не увидел таблички, Арканов не увидел, а Жванецкий сразу заметил и зафиксировал. Эту табличку мы перед отъездом украли, и она при помощи пальцевой жеребьевки досталась Аркану. Где она сегодня, неизвестно.

Скольких Жванецкий вырвал из нищенства и спас от голодной эстрадной смерти! С монологом Жванецкого «Если бы я бросил пить» я прошел по стадионам, концертным залам, увидел страны и на заработанную валюту вскормил детей, внуков и сослуживцев.

Писать при Жванецком. Это либо быть кем-то идентичным, либо кем-то вроде Джамбула, писавшего свои «оды» и не смущавшегося оттого, что рядом Твардовский. Вот и я пишу книги. Но я хоть этого стесняюсь и склоняюсь перед Михал Михалычем (вялое, но оправдание), а сонмище графоманов не стыдится.

Концерты Жванецкого – это сатирические проповеди, щемящая наблюдательность без назидательности – чем противнее персонаж, тем он обаятельнее.

В предисловии к книге Жванецкого «Год за два» Андрей Битов заметил: «…монолог – это когда остальные вынуждены молчать,

когда им некуда вставить словечко…» Мы с Андреем не были закадычными друзьями, встречались нечасто, но очень долго по сроку знакомства. Битов был из тех редких особей, которые инстинктивно брезгливы и осторожны во взаимоотношениях. Не от фанаберии, а от противоположного – от стеснительности. Он не хотел нарываться на глупость и пошлость. Это не одиночество. Это фильтрованное существование в так называемом обществе.

Жванецкий – человек настолько самодостаточный, что ему разбазариваться на дружбу невыгодно: трата времени, сил и таланта. Друзей он терпит и пережидает. По мере необходимости. Поэтому всякое проявление бескорыстного необязательного внимания с его стороны потрясает. Очень много лет назад он позвонил мне и сказал, что есть секретный разговор, не по телефону. Встретившись со мной, он сообщил, что приехал из Находки, где самый главный человек всего побережья – его давний друг, еще по Одессе. Жванецкий только что сыграл для докеров пять концертов, и за это друг-начальник продал ему «ниссан» – из тех автомобилей, которые японцы нам поставляли в награду за успешную разгрузку докерами японских кораблей. Эти машины по тем временам были верхом иностранного автомобильного шика. Михал Михалыч прошептал мне на ухо, что он договорился с другом-начальником: если мы с Державиным захотим, то за несколько шефских концертов сможем приобрести пару «ниссанчиков». При этом Михал Михалыч сказал, что, если о нашем разговоре кто-нибудь узнает, я буду вычеркнут из его биографии. Мы с Державиным собрались и полетели… Здесь я делаю пропуск и сообщаю, что через три месяца на Казанском вокзале мы получали два контейнера с маленькими «ниссанчиками», деньги на которые мы собирали с артистов всей средней полосы России. Вот Жванецкий.

Постскриптум. Когда мы с Державиным на пустынной набережной выбирали себе по машинке, хотя они были совершенно одинаковые, мы обнаружили, что в «ниссанчиках», кроме корпуса и мотора, не было ничего, даже запаски. И только в салоне, в бардачке, лежала бумажка, на которой якобы по-русски было написано: «Позба нишево не улушать». Это была не просто фраза. Опыт взаимоотношения Японии с докерами показывал, что, приобретя «ниссан», они тут же вскрывали движок, клали огромную прокладку – с тем чтобы ездить на 76-м бензине, в рессорные пружины какими-то страшными усилиями закатывали по шесть теннисных мячей для амортизационной жесткости. И так далее. Японцы, видимо, прослышав об этих

переделках, умоляли грузчиков не модернизировать прославленную фирму.

Мишу Жванецкого хочется ублажить и, если получится, удивить. Однажды, лет 45 назад, я его удивил, въехав задним ходом в гараж одним махом, без маневрирования. Чего он мне до сих пор не может простить.

Михал Михалыч всегда дарит нам с Наталией Николаевной книжки с надписями, всегда пишет добрые слова и, что примечательно, всегда находит разные. Вот было у нас 40-летие свадьбы, он взял и написал.*

> * Ребята, умоляю! 40 лет держались вместе. Продержитесь еще хоть чуть-чуть! В нашей лаборатории вы единственный экземпляр. Вдруг кто-то зайдет.
>
> Целуем, гладим, стираем.
>
> *Ваши Жванецкие*
>
> *17.01.1998*
>
> *Домашний архив*

Книппер-Чехова в очередном письме спрашивала у Антона

Павловича, что такое жизнь. Он ответил: «Ты хочешь спросить, что такое жизнь? Лучше спроси, что такое морковка. Морковка – это морковка, и больше ничего о ней не известно». Что такое Жванецкий? Жванецкий – это Жванецкий. Больше ничего о нем не известно.

Михаил Жванецкий представляется мне Стеной гомерического плача России. Если кто-нибудь из потомков вспомнит наше поколение, что вряд ли, то сразу наткнется на Жванецкого. А остальное – мелко и сугубо по интересам.

Роман Карцев

«Родился я в Одессе»

Шура! Это моя вторая книга! Больше не буду!
Обнимаю!

Твой Р. Карцев

2008

Когда я вижу в телевизоре дуэт Карцев – Ильченко, то вспоминаю, как они работали и что это были за артисты. Карцев и Ильченко уникальны тем, что говорили только на одном языке – на языке Жванецкого. Каждая миниатюра, разыгранная Ромой и Витей, – это был законченный спектакль. Когда не стало Вити, Рома остался верен ему и Жванецкому и пытался всю оставшуюся жизнь уже в монологах сохранить наследие их театра.

Александр Иванов

«Слово – не дело»

Шуре Ширвиндту – крайне душевно.

Твой Саша

1988

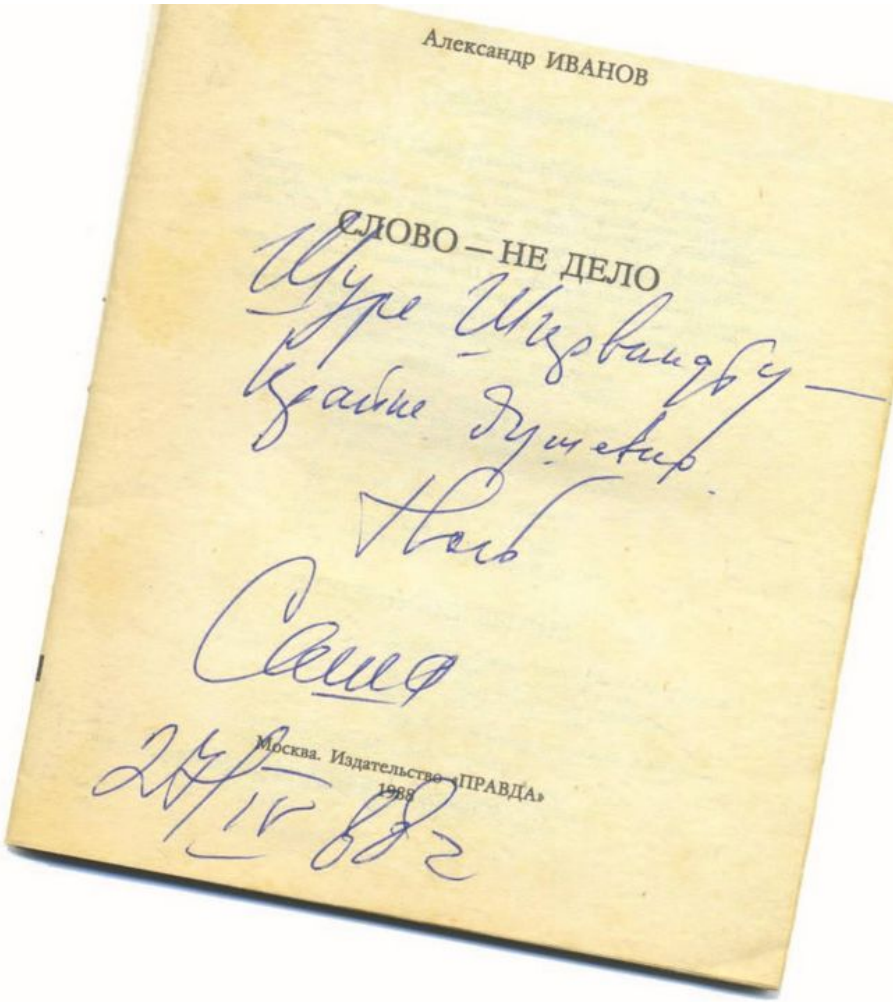
Душевность Саши Иванова была так умело завуалирована, что обнаружить ее – к тому же при его язвительной ироничности – было почти невозможно. А она тем не менее присутствовала в нем глобально. Когда я общался с Сашкой, меня не покидало одно ощущение от него: стыдливая зажатость, которая выражалась в минимальном проявлении эмоций. Он был человеком с врожденной изящностью, обывательски в простонародье принимаемой за худобу, глубоко пьющим, но мелко закусывающим. Не потому, что экономил или сидел на диете, а потому, что считал: закусывать – это гибель жанра и, закусывая, убиваешь смысл того, чем занимался до закусывания.

Однажды на пике популярности 16-й полосы «Литературной газеты», «Клуба 12 стульев», Виктор Веселовский и К° (а К° – это Аркадий Арканов, Владлен Бахнов, Аркадий Хайт и многие другие) решили попробовать вынести газетный юмор на зрителя. Арендовали Театр эстрады. В мизансцене «Тайной вечери» сидели «апостолы» с Веселовским в центре, и, так как сатирики в то время еще не приобрели эстрадных навыков, все были зажаты и испуганы. Предвидя такую ситуацию, хитрый Веселовский для страховки позвал на эту «вечерю» Хазанова и меня, чтобы, если что, то, чтобы мы…

Катастрофа возникла сразу. К микрофону вышла очаровательная Вика Токарева, открыла толстую книжку и задушевным полушепотом стала читать какое-то свое длинное произведение. Минут через пять этого чревовещания по залу пошел шумок, а минут через десять публика уже чуть ли не свистела. Ничего не понимающую Токареву кто-то, не помню кто, вместе с кем-то, не помню с кем, с трудом оторвал от микрофона и отнес на место. Вышел следующий выступающий, опять же не помню кто, и от волнения потерял дар речи. Помолчав минуты

две-три, он элегантно поклонился и ушел за кулисы. Веселовский понял, что пахнет жареным, и решил для спасения выпустить профессионала. В данном случае – Геннадия Викторовича Хазанова. Но, так как в то время Хазанов был еще не Геннадием Викторовичем, а просто Геночкой, он, оказывается, убежал ненадолго по нужде и, не будучи тогда еще художественным руководителем Театра эстрады, заблудился. Он долго метался по закулисью театра, не предполагая, какую нужду в нем испытывает Веселовский.

Тогда решили выпустить Александра Иванова, не сообразив, что прошло уже какое-то время с начала концерта и что Александр Александрович случайно оказался сидящим под огромным горячим осветительным прибором, и не подозревая, что он перед этим шоу для храбрости принял на впалую грудь грамм сто пятьдесят коньяку. Веселовский с ужасом обнаружил, что Александр Александрович под софитом дозрел. Иванов со своей несгибаемой статью вышел к микрофону, схватился за стойку и скомандовал: «Стоять!» Не буду вас мучить подробным рассказом о дальнейшем течении этого юмористического вечера, скажу только, что в эстрадной карьере клуба настал большой перерыв.



Чтобы, не дай бог, не возникло впечатления, что Саша был алкоголиком, скажу: он пил действительно профессионально, но редкими наплывами. А в остальное время он занимался ставшей сегодня уже классической передачей «Вокруг смеха» и писал язвительные, но необыкновенно тонкие и меткие пародии. Причем не только поэтические, но и прозаические тоже. А чтобы закончить с алкоголизмом и нашей дружбой, вынужден вспомнить один Сашкин стишок, посвященный его визиту к нам домой.*

* Александр Иванов
(в гостях у Ширвиндта)

Увы, еще я не покойник,
Но честь свою не сохранил

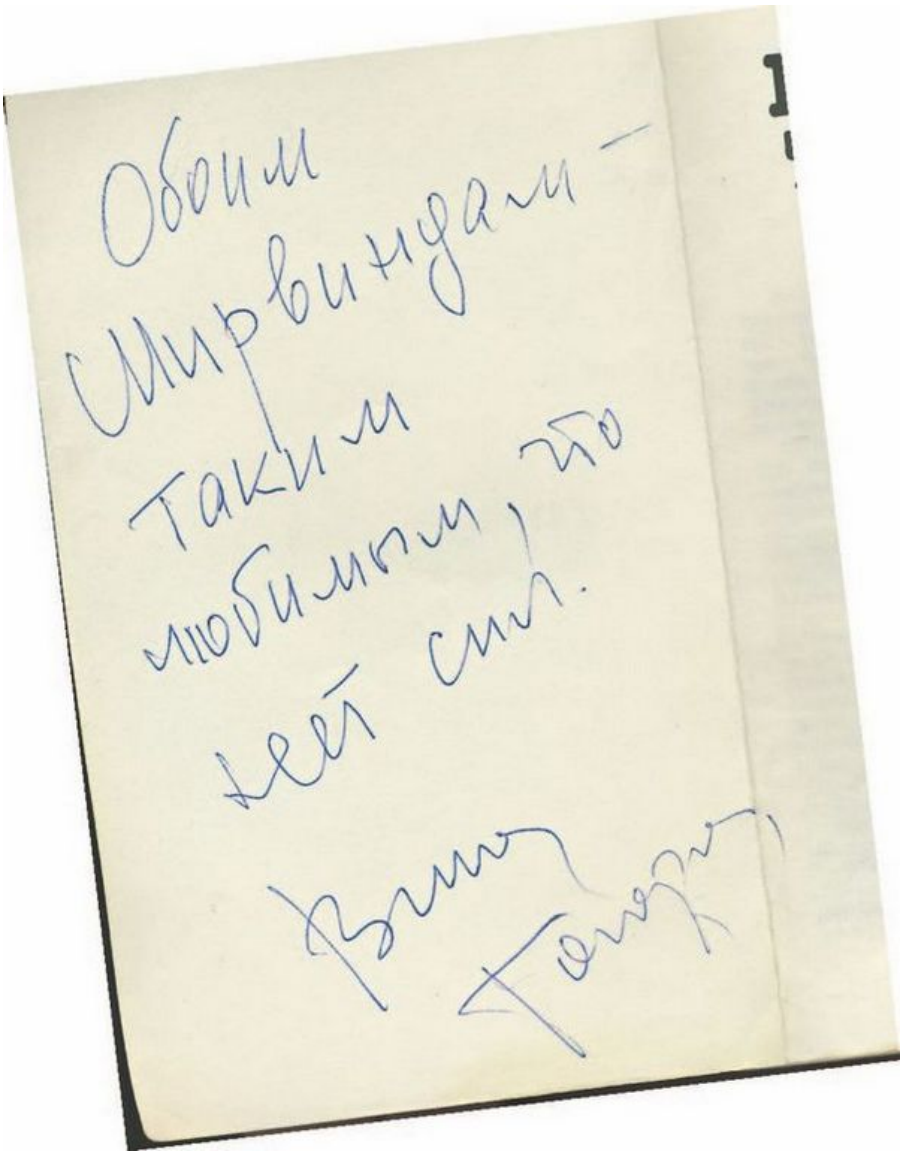
И Ширвиндта я рукомойник
Смеясь и плача осквернил.

15 апреля 1981 года, Москва

Домашний архив

Чтобы не повторяться, напоминаю вам об отношениях Иванова с закуской.

Виктория Токарева



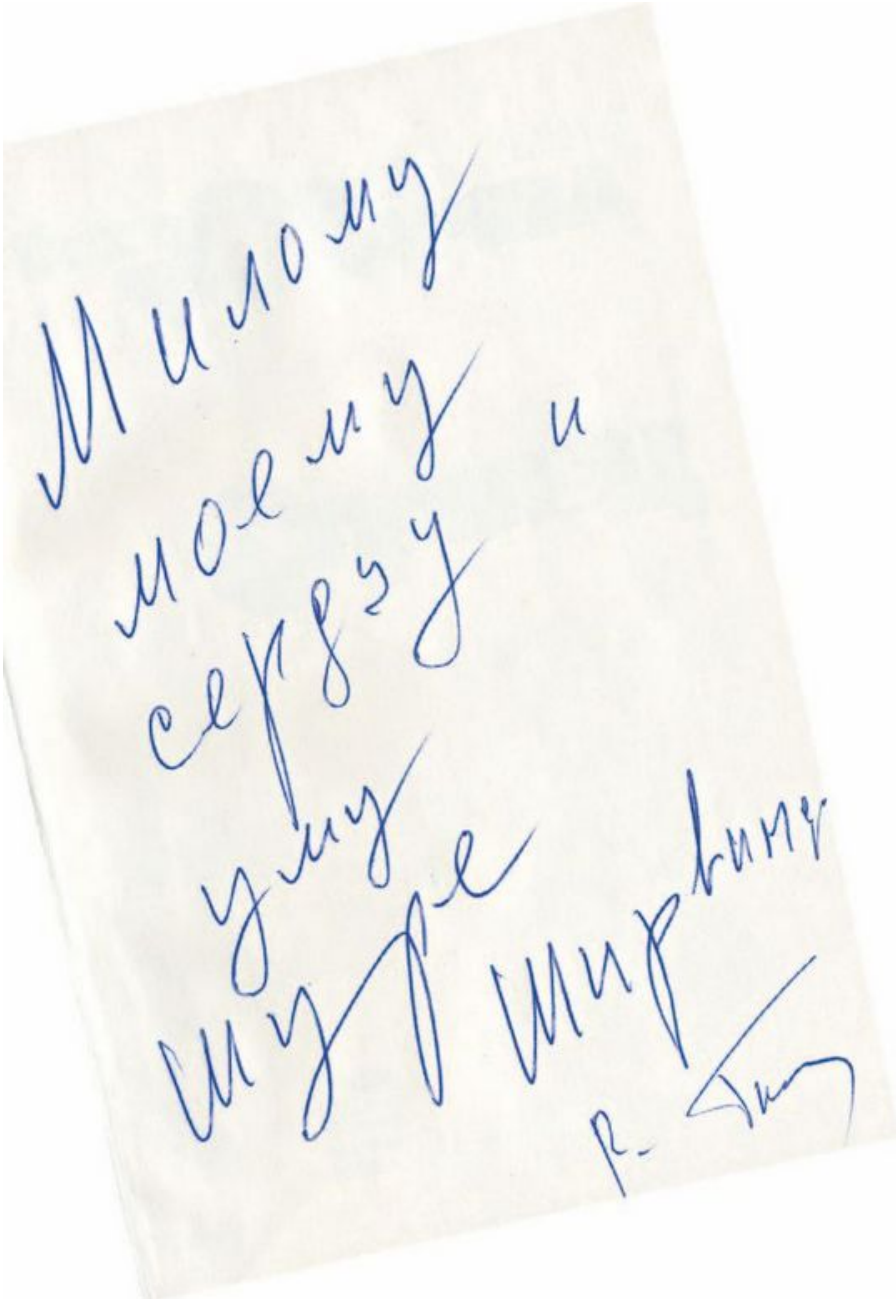
«Сказать – не сказать…»

Обоим Ширвиндтам – таким любимым, что нет сил.

1991

Милому моему
сердцу и уму
Шуре Ширвиндту.

2000



У Виктории Токаревой есть рассказ «День без вранья». Я подумал, хорошо бы, если бы был день без «надо». Надо – это крест. Я всю жизнь завидую людям, которые опаздывают и считают, что никому ничего не должны. Я не могу опоздать. И если делать вид, что это не порок, а достоинство, то это еще более подозрительно. Поэтому пишу, почти как манифест: ни за

что не отвечать и всюду опаздывать – не безнравственность, а прекрасная жизненная позиция.

Виктория Токарева высказалась обо мне не только в автографах.*

> * Я с Ширвиндтом не знакома. Но несколько раз говорила по телефону с его мамой. Она была изумительной женщиной, очень умной и проницательной. Мы с ней стали общаться в последние годы ее жизни, и постепенно я поняла, что Шурик весь в нее. Когда мои книги стали публиковать, она меня прочитала. У нее была девушка, которая читала ей, потому что сама она уже почти не видела, но без книг не могла. И вот мама Александра Анатольевича мне как-то сказала: «Я всех читаю по диагонали, а вас прочитала всю целиком. Деточка, у вас совсем нет графоманства. Давайте я свяжу вам бобочку.
>
> *Виктория Токарева. Цитата из книги: Моцардо В. Александр Ширвиндт. Фотолетопись. Самара: издательский дом «Агни», 2010. С. 257.*

Обычно все-таки писатели как личности никакого отношения к своему творчеству не имеют. Токарева написала «День без вранья» и при этом вспомнила о моей маме и тоже не наврала, что вообще для писателей и творческих работников исключение. Как правило, если человек не врет в творчестве, он круглые сутки врет в жизни. И наоборот. А здесь совпало. Мама действительно вязала всем этакие кольчужки. Единственное, что Токарева наврала, что она со мной не знакома. Если она со мной не знакома, то с кем она знакома? При случае спрошу. Если познакомлюсь.

Анастасия Цветаева

Ю.М. Каган, «И.В. Цветаев. Жизнь. Деятельность. Личность»

Дорогим Шурику и Наташе Ширвиндтам на добрую память о моем с Мариной отце, проф. Иване

Владимировиче Цветаеве, основателе Музея изящных, ныне изобразительных, искусств на Волхонке.

С любовью – Анастасия Цветаева, младшая его дочь

На 94-м году.

1988

«Моя Сибирь»

Дорогим Шурику и Наташе Ширвиндтам – с любовью мои три повести из разных лет моей жизни.

А. Цветаева на 95-м году

1989

Анастасия была удивительной дамой. Она дружила с моей мамой. Приходила сухонькая, маленькая, в платочке. Снимала его, под ним был второй. Снимала второй, там был третий. Когда все 42 платочка были сняты и она оголялась, то садилась около матери и они ворковали. Она всегда приезжала к нам на трамвае. Жила она около трех вокзалов и какими-то сложными путями добиралась до нас. Так как последний раз на трамвае я ездил 85 лет назад, то точно этого маршрута не знаю. Я встречал ее в дверях. А назад вез ее уже я, но не на трамвае, а на каком-то автомобиле – не помню, какая жуть в тот период была у меня. Когда она выходила из подъезда со мной и подходила к этой жути, будь то «Победа» или «Волга» – грязная, страшная, она прежде всего это транспортное средство крестила. То ли она прощалась с собой, со мной и с транспортным средством, то ли хотела как-то облагородить его. И я вез ее по тем же трамвайным путям обратно к трем вокзалам.

Когда Анастасия долго не видела мать, а мать по-прежнему не видела Анастасию, они переписывались.*

* **Почтовая карточка**

Ширвиндт Р.С. от Цветаевой А.И.,
Эстония, Кясму

Дорогая моя Раенька!

Сегодня, 22/VI, – самый долгий день в году. Погода чудная. Эстония благоухает массивами сирени, местами высотой в 3 этажа, цветут и осыпаются белым ковром яблони, но в лесах обнаружен энцефалитный клещ – и все в большом огорчении… Я тут 19-й год, еще с 10-летней Олей была, а теперь Олин старший сын идет в школу, но, должно быть, более не придется ездить, заведомо зная про такую напасть… Сердцем с тобой я, моя милая, сижу рядом и держу твою лапочку, и целую ее, долготерпеливую… Храни тебя Бог!

Твоя верная Ася Цветаева
Привет твоим!
1985

Домашний архив

Она была очень благостная. Цельность и благостность вроде бы несовместные вещи. С одной стороны, в ней всегда было непротивленчество, а с другой стороны – необыкновенный внутренний волевой и смысловой штырь. Недаром она так долго

прожила и так была непохожа на свою сестру.

Белла Ахмадулина

«Созерцание стеклянного шарика»

Люблю вас, Шура и Наташа!

Моя книжонка ныне – ваша.
Пусть вам она не помешает.
Пусть небеса ваш дом хранят.
Подарок мой убог и жалок:
туманен мой «стеклянный шарик».
Зато смешлив и злато-жарок
преподнесенный вам халат.

Целую вас!

1998

И всегда ваша

Белла Ахмадулина

Беллочка, кажется, единственная из моих друзей, даря свои произведения – великую поэзию, в отличие от писанины графоманов-режиссеров и артистов, – сопровождала литературу вещественными доказательствами любви. Расшифровываю ее послание: «стеклянный шарик» – это был почти ювелирный кулон в виде земного шара, а халат – настоящий узбекский стеганый кустарный, который я сейчас донашиваю.

Недавно в Тарусе я был потрясен стоящим на высоком берегу Оки изумительным памятником Белле Ахатовне, созданным Борей Мессерером. Борис Асафович сейчас – один из немногих моих ближайших друзей. И тем обиднее, что мы не общаемся. Он рассержен. Чем, я не знаю и гадаю, а спрашивать бессмысленно. Кто-то мне сказал, что Боря, необыкновенно щепетильно относящийся ко всему, касающемуся Беллочки, обиделся на меня, поскольку в одном юбилейном обозрении Театра сатиры Леша Колган пародировал Беллу. Может быть, действительно с некоторым пикантным перебором. Если так, я еще раз прошу

меня извинить и надеюсь успеть помириться.

Белла АХМАДУЛИНА

СОЗЕРЦАНИЕ
СТЕКЛЯННОГО
ШАРИКА

НОВЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ

Люблю Вас, Шура и Наташа
Моя книжонка в ныне - ваша
Пусть Вам она не помешает
Лететь небеса Ваш дом хранят.
Подарок мой уют и эрзац.
Тарманен мой стеклянный шарик
Зато - смешил и тепло-жарок
преподнесенный Вам халат

Целую Вас!
17 января 1998 года
и всегда Ваша
Ахмадулина

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ПУШКИНСКИЙ ФОНД
MCMXCVII

Екатерина Рождественская

«Жили-были, ели-пили… Семейные истории»

Любимым Ширвиндтам от молодого писателя! Будьте!

Ваша Катя

2015

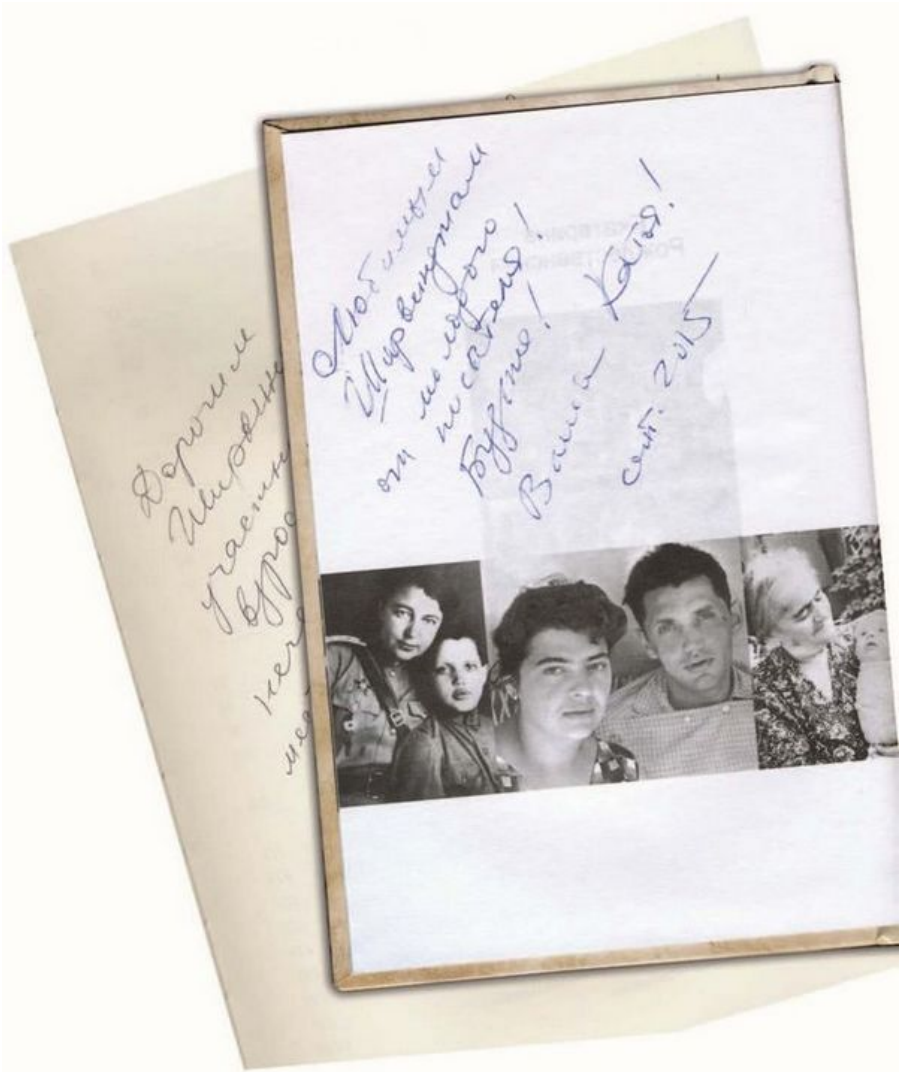
«Взрослые игры Екатерины Рождественской»

Дорогим Ширвиндтам, участникам взрослых игр, с нечеловеческой нежностью и местами любовью!

Ваша навеки

Катя Р.

2016



В поселке НИЛ (Наука. Искусство. Литература) была крокетная площадка. Долго держались, хотя говорили, что такой игры нет, это каменный век. Потом там повесили баскетбольный щит. Я когда-то – сейчас это смешно звучит – играл в баскетбол. И до сих пор его люблю. Для меня сперли из одного зала, не буду его называть, настоящее баскетбольное кольцо. Подарили мне и повесили его, но на 35 сантиметров выше, чем надо. Даже мой друг, баскетболист Лешка Саврасенко, не может до него допрыгнуть.

В начале 1950-х мы с Робертом Рождественским играли в баскетбол в спортивном зале «Спартака» на улице Воровского, ныне Поварской. У меня был 2-й юношеский разряд. Но Робик

играл лучше. Позже на стадионе «Метрострой», рядом с нынешним Домом правительства, мы играли в волейбол. В волейбол я играл еще хуже, чем в баскетбол, а Робик отлично. Он был капитаном волейбольной команды Литинститута.

В том дворе, где жила семья Рождественских, размещалась редакция журнала «Юность». Беллочка Ахмадулина, Вася

Аксенов, Женя Евтушенко, Роберт, потом и Аркаша Арканов, Гриша Горин, Миша Жванецкий, Витя Славкин – это была потрясающая когорта личностей. Некоторое их сегодняшнее обронзовение законно, но для меня вся эта бригада была любимой шпаной.

Отдыхали в Коктебеле. Мотором компании был Владик Бахнов. Он написал «гимн» Коктебеля. Разослал листочки. И мне тоже прислал. Начинался «гимн» так:

«Ах, что за славная земля
Вокруг залива Коктебля:
Колхозы, б…, совхозы, б…, природа!
Но портят эту красоту
Сюда приехавшие ту-
неядцы, б…, моральные уроды!»

Тунеядцы – это Роберт, Вася Аксенов и другие. У многих тунеядцев образовались талантливые дети.

Катечка – темпераментно ищущий призвание человек. За что бы она ни бралась, все талантливо и неожиданно. Но все-таки ее фотосессии с попыткой сделать при помощи гениального гримера Людмилы Раужиной из друзей великих исторических личностей превалируют над всеми ее поисками. Я несколько раз был в разных ролях. Она даже семью мою одела в тоги. Вот что она вспоминает о нашей совместной работе.*

* Когда я пригласила поучаствовать в моем проекте Александра Ширвиндта, то не предполагала, что он сам выберет для работы наистраннейшую картину…

Позвонив до съемки, он сказал, что хорошенько все обдумал и придет не один, а с сыном Мишей, и уж если делать что-то запоминающееся, то пусть это будет картина Репина «Иван Грозный убивает своего сына». Вот так он решил. Для этого, собственно, он приведет Мишу, чтобы, так сказать, убить. У меня бы, конечно, никогда язык не повернулся предложить такое! Фотография фотографией, а Мишу жалко. Не послушался Александр Анатольевич, привел сына. Сели они на завалинке, стали входить в образ, разрабатывать план убийства. У нас уже все было приготовлено к кровопролитию: одежды парадные, ковры заморские (из моей спальни), глаза выпученные и кровь донорская искусственная. Разложили мы тела царские на коврах персидских,

окропили кровью чело дитяти, но не получилось быстро все порешить: оба величества начали хохотать не по-царски, с воем и причитанием, а с ними и челядь вся низкородная…

Рождественская Е.Р. Взрослые игры Екатерины Рождественской. М.: Этерна, 2016. С. 134, 135.

Это все так и не так. Потому что, общаясь со мной, даже близкие друзья не учитывают степень моей гениальной интуиции. Просто я предвидел покушение идиота на картину Репина «Иван Грозный и сын его Иван» в Третьяковке. И уже тогда мечтал, чтобы на случай этого покушения висел не Иван Грозный с сыном Иваном, а я с Мишкой. Дешевле реставрировать.

Юрий Норштейн

«Снег на траве»

Дорогой Шурка!

Помимо актерского дара, ты обладаешь редким талантом неназойливого, легкого, умного и серьезного (извини, конечно) человеческого общения. Все, кто общается с тобой, попадают в твой круг внимания, точно знают, что они не одиноки. Мы все, знакомые и незнакомые, тебя любим. Ну а об выпить и закусить… «Ничего, ничего… молчание», как говорил гоголевский герой. Ты только будь здоров, дорогой, а уж с собой-то мы принесем.

Твой Юра

2008

Юра Норштейн – мой ближайший друг. Я был знаком с Вячеславом Котеночкиным, хорошо знал Федора Хитрука. Это все великие художники. Когда они звали что-то делать, все бежали не потому, что надо заработать, а потому, что было предчувствие чего-то очень настоящего. Такую скрупулезность в работе трудно себе представить на сцене, в кино или на телевидении. Я иногда прихожу в студию Норштейна, много лет работающего над «Шинелью». Он открывает свои кованые сундуки, а там лежат четыре тысячи ресничек. Каждая ресничка – для определенной сцены, определенного выражения чувств Акакия Акакиевича. И так все части лица и тела. Вот это работа, это искусство! Надеюсь, что в Юре проснется коммерческая жилка. Остальные жилки у него и так есть, и они гениальны.

Юра восторженно-образованно озабочен живописью и поэзией. Когда есть повод, ему не важен размер аудитории, ему важно качество. Так, в поселке Пионерском, что в общем-то деревня, под Истрой, есть маленькая библиотека, за которой бережно следят несколько милейших дам, получающих вскладчину три рубля в месяц, но при этом собирающих интеллигентные посиделки, будь то вечер памяти актера и чтеца Дмитрия Журавлева или обсуждение какой-то книжной новинки. Мы как соседи всегда там присутствуем. Они пекут огромный пирог с собственным вареньем. Жидкое приходится приносить с собой, хотя они предпочитают чай. В вечер, посвященный Твардовскому, аудитория собралась такая: четыре библиотекарши, две соседские старушки, наша общая подруга Наташа Абрамова, мы с женой и Норштейн, два с половиной часа взахлеб читающий Твардовского. Или: когда обезумевшее

московское население почему-то решило, что без Серова оно жить не может, и буквально сносило Новую Третьяковку, Норштейн благодаря своим связям провел нас и Чулпан Хаматову туда в выходной день в 7 утра с черного хода, и мы этой компанией наслаждались трехчасовой экскурсией «Серов – Норштейн».

Сергей Юрский

«Содержимое ящика»

Шура, дорогой!

Все это было, было, было. То ли еще будет, дорогой Шура. Читай со стр. 310. Ты читаешь медленно. Так что до стр. 317.

1999

«Практические облака»

Шура! Шура! Чем дольше разлука, тем пьянее встреча! Как я рад тебе!

2006

«Чернов/Chernov»

Дорогому Шуре Ширвиндту на память об эпохе безвременья, которую мы переживали вместе.

2014

Совсем новое время!

В 1990-е наша любимая «пионервожатая», директор Центрального дома актера Маргарита Эскина, решилась на очередную гигантскую авантюру, связанную с ублажением актива актерского дома. На сей раз она задумала коллективный выезд в одну из стран периодически восходящего солнца – Китай. Путь не близкий, актив многочисленный, денег нет. Но Маргошин талант проявился и в этот раз. Дело в том, что тогда же, в 1990-е, в Доме актера состоялся трогательный пикантно-документальный спектакль «Ученики чародея» по пьесе шведского автора Ларса Клеберга. В ее основе были реальные исторические встречи великого китайского артиста Мэй Ланьфана с цветом советской театральной элиты в 1935 году во время его гастролей в СССР: со Станиславским, с Немировичем-Данченко, Эйзенштейном, Мейерхольдом и находившимся в то время в Союзе Брехтом.

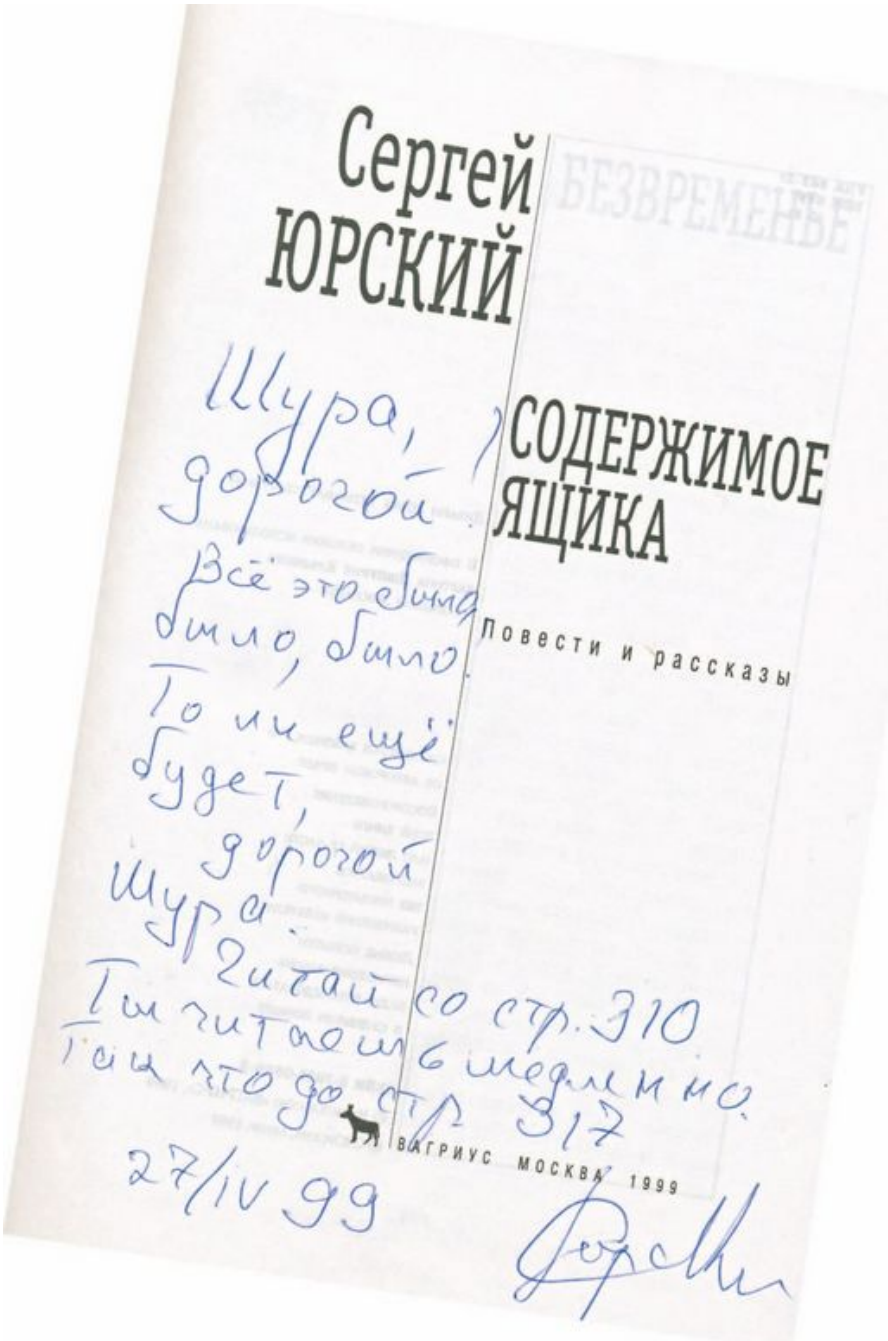
Маргоша собрала тогда мощную команду, распределила роли, рассадила участников, и «встреча» с Мэй Ланьфаном была сыграна на сцене Дома актера. Это мероприятие курировалось газетой «Московский комсомолец», и представители редакции выставляли оценки участникам по пятибалльной системе. Так, Олег Ефремов, игравший Станиславского, получил, кажется, тройку; Олег Табаков (Немирович-Данченко) – три с плюсом; Михаил Левитин (Эйзенштейн) – доигрался до четверки. Сережа Арцибашев, отдаленно напоминавший Брехта, но компенсировавший отдаленность бархатностью голоса, остался без оценки. И только Сережа Юрский получил безоговорочную пятерку, блистательно сыграв Мейерхольда и поразив всех идеальным внешним сходством и знанием текста.

Так вот, Маргоша узнала, что в Китае готовятся широко отпраздновать юбилей Мэй Ланьфана, связалась с китайским СТД (или, не знаю, как у них это называется, но все равно связалась), восторженно рассказала, как в нашей стране помнят Мэй Ланьфана, и поведала о том вечере в Доме актера. При этом скромно намекнула, что мы не прочь отметить вместе с китайцами юбилей великого артиста. Китайцы восхитились и пригласили всю братию в Пекин за свой счет на юбилейные дни с последующей поездкой вдоль Великой Китайской стены.

Дом актера в Пекине представлял собой целый парк со всевозможными атрибутами многовекового китайского театра. В данном случае все пространство было увешано Мэй Ланьфаном в ролях и в жизни, а на сцене при помощи переводчиков и устроителей было воспроизведено московское представление. Так как я в этом произведении не участвовал и был взят Маргошей в Китай только из сострадания, то во время репетиций и самого шоу меня постоянно вежливо просили отойти в сторонку и не мешаться под творческими ногами. Я терпел. Но на банкете я, посаженный где-то в районе китайских реквизиторов, после долгих панегириков в адрес приехавших мастеров сцены не выдержал – попросил через переводчика слово. Мне его снисходительно предоставили. Я сказал, что счастлив наблюдать столь высокое собрание театральной элиты, и извинился, что затесался в этот круг, не участвуя в мемориальном спектакле. Но, продолжил я, в свое оправдание хочу скромно сообщить, что из всех присутствующих с обеих государственных сторон я, наверное, единственный лично общался с Мэй Ланьфаном, который играл для меня на эрху и цзинху и показывал мне разработанный им новый напев «дань». Банкет затих, думая, что я

от обиды к невниманию поехал умом, и председатель китайского СТД на чистом русском языке спросил: «Как это?» А это так. В 1960 году Мэй Ланьфан последний раз гастролировал в Союзе. Он захотел посетить в Москве Дом актера. Михаил Иванович Царев привел его в кабинет директора Дома актера Александра Моисеевича Эскина и зловеще шепнул ему, чтобы в гостиной срочно собрали кого-нибудь из тогдашнего актива. Так как днем актив занимался другими делами, Дом актера был практически пуст. Не нашлось никого, кроме меня, пришедшего к Эскину договариваться о репетиции очередного капустнического хулиганства. Путей к отступлению не было. В гостиной срочно сервировали незамысловатый мини-банкет, и Михаил Иванович Царев, Александр Моисеевич Эскин и, от безвыходности и безлюдья, я два часа наслаждались общением с Мэй Ланьфаном. Председатель китайского СТД вынул меня с окраины стола, посадил рядом с собой, и всю оставшуюся поездку я был в Китае вторым лицом после Мэй Ланьфана.

Это происходило четверть века назад. Участников того исторического выезда остается все меньше и меньше. Ушел Сергей Юрский. Мало кто видел блистательного Юрского в роли Мейерхольда, сыгранной в этой домактеровской эпопее. Очень жаль. Потому что это был наглядный пример отношения великого актера к любой, пусть самой «домашней» необходимости пребывания на сцене. Максимализм и святое отношение к подмосткам – мощные составляющие профессионализма Юрского. Целеустремленность – во всем. Помню, в семь утра Сергей Юрьевич стучался ко мне в номер и властно тащил меня в бассейн. Я, вяло сопротивляясь, спускался и, сидя на «берегу», наблюдал, как Сережа проплывает свой ежеутренний минимум – двадцать бассейнов. Каждый раз, плывя мимо меня, он призывал одуматься, нырнуть и начать вести правильный образ жизни.



В Китае мы не только плавали в бассейне, но и не избегали суши. Не путайте в данном случае суши с сушей. Сережа запомнил наши похождения лучше.*

* Жена одного из наших дипломатов сказала нам с

Шуриком Ш.: «Я свезу вас на Шелковый базар, вам самим не справиться!» Надо сознаться, что мы оба – и я, и Шурик Ш. – такие ленивые и нелюбопытные, что не только не собирались на Шелковый базар в Пекине, но даже не слыхали о таком… Мы тронулись в толпе… Людмила шла зигзагами, ловко ввинчиваясь в горячую гомонящую толпу. Знакомств у нее было великое множество, и она то и дело вступала в бодрые диалоги. А вот китайский язык оказался на удивление простым и однообразным.

– Ху-я? – спрашивала Людмила, выхватывая две рубашки из огромной стопки и обрушивая всю стопку наземь.

– Ниху-я! – уверенно отвечал торговец.

– Пошли дальше! – решительно сказала жена дипломата.

– Ху-я? – сдергивала она вешалку с халатом, на спине которого была нарисована пагода. Но мы уже заранее знали ответ, принцип как-то быстро схватывался. Парень с крутыми скулами улыбался, кланялся, но был непреклонен.

– Ниху-я! – отвечал он.

Так мы прошли первый длинный ряд. Повернули. Во втором ряду, видимо, торговали китайцы из другой провинции, язык у них был немного другой. Но и тут Людмила была на высоте. Торговец выкидывал десяток прозрачных плоских коробок, в которых что-то сверкало и переливалось.

– Е-бай? – кричал он.

– Ние-бай! – нашлась ответить Людмила.

Юрский С.Ю. Содержимое ящика. М.: Вагриус, 1999. С. 311, 313, 314.

Меня повсеместно журят за использование матерного языка. И это правильно: я безобразно им пользуюсь, потому что жлоб. А вот Сергей Юрьевич, интеллигентнейший человек, тонкий мудрец и философ, понял: чтобы быть не матерщинником, но при этом употребить весь известный ему мат, нужно просто перейти на китайский.

Но еще Сергей Юрьевич кроме мата иногда позволял себе неожиданную искренность. Что шокировало, потому что в наших отношениях ирония и подъё…ка всегда преобладали. Так, например, в программе «Приют комедиантов» Сережа искренне

говорил обо мне, возможно, потому, что этот приют обычно снимается с 12 часов ночи, когда сознание участников уже спит и они теряют бдительность.*

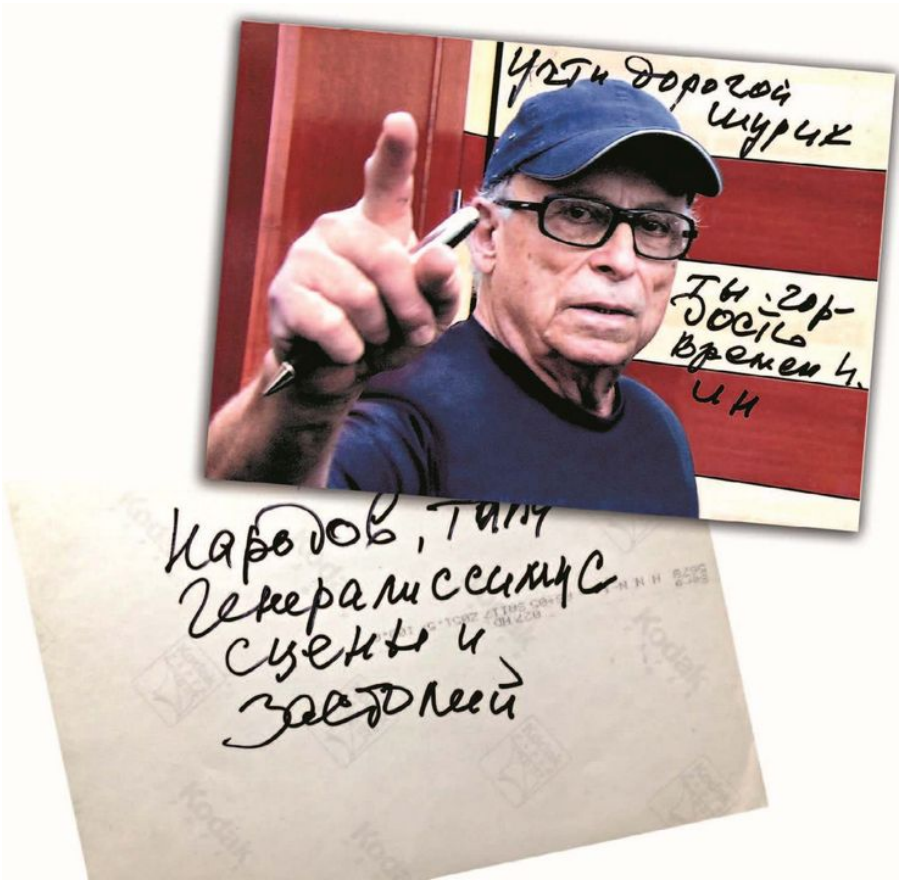
* Шура для меня – прежде всего артист. Менее всего – собутыльник. Хотя мы сидели за столом не раз. Но по разным причинам либо ему надо было сейчас выйти и что-то делать, либо мне надо было выйти и что-то делать. Чаще всего я видел Шуру на разных юбилеях. Юбилеи отличаются тем, что человека начинают сперва представлять, потом хвалить, потом облизывать и постепенно заходятся в какие-то выси. И потом объявляют: «А сейчас – Ширвиндт». И появляется человек, который этот кипяток превращает вдруг в естественную теплую воду. И говорит вроде бы тоже поздравительно, но как-то с другой стороны. И все время возникает чувство: а ведь правда, мы ведь что-то больно зашлись, мы чего-то слишком. После кипятка преувеличенности возникает чувство естественности. И с этим же я столкнулся в его книжках, где масса документов, которые он предъявляет. И эти документы есть образ времени – целых времен: 60-х, 70-х и так далее. И очень редко появляется сам Шура. И тогда он – поэт.

Сергей Юрский в программе «Пришют комедиантов» // ТВ Центр. 2014.

Юз Алешковский

Надпись на фото

Учти, дорогой Шурик, ты гордость времен и народов, типа генералиссимус сцены и застолий.



Собрание сочинений в 3 томах

(Неразборчиво)

Сов. милейшим Тате и Шурику с самыми… чувствами от беспутного Юза (Алешковского).

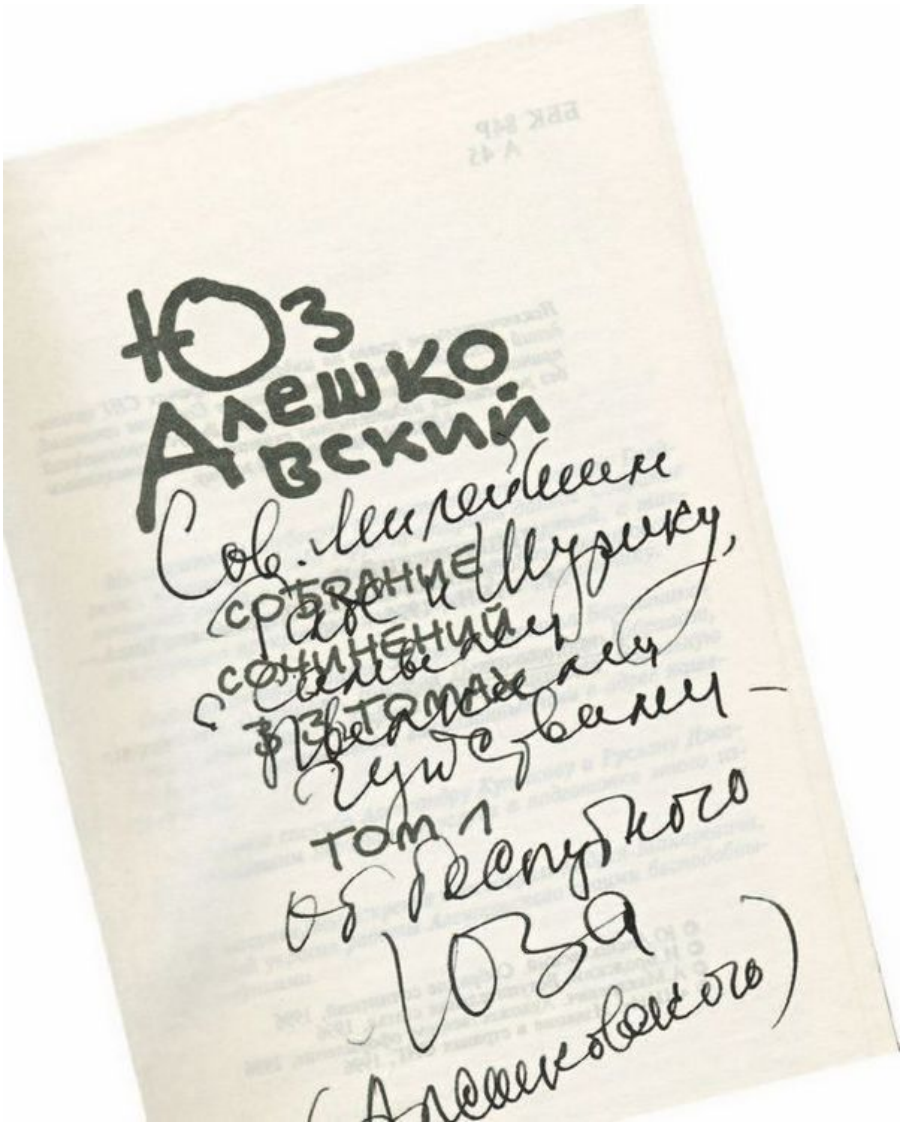
1996

Милым душе моей Наташе и Шурику великому – всегда!

Не жалею, не зову, не плачу.
Жру шашлык и коньячок ху…чу.
Не зову, не плачу, не жалею —
К новому готовлюсь юбилею.

2011

Я всегда с напряжением жду ежемесячный календарный план мероприятий Дома кино. Там помимо безумия анонсов показа фильмов публикуют в самом начале поздравления или с Новым годом, или с Октябрьской революцией, а потом идет список дней рождения членов Союза кинематографистов в этом месяце. Все очень элегантно и хитро: бабам возраст не пишется, а мужикам пишется. Этот паноптикум прекрасен тем, что подавляющему большинству членов Союза кинематографистов от 80 до 100 лет. Причем я сам в этом же наборе, но три четверти фамилий не знаю. До 80 лет поздравляют с круглыми датами, а после 80-ти – на всякий случай каждый год. Этот календарь – очень радостное чтение. Он стал практически моей настольной книгой. В этой связи не могу не умилиться, вспомнив моего любимого друга, писателя, хулигана и гражданина Юзика Алешковского, которому недавно исполнилось 90, а он полон задора, искренности и свежего мата. Когда все это адресуется мне, я еще раз умиляюсь.


Юз Алешковский
Собрание сочинений
том 1
Юз Алешковский

Игорь Губерман

«Прогулки вокруг барака»

Наташе и Саше – с криминальным приветом.

1990

«Иерусалимский дневник»

Наташе и Саше – от очень древнего еврея – дружески – приезжайте!

1991

«Антология сатиры и юмора России XX века»

Дорогой Шура,
ты великий артист. Дай Бог тебе здоровья, все остальное у тебя есть.

Обнимаю, тоже дедушка

И.Г.

2001

Из существующих и, слава богу, живущих гениев многие мне стали понятны, какие-то поднадоели, а какие-то все-таки умерли. Единственный, кто не перестает удивлять, восхищать и жить, – это Губерман. Насыщенная лаконичность его гариков меня всегда потрясала, и перечитывать Губермана я могу бесконечно. Его и Сашу Черного. Не знаю, кому из них я делаю комплимент, но себе в этот момент определенно нравлюсь.

Например:

«За все на евреев найдется судья.
За живость. За ум. За сутулость.
За то, что еврейка стреляла в вождя.
За то, что она промахнулась».

Здесь и история партии, и посткоммунистическая эпоха, и антисемитизм, и пролетарская целеустремленность. Всё в одном четверостишии. И еще Гарик для меня вечный аргумент для отмазки, если предъявляются претензии мне как матерщиннику. Гарик матерится чаще, талантливее и всегда к месту. В дискуссии относительно правомочности родного русского языка, то есть мата, я привожу в пример классику его использования в гениальных четверостишиях Игоря Губермана.

Вспомнил я Гарика и когда в начале этого произведения сам с собой полемизировал насчет вступления. Дело в том, что обязательной составляющей любого книжного издания кроме вступления и заключения являются восторженные реплики-рецензии на обложке. Гарик, чтобы не мучиться и не клянчить у знаменитостей ласковые слова, придумывает их сам и помещает на свои книги. Например: «Такого еще не было». И подпись: «Поебанка Навзничь, югославская поэтесса».

Михаил Мишин

«Одобрям»

Дорогой Шура, я тебя люблю, поэтому можешь не читать.

1993

«Антология сатиры и юмора России XX века»

Дорогой Шура, ты единственный, на кого смотрю с завистью, испытывая при этом наслаждение!

С нежностью —

твой Мишин

2003

Михаил Анатольевич Мишин – человек повышенной ранимости и стойкой приверженности забытому интеллигентному юмористическому словообразованию. Если говорить о наших отношениях, мы друг другу кормильцы. К несчастью для русской словесности, Мишин в совершенстве знает английский язык и, вместо того чтобы писать на якобы родном русском оригинальные произведения, бросился переводить современную мировую комедийную драматургию. Так как заложенный почти во всех этих первоисточниках юмор подчас значительно ниже юмора самого Мишина, он, помня, что переводимый автор не знает русского языка, адаптирует все переводы в соответствии со своими навыками и чутьем. Отдавая кому-то пьесу, Мишин сурово предупреждает: «Не потерплю ни одной запятой изменений». Так было в Театре сатиры, когда я начал ставить спектакль «Слишком женатый таксист» по пьесе Куни. Миша пришел на генеральную репетицию и услышал со сцены мое изложение версии Куни-Мишина. Он хлопнул дверью и сказал: «Этого не будет». Но это стало. Более того, этот вариант прошел по всем мыслимым и немыслимым подмосткам родины, накормив Куни, Мишина и немножко меня, так как 17 лет идет на аншлагах.

За все время было, наверное, только одно исключение в

зрительском восприятии. Когда Юрий Семин тренировал сборную России по футболу, то попросил: «Поведи развлечь». Я позвал их на спектакль «Слишком женатый таксист». Сборной отвели места в шестом ряду по центру. Спектакль идет около двух часов без перерыва. Вдруг посреди действия Юра встает и продирается к выходу. Я в дверях его останавливаю: «Ты куда? Еще не кончилось». Он говорит: «Чтобы я эту х…ню до конца смотрел!» Он такой. Хотя это не самая большая х…ня.

Несмотря на оскорбление мною переводческих чувств Мишина, он вскоре остыл и даже ласково поздравил меня с юбилеем.*

> * *«Карьера – это мера тщеславия, а у меня тщеславие дозировано необходимостью не выпасть из обоймы достойных людей»* – так сказал Александр Ширвиндт, у которого сегодня день рождения.
>
> Масштаб события требует привычно сверкнуть юбилейным «юмором». Да ведь нарвешься на иронию.
> Поэтому.
>
> Дорогой Александр Анатольевич!
> Шура!
> Сообщаю главное.
> Ты – недосягаем.
> И притом доступен – для любования, труда и любви.
> Таким был только Ленин.
> Но с ним я общался меньше.
> Шура, дорогой!
> Чем дальше в лес, тем проще пожелания.
> Здоровья, Шура!
> Тебе и ближайшим.
> И тем, кого ты любишь.
> И тем, кто любит тебя.
> А это, скромно говоря, – народ.
> Остальное ты сказал сам – в цитате выше.
> Больше того – сделал, как сказал.
> Мало кому удается.
> С днем рождения, дорогой!
>
> *Михаил Мишин. Недосягаем, но доступен для любви // «Новая газета». 19.07.2019.*

Семен Альтов

Михаил Мишин, Семен Альтов. «Оживление в зале»

А. Ширвиндту от небольшого, но чистого сердца.

С. Альтов

1978

«Набрать высоту»

А. Ширвиндту, который пытался вывести меня в люди, но не на того напал!

1987

«Шанс»

Саше, с которым ничего в этой жизни вместе не сделали. А жаль!

1990

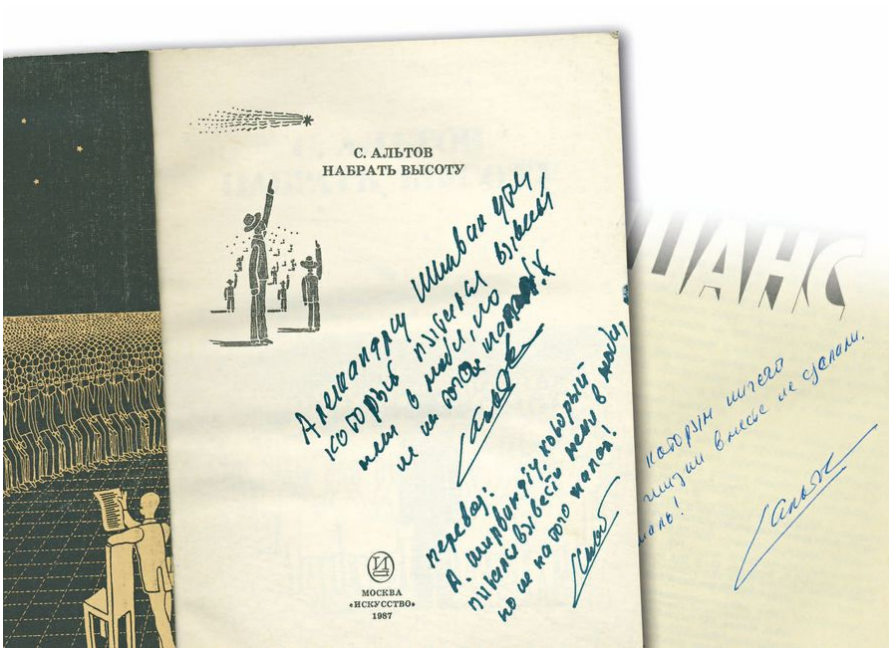
История моих взаимоотношений с Альтовым длится не первые 50 лет. Столь длинный маршрут оправдывается тем, что он не омрачен совместным творчеством. Попыток было много. Все они кончались объятиями, поползновениями доработок, надеждой на завтра и очередным расставанием. Наглядный рецепт несокрушимой дружбы.

Недавно Альтов прислал имейл.*

> * Шура!
> Проглотил «В промежутках между»…
> Вряд ли еще и лавры писателя нужны человеку, которого лентой перевязал президент, сложив столбиком все «заслуги перед Отечеством»…
> Я про книжку.
> Огорчу тебя, увы, это не сильнее «Фауста» Гете!
> Поэтому читается с удовольствием.

Говорят, у женщин в организме прячется заветная точка «зю», угодив в которую мужчина доставляет даме неземное наслаждение. Так и в мозгу есть аналогичная точка «ю». Когда в нее попадает безупречный юмор, человека скрючивает от удовольствия.

Чувство юмора есть не у всех. Ты не Лепс. Стадионы не собираешь. Чем умней юмор, тем скромнее аудитория.



Сегодня часто шутят текстом, сдобренным матом.

Но твой мат, как приправа, добавлен для того, чтобы подчеркнуть аромат фразы. Остальные предлагают пересыпанный матом гарнир…

Когда читаешь тебя, становится смешно и грустно. А это не удавалось даже автору «Фауста».

Кроме благодарности за прочитанное подкатывает к горлу комок белой зависти. Сколько замечательных людей за долгую жизнь ты приобрел!

Как весело и как небогато вы жили! Олигархам не снилось такое!

Слава богу, за роскошь общения пока не надо платить государству налог.

Твой Семен Альтов

P.S. С годами болеть начинает практически все. И желание только одно. Чтобы так продолжалось как можно дольше!

Домашний архив

Эдвард Радзинский

«Властители дум»

Блистательному Саньке Ширвиндту от его фана Эдьки.
Как же ты великолепен! Спасибо от Михалева!

Март 1995, наша премьера

«Наш декамерон»

Александру Ширвиндту на память о быстротекущем времени.

1995

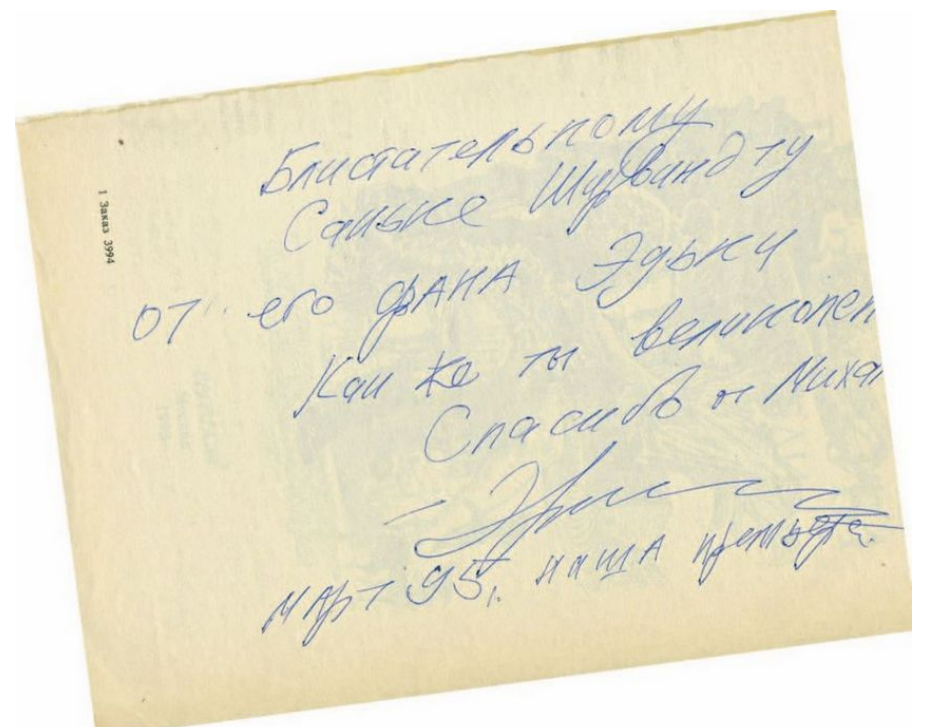
Вся моя жизнь соткана из встреч с Радзинским. Первое упоминание о Радзинском в моей повести временных лет встречается в 1955 году, когда я учился на 3 курсе Театрального училища имени Щукина, а Эдвард Станиславович оканчивал среднюю школу. Как раз в то время он, будучи учеником 10 класса, влюбился в студентку нашего училища Аллу Гераскину, сделал ей предложение и, что совершенно немыслимо для того периода, женился на ней. О чем сам вспоминает так: «У меня было одно радостное обстоятельство – я женился в 10 классе. Моя жена готовилась стать актрисой и училась в том же училище, что и Саня. Он, узнав об этом браке, единственный позаботился о подарке. Он подарил мне пионерский галстук».

Следующая судьбоносная встреча с Эдиком произошла в начале 1960-х в Театре имени Ленинского комсомола, когда пожарно-рыже-конопатый бывший студент Московского историко-архивного института принес пьесу «Вам 22, старики!». В спектакле по этой пьесе я блистательно сыграл своими словами роль Милого друга, рефреном произнося фразу, в которой менялись только продукты: «вот такие помидоры», «вот такие баклажаны», «вот такие патиссоны». Так перебирался весь овощной ассортимент отечественных огородов.

Следующая встреча – спектакль «104 страницы про любовь» по пьесе Радзинского в постановке Анатолия Эфроса, где я сыграл – по-прежнему блистательно – роль Феликса, выдержав

соревнование с Олегом Басилашвили, который не менее блистательно сыграл эту же роль в БДТ. Но, может быть, все-таки чуть менее блистательно, потому что в кинофильме «Еще раз про любовь» я опять блистательно сыграл ту же роль с Танечкой Дорониной. И, несмотря на это, Эфрос взял меня на главную роль – режиссера Нечаева – в спектакле по пьесе Радзинского «Снимается кино», где я по-прежнему… Ну, хватит.

Следующая встреча с Эдиком была мучительной, потому что в течение трех лет, с 1991-го по 1994-й, я просил его что-нибудь для меня написать. Кончилось тем, что он немножко перелопатил свою пьесу «Спортивные сцены 1981 года» и, назвав ее «Поле битвы после победы принадлежит мародерам», уговорил меня и Люсю Гурченко, что это новая пьеса, спектакль по которой мы и сыграли в 1995 году, где блистательно… нет, не я играл Михалева, а Люся играла Михалеву.



Но это еще не все. Эдвард Станиславович всю жизнь для меня пример спортивного мужества, всепогодной стойкости и красоты надетых на него шляп. Живя со мной в одном писательском поселке Красновидово, он круглый год катается на лыжах, круглый год купается в мелкой и быстрой реке Истре и круглый год бегает вокруг домов. Продолжается это десятилетиями.

Дряхлости и одышки мне с балкона не видно и не слышно. Правда, успокаивает, что иногда он пробегает в носках разного цвета. Думаю, что это не маразм, а последняя мода для бегунов постпенсионного возраста.

Олег Табаков

Надпись на визитке

Майкл, пожалуйста, своди Шуру Ширвиндта в универмаг для нищих и подкорми его. Он хороший! Крепко целую.

Как-то в Канаде встретил я случайно Олега. Взглянув на меня, он дал мне свою визитку, на которой написал эти несколько строчек, обращаясь к своему приятелю. Тот все, о чем просили, сделал.

Когда говорят о Табакове «блестящий администратор, хороший семьянин, прекрасный артист, потрясающий педагог», трудно что-то выделить. Он во всем был талантлив. Что он был потрясающим педагогом – доказано его учениками. Но при этом он и сам был абсолютно штучным артистом. Хорошие артисты случаются, а вот научить быть артистом…

С Табаковым меня связывали самые разные жизненные события. Вспоминаю, как в 1964 году он в 29 лет попал в больницу с инфарктом. Я приехал к нему, и он сказал мне: «Вот,

Санёк, не думал, что так быстро все кончится». Но после этого он прожил огромную жизнь.

В наш балабольный век, когда все пыхтят впустую, Олег, если что-то решал или чем-то увлекался, то делал это. Он очень много ставил за рубежом, огромное количество спектаклей выпустил в «Табакерке», но в Художественном театре не поставил ни одного спектакля, поскольку считал, что все-таки актерская режиссура сомнительна. Это урок для нас, самодеятельных режиссеров.

Анатолий Смелянский

«Уходящая натура»

Дорогому Шуре Ширвиндту – от «уходящей натуры»
Худ. театра.

2001

Когда прощались в МХТ с Олегом Павловичем Табаковым, все шло по вечному трагическому сценарию панихиды: выходили друзья, близкие, ученики и вспоминали эпизоды, которые можно обозначить как «я и Табаков». И только специально приехавший из Америки Толя Смелянский вышел и, нарушив привычный регламент, минут за двадцать пять проследил весь творческий путь Олега Павловича. Это было шокирующе непривычно и необыкновенно мудро.

Когда Толя парадоксально обзывает себя уходящей натурой, он помимо своего ухода на другой континент, естественно, намекает на ужасающую тенденцию перехода глубокого театроведения в рекламно-анонсные заметочки. Я-то помню Алексея Дживелегова, Григория Бояджиева, Павла Маркова, Юрия Рыбакова и самого Смелянского. А сегодня театроведение стало приблатненно-местечковым.

мелянский (р. 1942),
усств РФ, доктор
ссор, заместитель
ителя МХАТ имени
-студии МХАТ.
ей, посвященных истории
менной сцене. Среди них
» (1981), «Михаил Булгаков
(1986, 1989, 2-е изд.),
ьства» (1999). Главный
ний К.С.Станиславского,
дожественный театр—
их изданий.
онного цикла «Тайны
Культура»).
ирную педагогическую
так и за рубежом.

УХОДЯЩАЯ НАТУРА

Дорогому
Науке
Мирвису
— об
"уходящей
натуре"
Эдуард Шеварднадзе.
2001

Марк Захаров

«Суперпрофессия»

Несравненной, обожаемой, прекрасной Наталии Николаевне, Таточке, а заодно уж и Александру Анатольевичу – с попыткой в ряде фрагментов исследовать его роль и значение в жизни общества. С надеждой на лучшее будущее и добрыми пожеланиями громадному семейству со всеми собаками.

Преданный и любящий всех вас Марк Захаров

2000

«Контакты на разных уровнях»

Прекрасным, родным и бесценным Таточке (Наталии Николаевне, урожд. Белоусовой) и профессору Ширвиндту А.А. от великого русского писателя.

Ваш Захаров

2000

Кончился Год театра. Грустно. Ушел из жизни Марк Анатольевич Захаров. Невыносимо тяжело. Когда хоронили Сашу Абдулова, Марк Анатольевич шепнул мне: «Тебе не кажется, что Боженька сбился с графика?» Сегодня очевидно, что «апостольская счетная палата» опомнилась и, как показывают последние потери, «порядок на небесах» восстановлен. Инфантильно-страховочная человеческая надежда, что, может быть, обойдется, – эфемерна. А когда уходят такие жизнестойкие титаны, как Кобзон, Говорухин, Табаков, Захаров, становится ясно, что увернуться не удастся.

Принято считать, что наше всё – это Пушкин. Но для меня это – Маркуша. Я его знал лучше, чем Пушкина, и полагаю, что, если сваливать все на классика, – не проживешь. А жить надо все-таки с друзьями.

Биография Марка Анатольевича Захарова зацелована поклонниками и растиражирована критиками. Найти в ней новостную лазейку очень трудно. Приходится рыться в личном архиве, чтобы припомнить, говоря современным птичьим языком, нечто эксклюзивное.

Я познакомился с Марком, когда он работал артистом в Московском новом театре миниатюр (сейчас Московский театр «Эрмитаж») под руководством Владимира Полякова. Я помню, как он играл Остапа Бендера. Из-за этого Остапа он ушел из артистов.

Я до сих пор помню и спектакль «Бидерман и поджигатели» по пьесе Макса Фриша, поставленный Марком Захаровым в Театре сатиры в середине 1960-х. Он прошел раза два-три. Никто ничего не понял. А это был потрясающий спектакль. Марк Анатольевич жил с опережением. Профессионально, не человечески. Это был спектакль, который лет на пятнадцать опередил всю театральную, не побоюсь этого слова, мировую эстетику. Захаров обладал режиссерским и философским провидением. Вообще бывают совпадения, совпадают случайности, случается интуиция, а на гениев опасно обрушивается прозрение.

Еще Марик был спринтер. Много лет назад, когда мы

собирались улетать из Ташкента после гастролей, выяснилось, что самолет сломался. На спине лайнера сидели два сварщика и его варили – он немножко раскололся посередине. И весь театр смотрел, как его латают. Делать было нечего, и мы устроили перед аэропортом соревнование по бегу на сто метров. Участвовали рабочие сцены, артисты. Быстрее всех пробежал Марк Анатольевич – где-то в районе 13 секунд. Это тогда, когда еще не было тех, кто пробегает за 9 с чем-то секунд. С допингом.

Настоящий худрук – это отдельная профессия. По моим ощущениям, худруками были Андрей Гончаров, Олег Ефремов, Валентин Плучек, Галина Волчек и Марк Захаров.

Марик как-то вспоминал о своем назначении на эту должность.*

> * Когда меня только что назначили в театр, мы сидели в директорской ложе и Александр Анатольевич как старожил говорил мне, кто есть кто. Особенно я запомнил, как он сказал (не буду называть фамилию): «Приготовься, сейчас выйдет самый плохой артист Советского Союза». И он действительно вышел. Добрейший, милейший человек, но как артист он был не очень убедителен. Александр Анатольевич давал мне разного рода советы, связанные с труппой. Я его сразу позвал в театр, когда меня назначили. Он сказал: «Ну зачем, я же всегда рядом. Понадоблюсь – приду».
>
> *Марк Захаров в программе «Наблюдатель» // Телеканал «Россия К». 1.11.2012.*

Когда я стал худруком Театра сатиры, Марк давал мне разные советы. В частности, рецепт, как безболезненнее оттуда слинять. Как-то, лет семь назад, были вместе с Марком в эфире одной телепередачи. Я говорил о том, что невозможно составить репертуар, артисты отпрашиваются на съемки. Один не может с 1-го по 5-е, второй с 5-го по 20-е. И главное, те, кто не в репертуаре, они не отпрашиваются, а те, кто в репертуаре, отпрашиваются постоянно. На что Марк заметил: «Шурик, я тебе посоветую – всегда отпускай артистов. А не разрешает пусть кто-то другой – дирекция, заведующий режиссерским управлением, завтруппой. Сделай так, чтобы от тебя шло только добро. У меня есть такой человек, который принимает непопулярные решения». Я возразил: «Получится, во-первых, что я хороший, а они бандиты и, во-вторых, что я мягкотелый, а они борются за театр». «А может, ты

просто гуманистически настроенный», – сказал Марик. Я попросил: «Запиши для меня».

Перед 85-летием Марка Анатольевича я написал предисловие к альбому, посвященному юбиляру. В альбоме скрупулезно-биографически перечислены все захаровские звания, ордена, статуэтки. Этим «призовым фондом», разделив его по совести, можно отоварить всех членов Союза театральных деятелей России.

Самобытность – непредсказуемость творческих возбуждений. Даниил Хармс умел гениально изображать муху, сидящую на стекле, в момент, когда она размышляет, куда бы ей полететь. Тот же Хармс: «В лесу меж сосен ехал всадник, / Храня улыбку вдоль щеки». Улыбку вдоль щеки Захарова было заслужить непросто. Его классическое лаконичное «не очень» как реакция на наши молодежные безумства – эталон критической мысли.

Захаров был влюблен в свою профессию. И Муза отвечала ему мощной страстью. Лет 50 назад случайно подсмотрел, как Захаров шел по Суворовскому бульвару (ходили же когда-то пешком, прелесть какая) и, беззвучно артикулируя, «репетировал» что-то, направляясь в театр. Александра Марковна в каком-то интервью обмолвилась, что отец погружает актеров в космос. Не знаю, я там не был, ей виднее, но человек, который на утреннем безлюдном бульваре интересен сам себе и занят делом, – счастливец!

Анатолий Приставкин

«Вагончик мой дальний»

Дорогой Шура, Наталия Николаевна – посылаю вам мою новую книгу, буду рад, если она вам понравится.

Сердечно ваш.

2006

Толя Приставкин был из тех, кто вне подозрений. Есть люди, прикидывающиеся (иногда очень талантливо) смелыми, цельными, левыми, правыми, добрыми, хлебосольными. И есть очень немногие, таковыми и являющиеся. Это, как ни странно, видно сразу.

Мы с Толей и Марком Захаровым жили в загородном писательском кооперативе «Красновидово», где у нас имелось по квартире. Так как в нем в основном проживают вдовы писателей – а вдов вообще всегда в три раза больше, чем самих писателей, – то там кипели коммунальные страсти. И лишь Толя, который был председателем правления этого кооператива, мог как-то с ними справляться. Когда Толи не стало, очередная волна интриг захлестнула все поселение и остро встал вопрос о новом председателе. В беседке посреди поляны без конца заседало правление, крик стоял истошный, но консенсуса члены правления достичь не могли. Кого бы ни выдвигали, тут же возникало контрмнение и кем-то вскрывалась гнусная сущность кандидатуры. Все это происходило несколько дней и стало попахивать бесконечностью. Но вдруг кто-то из членов осторожно намекнул, что хорошо бы выбрать председателями Захарова и Ширвиндта: поскольку они ничего в этом не понимают, то все будет решать правление, а их нужно будет только в экстремальных ситуациях посылать по начальникам, чтобы они при помощи лиц и положений добивались всего, чего правление захочет. Мы были вызваны на поляну, где нам торжественно объявили о решении, сказав, что без нас кооператив погибнет. Мы расслабились и безвольно согласились. Дома жены, услышав о нашем новом служебном положении, высказали дуэтом все, что они о нас думают. Мы скатились с лестницы, остановили уже расходившихся вдов и сказали, что мы отказываемся от

должностей. Так мы с Марком Анатольевичем Захаровым были председателями правления кооператива «Красновидово» 10 минут.

Владимир Войнович

«Образы и слова»

Великому Александру Ширвиндту – лицедею, острослову и рыболову, вместо (пока) обещанной пьесы.

2003

«Монументальная пропаганда»

Александру Ширвиндту – с монументальной приязнью.

2008

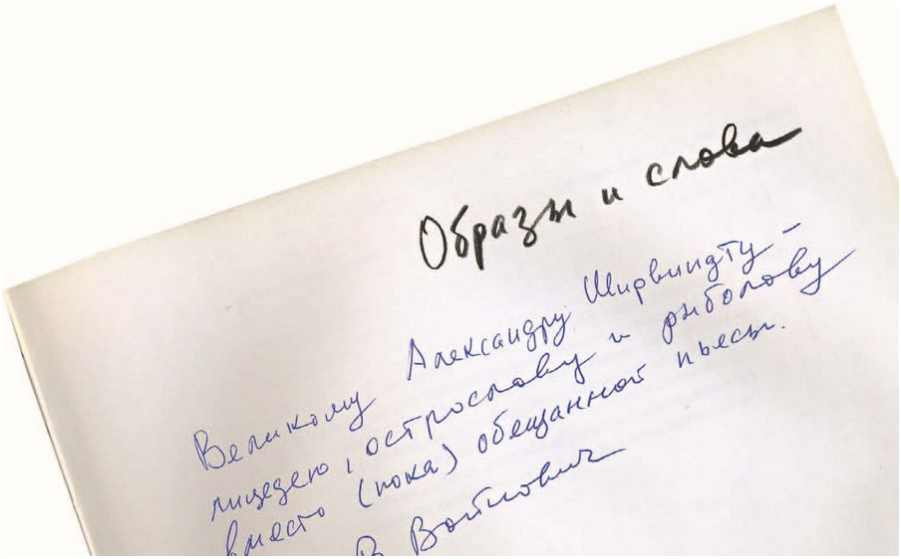
«Монументальная пропаганда»

Достопочтенному Александру Ширвиндту – с неуемной надеждой, что какая-то из моих сатир достигнет сцены Театра сатиры и воссияет на ней.

В. Войнович

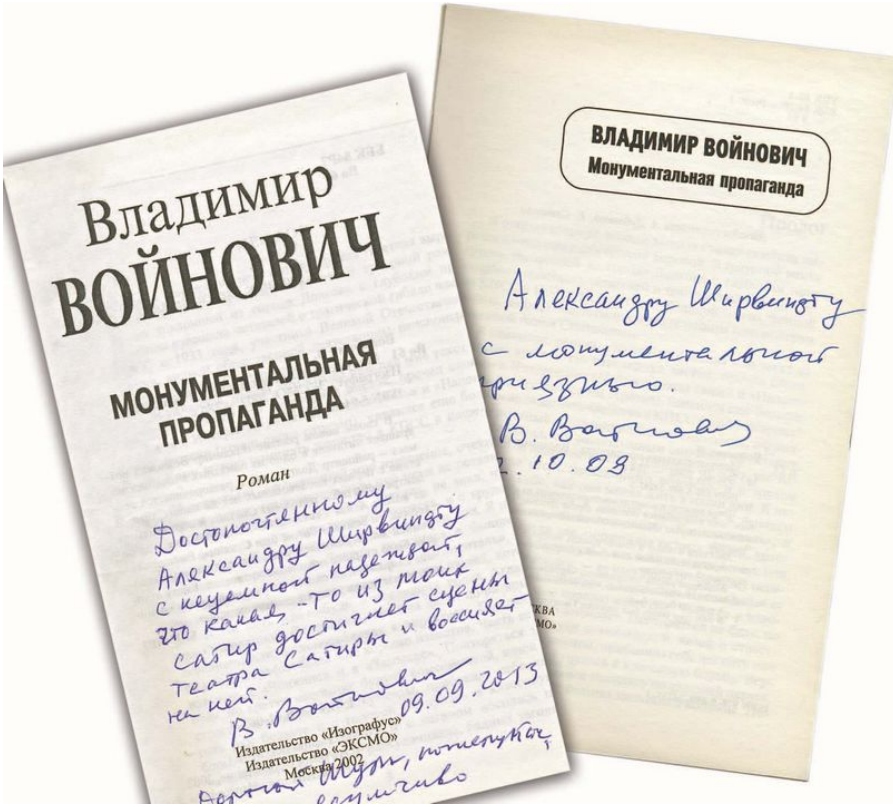
2013

Дорогой Шура, пожалуйста, прочти вдумчиво.



Авторы все-таки очень любят свои произведения. И даже такой ироничный человек, как Володя, в 2008 году подарил мне свое произведение с надписью, а через пять лет подарил его же с другой надписью. Но не спьяну, а с твердой уверенностью, что за пять лет оно стало лучше.

Так мало цельных, мощных людей, которые никогда не колебались вместе с линией партии. Володя был таким. Вся его биография соткана из поступков. Володя ушел, все вспоминатели – в один голос: «Войнович, который написал “На пыльных тропинках / Далеких планет / Останутся наши следы”». И все. Как будто не было ни его личности, ни Чонкина. И ничего другого. Биография Войновича – это пособие. Сейчас говорят, что патриотизм надо где-то выискивать. Его ищут во всех щелях. Просто биография Войновича должна быть в школах, и будет патриотизм.



Владимир
ВОЙНОВИЧ

МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА

Роман

Достоточтенному
Александру Ширвиндту
с неуемной надеждой,
что какая-то из моих
сатир достигнет сцены
театра Сатиры и воплотит
на ней.
В. Войнович
09.09.2013

Издательство «Изографус»
Издательство «ЭКСМО»
Москва 2002

ВЛАДИМИР ВОЙНОВИЧ
Монументальная пропаганда

Александру Ширвиндту
с монументальной
признательностью.
В. Войнович
2.10.09

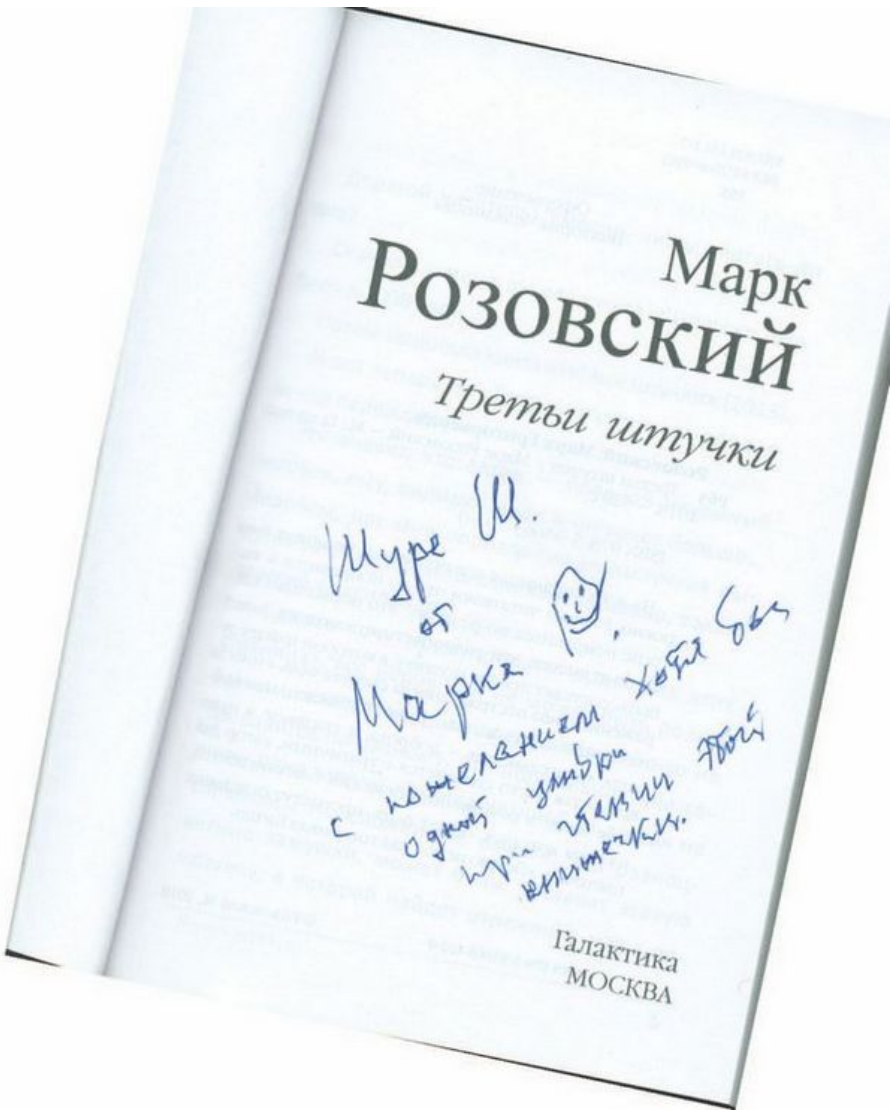
Марк Розовский

«Третьи штучки»

Шуре Ш. от Марка Р.

с пожеланием хотя бы одной улыбки при чтении этой книжечки.

2018



Когда-то очень давно я случайно и счастливо оказался в одном купе «Красной стрелы» с Георгием Александровичем Товстоноговым. Гога (подпольная кличка Товстоногова в актерских кругах) дико мне обрадовался. Не потому, что дико обрадовался мне, а потому, что дико обрадовался свежему человеку, с которым можно поделиться тем, чем со всеми уже поделился. Кроме того, я действительно обожал Георгия Александровича, он это знал и за это меня любил. Под не помню сколько коньяка мы проболтали почти всю ночь, поведав друг другу много веселого и горького. В какой-то момент Георгий Александрович сказал: «Знаете, Шура, я всегда очень болезненно и осторожно подхожу к выбору материала. Что-то хочу поставить, потом сомневаюсь. Потом снова хочу и опять боюсь. Так продолжается иногда месяцами. И когда наконец я решаюсь и свое решение озвучиваю, мне тут же говорят: “Вчера это поставил режиссер Александр Белинский”». И действительно, Саша Белинский всегда фонтанировал идеями и опережал всех воплощением задумок. Уговаривая артистов на сотрудничество, он обычно произносил: «Не бойся, я не оскорблю тебя количеством репетиций».

Так вот, Марк Григорьевич – достойный продолжатель дела Белинского. Фраза звучит очень красиво, потому что кроме Сашки Белинского был еще Виссарион Белинский, продолжателем которого Марк Григорьевич не является. Короче, Марк Розовский – эрудит, действительно интеллигентный человек, действительно хороший писатель, действительно темпераментно-гражданский настроенный в нужном направлении, действительно за свою жизнь создал массу всего, и из этой массы очень многое было не массово. Единственная моя претензия к Марку Григорьевичу – что он (благодаря невероятным усилиям, стойкости и мужеству) получил и реконструировал бывший Кинотеатр повторного фильма у Никитских ворот, в котором я провел лучшие годы моего среднего образования.

Елена Чайковская

«Конек Чайковской. Обратная сторона медалей»

Дорогой Наташе, жене гения, с огромной любовью и благодарностью за поддержку, за дружбу, за понимание! Желаю долго, долго жить, быть в здравии и любви!

2017

Нас с Леной Чайковской объединяет лед. Ведь лед можно употреблять не только, как она его триумфально употребляет всю свою жизнь, но и с виски, и с водкой. Это разнообразное увлечение льдом нас и сблизило.

Леночка немножко медиум. Например, она может читать любой текст наоборот, справа налево. Она помнит наизусть все телефоны, которые когда-либо случались в ее жизни. Она чует то, что должно произойти, и поэтому… Не буду продолжать – с ней страшновато. Она, конечно, тоже гений, так как то, что она делает, немыслимо. Она красавица, и это бесит окружение. Она

патологически хлебосольна. Ее девиз: «Накормить все, что голодно вокруг». Она опять стала начальницей – возглавила тренерский совет Федерации фигурного катания на коньках России. Было бы только, кого тренировать, и пустили бы тех, кого она тренирует и кормит, на Олимпийские игры. Я когда-то придумал название для ее школы фигурного катания – «Конек Чайковской». А она недавно за это подарила мне подушечку с нашими лицами. В эту подушечку удобно плакать, на ней не стыдно спать, мечтать, любить, читать и умереть. В крайнем случае, к ней очень красиво приколоть ордена.

Аркадий Инин

«На Дерибасовской хорошая погода»

Шура, это, конечно, не для того, чтобы читать тебе, а для того, чтобы порадовать мою единственную читательницу Тату.

2008

В нашем доме много книг Аркадия, и во всех надписях – ссылка на то, что читать это будет лишь моя супруга. Аркашины книги моя супруга действительно читает и иногда пересказывает мне своими словами места, которые хоть как-то касаются меня.

Аркаша, как и я, долгоженатый. Когда осуществилась первая туристическая поездка в Америку от Союза кинематографистов, мы там жили в шикарных отелях, нас возили на неслыханных автобусах и круглые сутки кормили. К тому же все это происходило в Нью-Йорке, Чикаго, Вашингтоне, далее – везде. Для нас это было потрясением, и мы ощущали себя туристами-миллионерами. С одной только разницей: у нас не было денег. О подпольной продаже в Америке икры, водки, жостовских подносов и кубинских сигар написаны многотомники. Но что касается попыток приобретения сувениров и носильных вещей для близких, тут все-таки много пробелов, поскольку каждый случай персонально-уникален. Так, у Аркадия Яковлевича, известнейшего сценариста и сатирика, была маниакальная мечта купить жене кожаное пальто. За несколько дней до отъезда на родину он отозвал меня в сторонку. Выяснилось, что от контрабандной продажи вышеперечисленного мною товара набралась сумма, с которой можно попробовать на развалах Брайтон-Бич приобрести желанную вещь. Он объяснил, что выбрал меня, поскольку мне относительно доверяет, и попросил поехать с ним на Брайтон-Бич и помочь ему купить пальто: так как фигурой я отдаленно напоминаю ему супругу, он будет на меня его мерить. Не стану подробно рассказывать о семичасовом походе по жутким развалам брайтонского старья. Скажу только, что, когда Аракаша мерил на меня очередную женскую одёжку, вокруг собиралась довольно большая аудитория и мы имели успех. По приезде в Москву оказалось, что Инна в пальто не влезла, и Аркаша перестал со мной здороваться, почему-то решив, что виноват я.

Это не конец истории. Прошли годы, на одной из церемоний «Ники», когда мы с Державиным вручали Аркаше какой-то приз, я в довесок к призу торжественно преподнес ему кожаную куртку: надел ее на себя и показал ему и публике, что куртка застегивается на женскую сторону. Аркаша поцеловал меня и унес куртку. Что это была за процедура, поняли только мы. Кинематографисты подумали, что это глупая и несмешная шутка.

Георгий Менглет

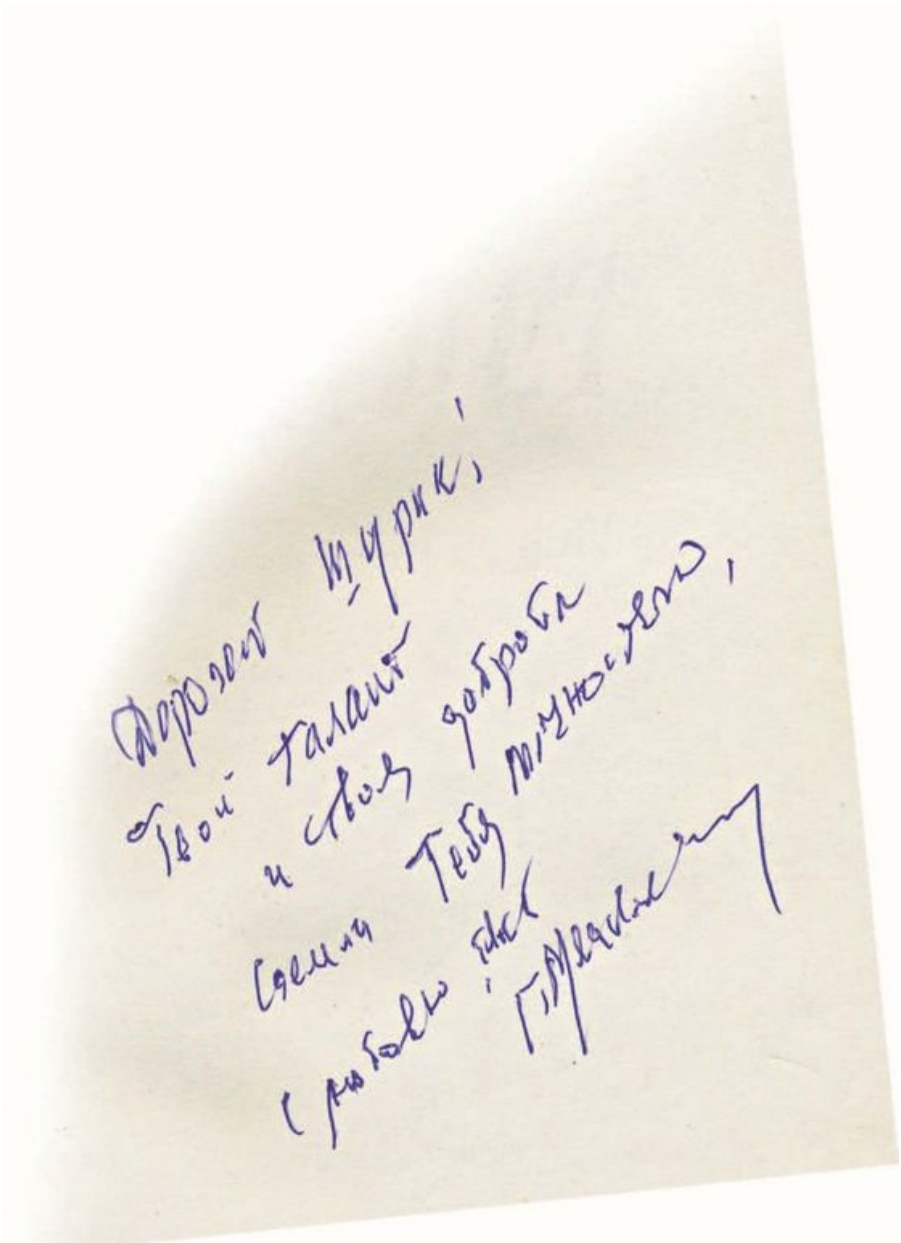
«Амплуа – первый любовник»

Дорогой Шурик!
Твой талант и твоя доброта сделали тебя личностью.

С любовью —

твой Г. Менглет

2001



В прежние годы во время редких зарубежных гастролей денег не платили, и очень важно было наскрести что-нибудь, чтобы купить подарки семье, когда в основном хочется купить себе. Ниночка Архипова, актриса удивительной красоты и обаяния и жена не менее красивого и обаятельного Георгия Павловича Менглета, решала эту проблему очень просто. Георгий Павлович обожал галстуки. Во всех поездках она покупала Жорику один галстук, а сэкономленные суточные тратила на что-нибудь

женское. Однажды их занесло с концертами в Монголию. Там не оказалось ничего женского, и Ниночке пришлось потратить деньги на мужа. Уже по их возвращении в Москву я как-то зашел к Жорику в гримерную потрепаться, он что-то мне, как всегда, матерно (Георгий Павлович являлся классиком этого жанра) рассказал про футбол (он был фанатом и этого жанра тоже) и попутно хвастливо сообщил, что Ниночка в Улан-Баторе купила ему кожаное пальто. «Не может быть, – усомнился я. – Где оно?» «Вон, – сказал Жорик, – стоит в углу». За дверью действительно стояла огромная черная жуть, вероятно, выделанная из какого-то монгольского мамонта.

Юрий Рост

«Конец света, каким его увидел и описал Юрий Рост»

Шура! Это не конец света. Это такой свет!

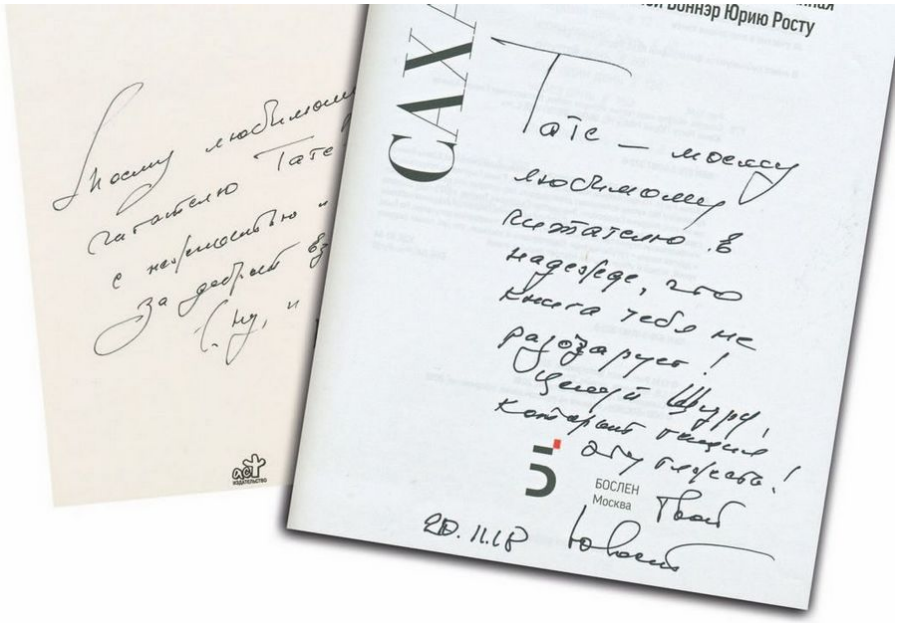
С любовью – Юрий Рост

2004

«Групповой портрет на фоне века»

Моему любимому читателю Тате (лично) с нежностью и благодарностью за добрый взгляд! (Ну, и Шуре.)

2017



«Сахаров. “Кефир надо греть”. История любви, рассказанная Еленой Боннэр Юрию Росту»

Тате – моему любимому читателю – в надежде, что книга тебя не разочарует. Целуй Шуру, который тащил эту тяжесть!

Твой Юрий Рост

2018

В основном все автографы друзей посвящены моей супруге. Во-первых, это беспомощная попытка юмора. Во-вторых, действительно в семье читает все – от сканвордов до Роста – только Наталия Николаевна. И в-третьих, это надежда на ее ответный звонок и восторженную благодарность за надпись, которых дождаться от меня они, естественно, не рассчитывают.

Что касается Роста, то он очень скуп на комплименты и сдержан во взаимоотношениях. Поэтому с гордостью сообщаю, что у меня есть несколько его замечательных фотографий, несколько не менее замечательных трубок и несколько искренних, теплых слов. Более того, на обложку моей предыдущей книжки – «В промежутках между» – помещен бескорыстно отданный им мой портрет. С этого портрета

срисован метр на полтора опять же мой портрет с красивой подписью: «Дорогому Александру Анатольевичу. Ваш Никас Сафронов». Что говорит об уникальности фотографии и о смелости Сафронова.

Если человек талантлив и друзья его такие же и боятся быть ординарными, то их поиск «неслыханного» приводит порой к катастрофе. Так, Юрочка Рост отмечал свое 80-летие в фойе театра «Мастерская Петра Фоменко». Все было шикарно по людям и совершенно неслышно по акустике. Пиком вечера стал запуск огромного воздушного шара с именем Роста с другого берега Москвы-реки. Шар был великолепный, запустили его точно по задуманному сценарию. Всю гостевую элиту тревожными сигналами предупредили о начале аттракциона. Не учли одной мелочи: в этом фойе не было окон. Элита толпилась у стен, шар грустно улетал, как олимпийский Мишка, но слезы были не умиления, а разочарования.

Вадим Жук

«Жаль-птица»

Любимому собеседнику. Читай и собеседуй.

2014

Уникальность бывает различная, иногда придуманная самим уникумом, иногда нафантазированная поклонниками или родными, а иногда на самом деле уникальная. Если говорить о Вадике, то это значит – тиражировать ощущение от его начитанности, остроты социального неприятия действительности (какой бы эта действительность в данную минуту ни была), изящества и доброты. Но этими качествами отличаются все-таки многие. Если не суммарно, то хотя бы частично. Уникальность Вадима – в его худобе. Сейчас он растолстел и его вес, наверное, – я не взвешивал – перевалил килограммов за 50. Но по молодости он был неправдоподобно строен. Никогда не забуду, как в Доме творчества «Актер» в Ялте, где мы тогда отдыхали, я зашел утром за ним, чтобы вместе пойти на пляж. Не помню, с кем он жил в номере, по-моему, с кем-то из артистов БДТ. Увидев накрытую простыней Вадикину кровать, я спросил: «А где хозяин?» Его «сожитель», указывая на застеленную койку, сказал: «Спит». Я приподнял простынку, под ней лежал Вадик, тело которого не прочитывалось под простыней. Как ему десятилетиями удается сохранить такую стать, неизвестно. Правда, я никогда не видел, чтобы Вадик что-нибудь ел. Я только видел, как он пьет и курит. Я тоже пью и курю, но под простыней читаюсь.

Наина Ельцина

«Личная жизнь»

Дорогим Наташе и Шуре – на добрую память о нашей большой семье. Сердечное спасибо за ваше душевное тепло, внимание, поддержку и за то, что каждая встреча с вами – праздник!

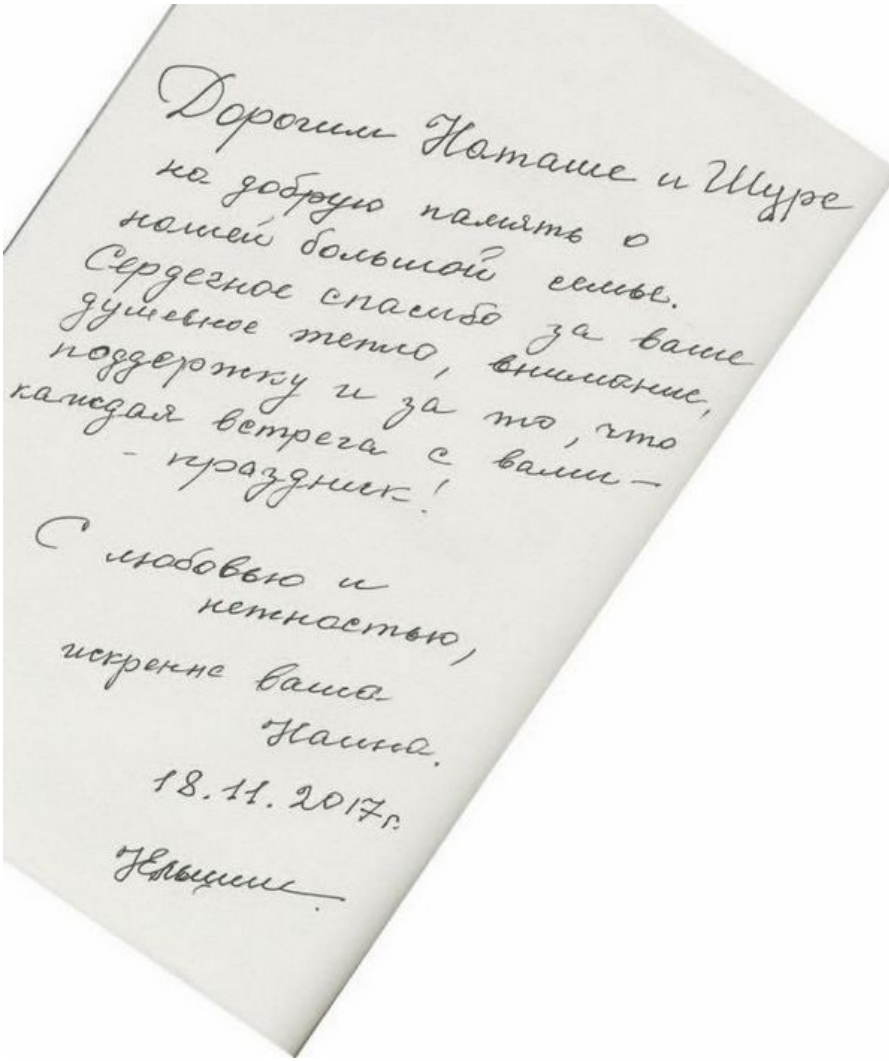
С любовью и нежностью,

искренне ваша

Наина

2017

Из всех цариц, которых я знаю понаслышке или с которыми встречался, Наина – самая естественная и обаятельная. Для меня во всяком случае. Она, например, надежно занимает первое место по производству клюковки. Хреновуху, клюковку, калгановку, а также крыжовниковую, брусничную и так далее настойки делают все кому не лень, потом хвалятся первенством своего продукта, в основном, настоянного на ворованном спирте или на самогоне. Наина Иосифовна такой пошлятины себе не позволяет. Она создает клюковку исключительно на высоких сортах водки и угощает ею друзей, а наиболее приближенным типа меня и попутно наиболее пьющим она дарит ее бутылками. Однажды на каком-то торжественном юбилее я распоясался и, лаская со сцены сидящих в зале друзей, нахально произнес, что здесь находится моя любимая самогонщица. И долго рассказывал о Наининой клюковке. Наина встала из середины четвертого ряда, сказала, что она не самогонщица, а хранительница великих русских народных алкогольных рецептов и что Шурино хамство она запомнит и сократит поставку своих фирменных напитков. Я упал на колени, прослезился и крикнул: «Наина, пощади!» – поскольку представил себе, что, так провинившись, вынужден буду окончательно перейти на жуткую сивуху, которую мне поставляют сын и любимые артисты театра. Так как клюковка у меня до сих пор, Наина, очевидно, меня простила.


Дорогим Наташе и Шуре
на добрую память о
нашей большой семье.
Сердечное спасибо за ваше
душевное тепло, внимание,
поддержку и за то, что
каждая встреча с вами –
– праздник!
С любовью и
нежностью,
искренне ваша
Нина.
18.11.2017г.

Ну а если серьезно, кроме клюковки она еще делает творожное печенье, тоже очень самобытное. К несчастью, эти два продукта несовместимы, так как закусывать клюковку творожником – это извращение. Приходится закусывать тем, чем закусываю то дерьмо, которое приносят сын и артисты, а творожники есть утром, делая вид, что завтракаешь, а не опохмеляешься.

Юлий Ким

«Волшебный сон»

Александру Анатоличу Ш. с неизменным п. и всегдашней л.

Юлий Черсанович К.

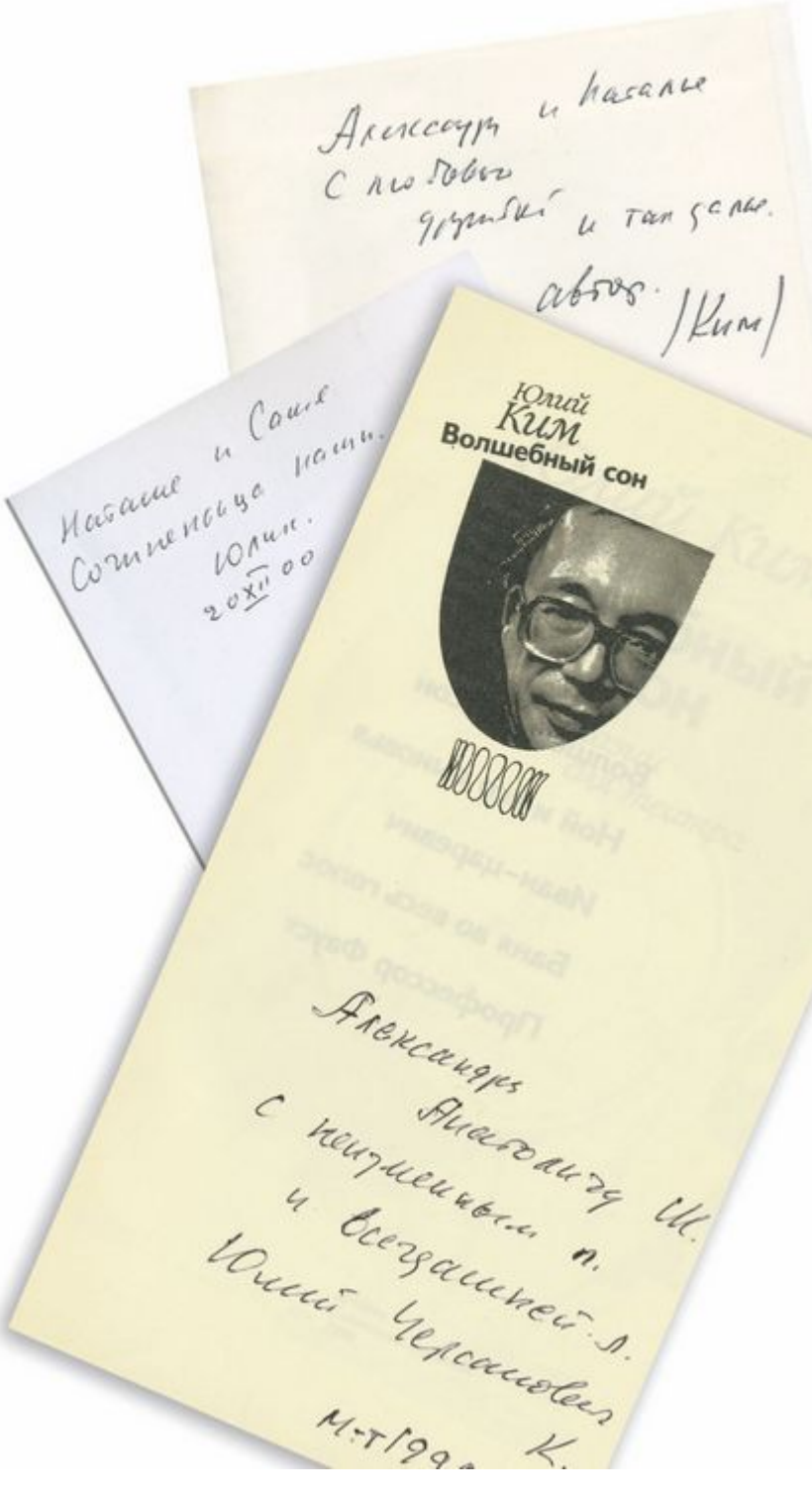
М-т 1991 г.

«Мозаика жизни»

Александру и Наталье —
С любовью, дружбой и так далье.

Автор (Ким)

2000


Александру и Наталье
С любовью
радостью и теплом.
автор. /Ким/
Наташе и Саше
Солженицыным
Юлик.
20 XII 00
Юлий
Ким
Волшебный сон
Александру
Анатольевичу Ш.
с пожеланием п.
и всегдашней л.
Юлий Черсанович
Ким
М-т/199

«Сочинения»

Наташе и Саше
Сочиненьица наши.

Юлик

2000

Мы с Юликом решили при помощи Булгакова немножко поиздеваться над системой театрального производства. У Михаила Афанасьевича есть пьеса с полутрагической судьбой «Полоумный Журден» – театральное хулиганство по мотивам «Мещанина во дворянстве» Мольера. У Булгакова это так: заболел Мольер, и актеры пытаются сыграть «Мещанина во дворянстве» без него. Когда-то Немирович-Данченко просил Булгакова об этом, как теперь говорят, проекте. Ничего не получилось. К нему подступался Юрий Александрович Завадский – ничего. Теперь рискнули мы.

Кончилось это тем, что мы забыли про Булгакова, в общем, довольно хамски обошлись с Мольером и при помощи родного коллектива и Володи Дашкевича сочинили зрелище под названием «Хотим сыграть Мольера». В программке написано: «Ироничное баловство по пьесе Мольера “Мещанин во дворянстве” в сценической версии Александра Ширвиндта со стихами Юлия Кима и музыкой Владимира Дашкевича». Публика смеется, аплодирует, но, когда Юлик показывал материал на репетициях, артисты смеялись больше.

Андрей Максимов

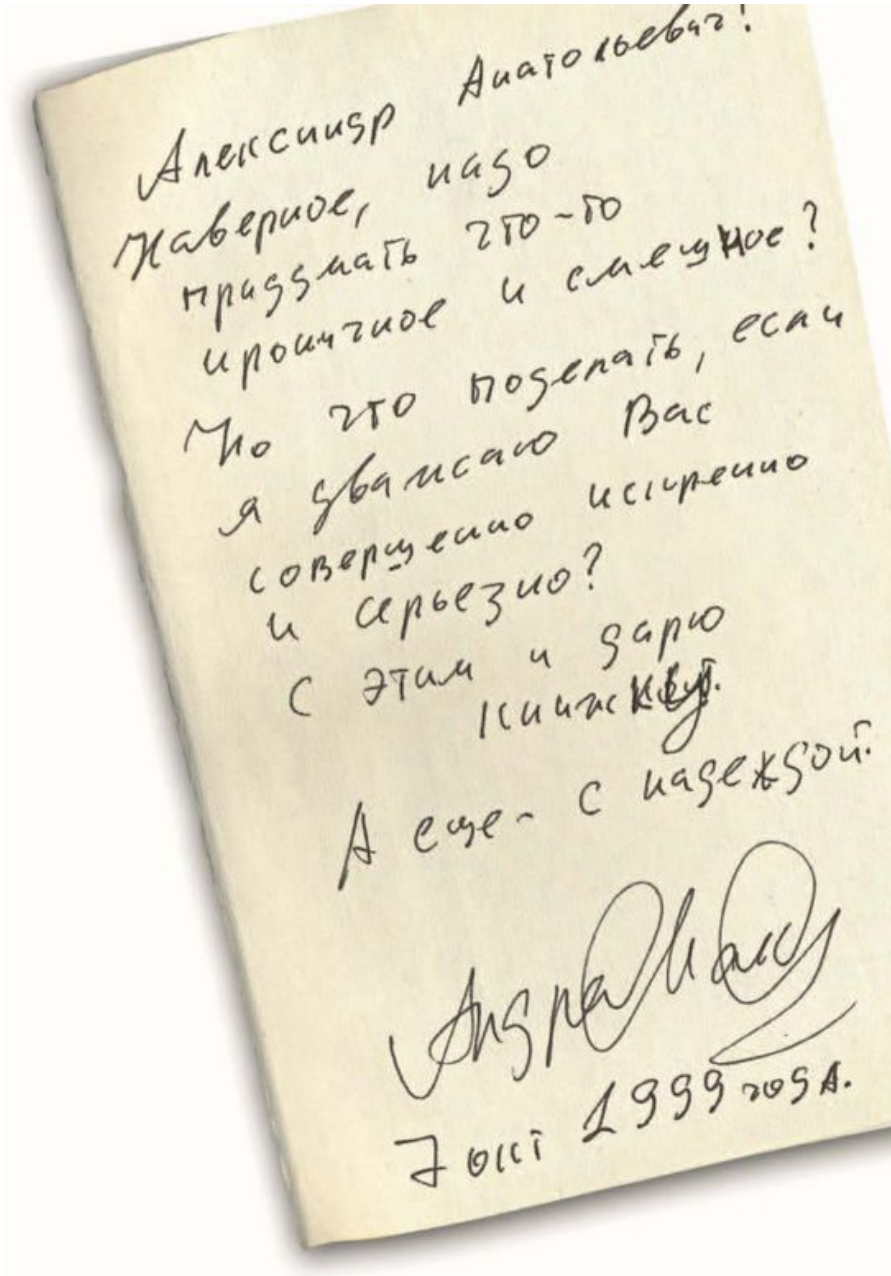
«Любовные игры на свежем воздухе»

Александр Анатольевич!

Наверное, надо придумать что-то ироничное и смешное? Но что поделать, если я уважаю Вас совершенно искренно и серьезно? С этим и дарю книжку. А еще – с надеждой.

1999

Прошло 20 лет. За эти 20 лет Андрей много чего написал, много чего поставил, много чего проинтервьюировал, в том числе и меня, и все эти годы мы не устаем друг другу нравиться. Чтобы не быть голословным, вот свежий имейл.*



* Уважаемый

Александр Анатольевич!

Поскольку шутить с Вами, это все равно, что читать свои стихи Пушкину или пьесы Шекспиру, я буду серьезным. Я Вас очень люблю, уважаю и боюсь. И когда у меня только возникает мысль показать Вам свою пьесу, страх побеждает. А тут на премьере «Мольера»

подскочил Нифонтов и попросил: мол, дай что-нибудь для нашего театра. Ну, я и дал, конечно, с удовольствием. Я буду счастлив поставить эту пьесу сам. Я буду еще более счастлив, если найдется желающий ее поставить. И я абсолютно спокойно пойму, если пьеса не понравится. Моя любовь к Вам насчитывает такое количество столетий, что никакая мелочь ее не разрушит.

С почтением, Андрей Максимов

Домашний архив

Он прислал мне пьесу под названием «Синяя Борода». Я не стал ждать следующих 20 лет и сразу Андрюше ответил.*

* Дорогой Андрей Маркович!

Очень тронут сообщением о твоих ко мне любви и уважении и просто возликовал, узнав, что все-таки есть в постсоветской культуре один человек, который меня боится. Для меня это приятная премьера на закате дней. Мое к тебе отношение – идентичное. И это не слова, ибо ты сам видел, как я на закате тех же дней, о которых упоминал выше, рискнул, превозмогая титаническую лень и слабость в коленках, выползти на сцену в спектакле «Где мы?∞!..», ностальгически воплотив ретроинтеллигента в законе. Ничья внешность, кроме твоей, для этого воплощения в воображении не возникла, и я, превозмогая то, о чем писал тебе выше, долго и старомодно гримируюсь, несмотря на то, о чем писал выше.

Насчет пьесы. В атмосфере театральных поносов и режиссерских новаций я смутно помню, что «Синяя Борода» – это сказка Шарля Перро, а также помню несколько опер и комедий про ту же Бороду с кровавым паркетом в тайной комнате и каким-то синюшным монстром. Все это помнят в нашей стране два человека – ты и я. А без такого фундамента знаний первоисточника сама затея и так далее…

Временно перестань меня бояться, звони, приходи, пиши, умело маневрируя, чтобы миновать подскакивающего к тебе Нифонтова.

Твой поклонник

Домашний архив

Михаил Ардов

«Мелочи архи… прото… и просто иерейской жизни»

Александру Ширвиндту по старой дружбе.

2005

Пути Господни неисповедимы. Иногда натыкаешься на людей, которых не видишь десятилетиями, и происходит это в самых неожиданных местах. То, что милейший, обаятельнейший и эрудированнейший нежный еврей Миша Ардов стал православным священником, я знал. Но на службах у него я не был, а он со светской жизнью давно завязал. И тут вдруг на Головинском кладбище в маленьком уютном храме, провожая артиста нашего театра Толю Гузенко, очень лаконично и искренне совершал отпевание священник. Его почти не было видно за спинами прощающихся. Но что-то в его голосе и интонации мне послышалось знакомое. И только когда выносили Толю из храма, я столкнулся со священником, который обиженно шепнул мне: «Что ты не здороваешься?» Я узнал Мишку и поздоровался. В следующий раз, когда отпевали Ольгу Аросеву, я уже знал, что в этом храме надо не забыть поздороваться с Михаилом Викторовичем.

(Картинки с натуры)

Москва
Издательство имени Сабашниковых
1995

Валерий Плотников

«Фотограф Валерий Плотников. Чистосердечная фотография, моментальная и навек…»

Саша! Этот альбом дарю на память о замечательных днях в стране Финляндии, где мы и познакомились.

Желаю наилучшего всего в наступившем 2000 году!

От автора и фотографа.

Валерий

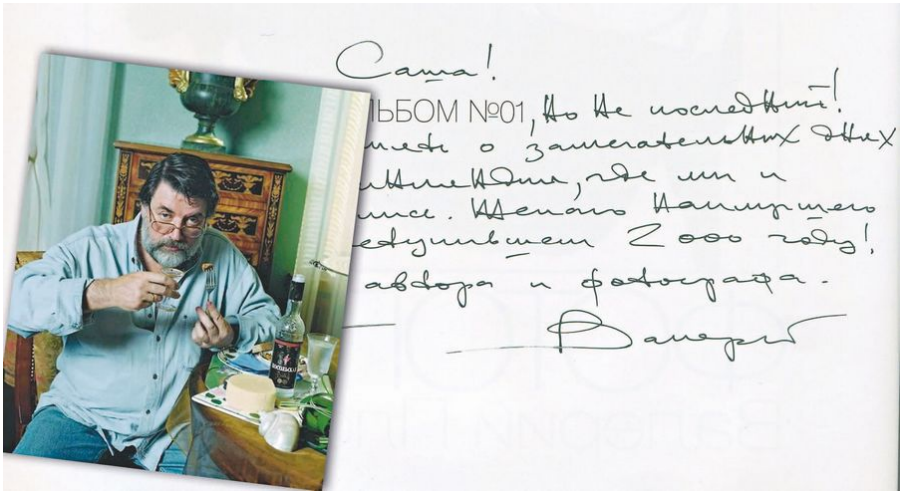
2000

В Доме актера по всем коридорам, а их там километры, развешаны фотографии – как изобразительная летопись нашего многострадального дома. В основном это работы Плотникова. Он как всякий большой художник страшно дорожит своими негативами и никогда ничего не дарит. Как-то в Петербурге, в Выборгском дворце культуры, когда я готовился выйти на сцену в спектакле «Орнифль», в гримерную вошел Валера и торжественно поставил на столик мою фотографию в изящной рамочке размером 30х40 сантиметров (для несведущих на правах рекламы сообщаю, что в фойе Выборгского дворца перед каждым крупным гастрольным мероприятием Плотников демонстрирует и продает свои работы). Валера сказал: «Это тебе. Я расписался, распишись и ты». От неожиданности я его поцеловал и в слезах ушел играть спектакль. Когда вернулся в гримерную, портрета не было. Оказывается, он удачно его продал, потому что совпали три обстоятельства: автограф автора, автограф портрета и сам герой, которого можно было увидеть на сцене.

Кстати, я у Валеры на фотографиях всегда с рюмкой и закуской. Это хамство, потому что у меня кроме рюмки есть еще другая профессия. Он это всегда игнорировал. Но я не обижаюсь. В его альбомах идут подряд портреты гениальных писателей, художников и актеров, и для вздоха и оттяжки они периодически чередуются со мной при пол-литре. В этом – элемент моей надежды на бессмертие.

Когда думаешь о Валере, возникает ощущение фундаментальности и стойкости характера. Я знаком с ним много

лет и не помню, чтобы он хоть раз изменил себе.



Аркадий Ваксберг

«Любовь и коварство. Театральный детектив»

Шуре Ширвиндту – с любовью без коварства.

Твой Аркадий Ваксберг

2008

Очень хочется пополнить произведение людьми, которые интеллигентностью, умом и образованностью выгодно отличаются от автора. К таким относится Аркаша Ваксберг и еще, пожалуй, пара человек, которые, к сожалению, в этой книге не присутствуют.

Новелла Матвеева

«Кассета снов»

Глубокоуважаемому Александру Анатольевичу Ширвиндту – от поклонницы Вашего таланта и Вашего взгляда на вещи.

1998

Я поймал себя на мысли… Прекрасное, кстати, выражение. Как это понять? То ли употребляющий его первый раз в жизни мыслит, то ли у него такой склероз, что нужно ловить себя в момент, когда случайно влетела мысль. А выражение очень ходкое. В общем, я поймал себя на мысли, что, перелистывая страницы подаренных книг (сейчас написал глупость: ничего я не перелистывал, а просто читал автографы), натыкаюсь на послания людей, с которыми либо вообще не был знаком, либо был знаком шапочно. И я подумал: чего о них писать, если я их лично не знаю (хотя сейчас очень модно рассуждать о том, в чем ничего не соображаешь). А потом решил, что это нерентабельно, так как вся жизнь строится на рекламе и саморекламе, и что же я буду упускать возможность прорекламировать неожиданно хорошее отношение к себе замечательных людей, с которыми почему-то незнаком или знаком шапочно.

Новелла Матвеева была абсолютно редким существом: самобытный поэтический дар, музыкальная персональность и, конечно, голос. Такое не придумаешь, не выучишь и даже не спародируешь. Да и сама фраза Новеллы в мой адрес – парадоксальна. Почему-то Новелла меня не просто уважала, а глубоко. Как можно глубоко уважать, когда с человеком незнаком? С другой стороны, писать «поверхностно уважаемому Александру Анатольевичу Ширвиндту» – грубовато. Но это полбеды. Дальше она переходит к моему таланту, поклонницей которого являлась, и моему взгляду на вещи. Но о каких конкретно вещах она говорит, не расшифровывает. Потому что общего имущества у нас не было, я ей ничего не дарил, она мне тоже, и поэтому здесь «вещи» также надо понимать поэтически-виртуально.

Юнна Мориц

«Третий глаз»

Брат актёр!
Сей мир – шатёр,
В шатре – костёр,
В костре – мы
Во время чумы.

Обнимаю.

1981

У каждого поэта, художника, артиста были разные периоды: синий, голубой, зеленый, красный, желтый, черный. Если биография длинная, то и спектр цветов широкий. А еще если в спектре каждый раз – новое мировоззрение, то это, возможно, говорит не о беспринципности, а о широте восприятия.

Юнна МОРИЦ

ТРЕТИЙ ГЛАЗ

КНИГА СТИХОВ

Брат актёр!
Сей мир – шатёр,
В шатре – костёр,
В костре – мы
Во время чумы.
Обнимаю.
Юнна Мориц
29/IV-82г.

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1980

Здесь явно период туристической ностальгии. Юнна, мало меня зная, уловила суть моих желаний. Я на самом деле хотел бы жить в шатре типа палатки, жечь там костер, потому что лучше огня и воды ничего на свете нет. А топить собой во время чумы – это тоже вполне разумная мысль, потому что во время чумы до крематория добираться опасно.

Владимир Любаров

«Рассказы. Картинки»

Александру Анатольевичу, остроумием которого я восхищаюсь!

2011

Я не знаю, каким моим остроумием восхищается Любаров, потому что я лично ему, к сожалению, никогда не острил. Тут два варианта: либо он меня где-то застал шутящим, так как в театр он не ходит и поздно ему привыкать, либо ему пересказывает шутки моя коллега актриса Оля Кузнецова, его подруга, приносящая мне его альбомы и календари, которыми моя супруга завесила всю дачу и часть участка, потому что, в отличие от него в отношении меня, с полным основанием является его ярой поклонницей.

Игорь Кваша

«Точка возврата»

Таточка и Шурёна! Обожаемые мои!
Так много мы помним, что аж страшно!
Люблю вас обоих!
Здоровья!

Ваш Кваша

2008

Игорь всегда жил с ощущением необходимости срочно что-то сделать для друзей. Если он не успевал сегодня, он связывался по телефону ночью и обещал исправиться завтра. И еще он был великий спорщик и всегда знал все, даже то, чего никогда не знал. Вспоминаю, как он напросился на бега, сказав, что никогда в жизни там не был, но давно мечтает. Мы с Арканoвым взяли его с собой, предупредив, чтобы он не спрашивал, где лошадь, вел себя тихо и не позорил нас, заядлых ипподромщиков. Буквально через час Игорь, освоившись, уже категорически рекомендовал ставить на ту или иную лошадь, журил нас за некомпетентность и говорил, что больше нас с собой на ипподром не возьмет. И так во всем. Максималист в дружбе, любви и профессии.

Так как я крупный писатель и каждое мое новое сочинение пользуется огромным успехом и выходит неслыханным тиражом, то основная задача издателей – попытаться хоть пару экземпляров продать. Для этого есть такие хитрые уловки, как презентация нового издания в книжном магазине. Книжка выставляется чуть ли не на тротуар, рядом обычно портрет автора, если его лицо не противнее самой книжки, в богатых книжных магазинах все время звучит вокзальное предупреждение, что буквально через пару часов в левом углу за стеллажом «Народная медицина» состоится встреча читателей с автором, который расскажет о создании книжки и раздаст автографы. Несколько случайных старух и стайка девушек, сбежавших с занятий, восторженно ждут авторских откровений. Автор в моем случае откровенно говорит, что он не писатель, но с удовольствием распишется на своем произведении. Это тонкий ход, ибо после такого воззвания старушки и девушки вынуждены вскладчину купить хотя бы одну книгу и попросить коллективный автограф.

И вот в книжном магазине «Москва» на Тверской я, склонившись над столом, надписывал книжки, и тут протянулась рука и раздался бархатный голос: «Если можно, что-нибудь интимное». Так как это был мужской голос, я вздрогнул и поднял голову. Передо мной стоял Игорек Кваша, который не поленился прийти в магазин, за свои деньги купить мою книжку и сделать мне приятное.

Заключение

В начале данного монолога я ерничал по поводу вступления как литературного «жанра». Ерничал-ерничал, а вступление все-таки произошло. Что делать, так мы живем – яростно против чего-то протестуем, а потом, остыв, прекрасно в этом прозябаем. Значит, раз все-таки было вступление, придется закольцевать и написать заключение. Но, прежде чем писать, необходимо по дурной привычке яростно на него обрушиться, что я и делаю.

У законопослушного обывателя понятие «заключение» ассоциируется с пенитенциарной системой. А в случае с литературой, видимо, это или заключение под читательскую стражу, или заключение на срок читательского внимания.

Кокетливое «подводя итоги» подразумевает предъявление символического счета за прожито-прожранную жизнь. Проверив сумму, принято сыто ухмыльнуться и дать самому себе щедрые чаевые. Если пролистать меню моей биографии, то в целом получается, что я не делал того, чего не хотел. Тут возникает опасение, что я делал то, что хотел. Опасение напрасно, ибо я толком вообще никогда ничего не хотел. Нет, не то, что вообще ничего не делал, а в основном делал вид, что делал то, что хотел. Бессмысленное и мучительное существование, если не решить, что это цельность и принципиальность. Хотя вообще слабое тщеславие – залог вторичности.

Постоянные поиски смысла бытия приводят к утопии продления жизненной эрекции для сравнительной соревновательности с соотечественниками.

Одно из величайших смысловых откровений нашего шоу-века – это построение Максима Леонидова: «Я оглянулся посмотреть, не оглянулась ли она, чтоб посмотреть, не оглянулся ли я». По этой схеме можно расчлененно анализировать всю структуру многовековых информационных, эмоциональных, финансовых, социальных взаимоотношений. По этой схеме могу и о себе. Я слишком поздно понял, что индивидуальное творчество выгодно отличается от коллективного: в нем не надо никому, кроме как себе любимому, что-то доказывать, не надо учитывать степень дебилизма сообщников, делать скидку на ситуацию, успевать вписываться в рамки отпущенного времени, и при этом надо иметь мужество и страсть постоянно не оглядываться.

Если ты талантливее близкого окружения, с каждым часом крепнет его ненависть. Дальнее окружение в этом контексте делится на независимых поклонников и несведущих о твоей гениальности обывателей. Поклонники провоцируют на ощущение, что их все-таки мало. Обыватели раздражают некомпетентностью относительно чужой уникальности. Совмещение этих эмоций заводит в тупик. Раздражение усиливается на фоне затухающей узнаваемости на улице в связи с ожесточенно-массовым появлением свежих одноразовых кумиров и круглосуточной направленности человеческого взгляда на экраны смартфонов.

Самуил Маршак написал: «Ты старомоден. Вот расплата / За то, что в моде был когда-то». Мы все расплачиваемся за то, что были когда-то в моде.

Я давно уже живу сегодняшним днем, потому что завтрашний день как явление очень сомнителен: а вдруг нет?

Наша жизнь напоминает телеигру «Кто хочет стать миллионером?». Массовка в студии, как и общество, за незначительное вознаграждение прикидывается энциклопедически образованной и делает вид, что поддерживает игроков. Игроки, как и в жизни, не доверяют соотечественникам, а если вдруг поверят, то тут же накрываются из-за бездарной поддержки. Следующая схожесть игры и судьбы – это право на ошибку. Здесь, как и в реальности, тебе разрешают ошибиться и тут же обязательно раскаяться и тогда продолжить игру, но уже до роковой ошибки. 50: 50 – азартная рулетка, лотерея – надежда на удачу, не подкрепленная никаким знанием. В жизни нам тоже все время обещают беспроигрышную лотерею, в которой никто никогда не выигрывает. Наконец, самое рисковое и пикантное условие жизненной игры – звонок другу, который за 30 секунд должен спасти кореша. Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, сколько денег ты сможешь выиграть. Друг, как обычно, долго извиняется, что боится оказаться несостоятельным, потом пару раз переспрашивает, потом молчит, якобы думая, и не успевает уложиться со своей помощью в 30 секунд. Схема этой игры – лекала нашей действительности, доведенные до телевизионного абсурда.

Мы погрязли в фитнесе. Все чего-то хотят добиться от своего тела, чтобы быть сильнее, быстрее, моложе и чаще. И мозги

сползают все ниже и ниже – в мышцы. По-моему, лучше спокойно сесть под куст и побыть на оставшихся кусках природы столько, сколько дается организму в данный момент.

Огорчает некоммуникабельность, абсолютная поверхностность взаимоотношений. Искренность как явление выхолощена. Огромная шапка вранья и словоблудия очень давит…

Современность раздражает так давно, что растягивает эмоцию: раздражает, раздражает, раздражает – и привыкаешь. Накопление раздражения не трансформируется в катарсис. А накопление слабостей усиливает тревожную умиротворенность. Но у меня никакой хандры и меланхолии нет. Только бодрая депрессия.

Возрастающий с годами барьер между трусливым смыслом и агрессивным маразмом пугает человечка, а багаж случайных знаний внутри уже несвежей особи создает некую выгребную яму эрудиции, из которой, как рыбаки опарышей, старички вылавливают крупицы «истин».

Никогда не убедишь молодое поколение в том, что оно будет старым. Все настоящее рождается тогда, когда ты молод. Чем дольше живешь, тем больше возникает химии, ума, расчета, карьеры. А чем искреннее хамелеон, тем профессиональнее мимикрия.

Оставаться всю жизнь самим собой страшно. Кто это знает, кто ты сам собой? Если сволочь и упорно остаешься ею – радости мало. А если, не дай бог, хороший человек, то нечего панически завидовать состоявшейся сволочи.

Ускоряющаяся тенденция времени – быть испуганно-зарвавшимся говном. Это очень карьерно заманчиво. Но мне лично поздно. Становиться говном надо с идеологической платформой и стальными мускулами и нервами. А вообще, все эти эмоции абсолютно краткосрочны, потому что авгиевы конюшни в каждом отдельном субъекте федерации вынуждены будут разгребать потомки, которые не поймут, что исторически ценного в этом навозе.

Если нет накопительной воли стать монастырским отшельником, то начинается борьба с самим собой за морально-

неподкупный круг общения.

Старый человек привыкает к привычкам. В отмирании как в явлении ничего хорошего нет, но есть такие навыки, которые уже выполняются в полноги, не думая, не глядя, не мучаясь, не жаждая. Некоторое ощущение отсутствия алчности умиротворяет. Если чего-то уже не можешь, думаешь: «Ну и не надо». А что надо? Мне надо, чтобы я знал, где сейчас находятся внуки-правнуки. Для этого есть телефон. А если еще не болит коленка и не поднимается давление… Ведь в старости – неожиданность возникновения болячек. Опять брюзжу.

Ощущение счастья наступает в момент предположения того, что может случиться, а не в момент факта случившегося. Мечтаешь: вот сейчас отыграю, сниму этот жуткий старый ботинок, вымою морду, доеду до дома, глотну холодной анисовой… И вроде все сбывается: ботинок снял, до дома доехал, анисовая – холодная… Нет, не состоялось.

Немного о мебели. Сел в мамино кресло и осознал, что больше нигде остаток жизни не проведу так комфортно, как в нем. Понял, что, существуя 85 лет на этом свете, я, как поется, «пред Родиной вечно в долгу». Но с Родиной расплатиться невозможно, а долг семье, профессии, наконец, совести выплачен на 300 процентов, и поэтому хватит каждое утро страдать оттого, что кому-то «недо-», даже если это и так. Немножко успокоился и даже улыбнулся неожиданно, поняв, что я лучше кредиторов моей биографии – должники они, а не я. Еще раз неожиданно улыбнулся, облегченно вздохнул и прикинулся поэтом.

Монотонно охаю,
Пережил эпоху я.
Бодро рано утром встану –
Хвать! И охать перестану.

Употребление цитат и ссылка на великих ушедших – ремесло очень нахальное. Например, я сейчас полностью понимаю эмоцию Набокова: «Наступает возраст, когда страх перед старостью становится сильнее страха смерти» – и фразу Качалова, который незадолго до смерти сказал: «Страха у меня нет, но и любопытства тоже нет». Увлекаться такими ссылками очень опасно, потому что можно потерять самого себя, а хочется, чтобы на тебя тоже ссылались.

Последнее время так участился уход друзей и близких, что я перестал посещать прощания. А так как меня постоянно с укором спрашивают: «Почему вас вчера не было на проводах такого-то?» – то я придумал оправдание: «Что-то я охладел к кладбищам и вообще берегу силы для собственной панихиды».

Сейчас мы с каждым днем живем все более цивилизованно. И не живем тоже более цивилизованно. Цивилизация пришла и на кладбища, где проводятся мемориальные экскурсии и дорожные указатели направляют кратчайшими маршрутами до той или иной знаменитой могилы. У артистов соревнование посещаемости не прекращается и за чертой.

В определенном возрасте человек беспокоится о неизбежности забвения и цепляется за какие-то надежды, но все они сомнительны. Ученики, как правило, с годами начинают путать имена наставников, а последователи – алчные бомжи, подбирающие ошметки таланта.

Зачем черепахи живут 300 лет? О чем они думают? Куда не спешат? Почему подёнка живет сутки-двое? Куда она торопится?

Сегодня я понимаю, как расточительно-безвольно тратил отпущенное мне судьбой время. Как-то Даниил Гранин без всякого пафоса сказал: «Жизнь слишком коротка, чтобы позволить себе быть несчастным». Я тоже по старости думаю, что надо успевать быть счастливым, добрым и любимым, а не полемизировать по любому поводу, потому что, как яростно ни борись, все равно окажешься на каком-нибудь тихом сельском кладбище.

Я хочу, чтобы меня запомнили тем, кем я был, и настолько, насколько заслужил.